

DUNGEONS & DRAGONS®

FORGOTTEN REALMS®

РИЧАРД Л БАЙЕРС

БРАТСТВО ГРИФОНА • КНИГА I

СКОВАННЫЙ ОГОНЬ

Аот и его команда наемников были наняты, чтобы положить конец тревожной серии ритуальных убийств. И хотя им удалось расправиться с виновниками, Аот не мог отделаться от мысли, что за этим стояло нечто большее. Но тем не менее он не захотел начинать расследование. В конце концов, это бизнес. Был до тех пор, пока кинжал убийцы едва-едва не нашел приют между его лопаток, и Аот обнаружил себя в паутине интриг.

О переводе

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons “Forgotten Realms”. Перевод выполнен исключительно с целью углубленного изучения английского языка.

Переводчик: **Rogi**

Редактор: **Faer, Даризэль**

Русская обложка: **nikola26**

Вёрстка и форматирование: **nikola26**

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через форум «Долина Теней». Если Вам понравился перевод, просто зарегистрируйтесь и скажите «спасибо» — этого будет достаточно. ;-)

Ричард Ли Байерс

"СКОВАННЫЙ ОГОНЬ"

Братство грифона, книга 1

Много ли вы знаете о Чазаре?

Чазар исчез во времена Магической Чумы. Он отважился пойти в Трескель, но так и не вернулся. Возможно, он искал способ защитить Чессенту от синего пламени; никому доподлинно неизвестно.

В последнее время на северо-востоке поползли слухи. Блуждая в горах, люди рассказывали, что слышали рев дракона в самые темные ночи. Некоторые даже утверждали, что видели одного растянувшимся на земле с огнем, мерцающим в его пасти и ноздрях.

В сообщениях говорится, что дракон огромен и стар, как Чазар. Также сообщается, что он истощен, искалечен, или даже находится в каком-то заточении. Это могло бы объяснить, почему он так и не вернулся.

Но я не считаю, что дракон и Чазар это одно и то же. Хотя может быть и так. Вы поможете мне это выяснить?

Чазар был живым божеством.

ПРОЛОГ

*12-ое число месяца Элейнт, год Темного Круга (1478 ЛД)-
14-ое число месяца Хаммер, год Извечного (1479 ЛД)*

Ананта проснулась. От кошмара не осталось и следа - лишь давящее чувство страха. Сердце выскакивало из груди, когда она глубоко вдохнула и оглядела темную пещеру.

Два светящихся красных глаза смотрели на нее со стороны входа.

Тело, которому они принадлежали, было достаточно большим, чтобы заполнить все пространство и закрыть собою ночное небо. Дрожащей Ананте пришлось напомнить себе, что размеры «гостя» не должны ее пугать. Напротив. Это означало, что существо должно быть здесь.

Она встала и поклонилась.

- Приветствую, мой господин.

- Добрый вечер, - шипящий голос дракона был на удивление мягким для существа таких размеров, практически шепот, и, к ее удивлению, она никогда раньше его не слышала. – Ты живешь здесь одна? Я не смог учуять кого-нибудь еще.

- Да, я единственный страж.

- Что ж, у этого есть и хорошая сторона. Тут достаточно места для нас двоих.

Ананта моргнула.

- Мой господин? – спросила она.

- Выйди на улицу, и мы обсудим это на более комфортном расстоянии, - он освободил выход.

Ананта завернулась в плащ, ища свой посох, и заколебалась. Дракон, несомненно, узнает оружие в длинном резном деревянном посохе, которым он и является, и, возможно, примет меры.

Так или иначе, она взяла его. Посох был символом ее звания, и, с этой точки зрения, было бы неуважением оставить его, идя на беседу со змеем. В любом случае, Ананта не знала этого дракона и ощущала в нем что-то странное. Или это были последствия ее кошмара, все еще напоминавшего о себе?

Выступ снаружи пещеры был достаточно просторным, чтобы несколько драконов могли удобно разместиться. Тысячи звезд сияли над головой, а утесы, возвышающиеся вокруг, напоминали кривые зубы. Воздух был холодный, возвещающий о скором приходе осени.

Вблизи от гостя исходил запах гари. Его чешуйки были темными, испещренными пятнами и прожилками, хотя определить их истинный цвет в темноте Ананта так и не смогла. Его спинной гребень выглядел черным как смола.

Девушка еще больше засомневалась и насторожилась. Ее обязанности дали ей бесчисленные возможности, чтобы изучить все виды и формы драконов, но она никогда не сталкивалась с таким, как этот.

Красные глаза незнакомца расширились, и Ананта поняла, что он изучал ее так же внимательно, как и она его. Рассматривал чешую и когти, почти как его собственные, в сочетании с отсутствием крыльев и хвоста и двуногой фигурой, немногим выше и тяжелее человеческой.

- Ты одна из драконорожденных, - прошептал он.

- Да, господин.

- Интересно. Мир действительно изменился, пока меня не было.

- Не было?

Незнакомец расправил свои огромные, как у летучей мыши, крылья, а затем сложил их назад.

- Возможно, я расскажу тебе эту историю позже. Сейчас же – давай поговорим о насущном. Мне нужно логово. Что-нибудь просторное и защищенное. Есть предложения?

Ананта запнулась.

- Мой господин, но слово «логово» предполагает постоянство.

- Так и есть.

- Возможно, господин не знает, что Драковир – общие земли, где драконы-князья держат свои конклавы. Ни одному змею нельзя строить логово здесь.

- Времена меняются, Страж. Я собираюсь подготовить это место для высшей цели.

- Боюсь, вы неправильно меня поняли. Мой хозяин, Владыка Скалнедир, хотел бы, чтобы я приняла вас как почетного гостя. Но у этих мест уже есть хозяева.

- Я подозреваю, что у тебя есть способ связаться с ними, или ты хотя бы знаешь, как призвать это Скалнедира. Пусть явится, я объясню ситуацию.

Ананта сделала глубокий вдох и крепче сжала свой посох.

- Величайший правитель в Мургоме не явится только из вашей прихоти. При всем уважении, мой господин, я думаю, вы не в себе. И поскольку вы отказываетесь вести себя как подобает гостю, я также обязана просить вас уйти.

Дракон фыркнул, усиливая запах серы в воздухе.

- В противном случае ты заставишь меня пожалеть, что я вел себя неподобающе? В одиночку? И ты утверждаешь, что это я не в себе?

- Я осознаю силу драконов, мой господин. Но именно круг драконов дал мне силу защищать это место, - она зачерпнула сияющие волны силы, исходящие от посоха, сделала еще один глубокий вдох и выдох.

Слетая с ее губ, он превратился в темную жидкость настолько колоссальных размеров, что ее тело никогда не смогло бы вместить столько. Кислота разбрызгалась по всей передней части тела дракона, обжигая и въедаясь в нее, заставляя дымить. Жидкость прожгла дыры в крыльях зверя. Чешуя и плоть на клиновидной морде растворились, обнажая кости под собой. Один сияющий глаз растаял, и змей содрогнулся от боли и шока.

Ананта махнула посохом. Невидимая сила ударила дракона сверху, вдавливая его тело в землю. Кости треснули.

Затем, несмотря на причиненный ему вред и силу, которая все так же давила на него, он поднял голову. Дракон выдохнул своим собственным оружием, и дым с золой заполнили воздух.

Дыхание ослепило и опалило драконорожденную; она зашипела от внезапного жжения. В тот же миг она услышала шуршащий звук. Дракон полз, несмотря на то, что магия давила на него.

Она направила зеленые стрелы в сторону шума, и волшебные снаряды исчезли в дыму. Шелестящий звук не умолк, указывая на то, что новая атака также не навредила зверю. Хуже того, рептилия вот-вот вырвется из области давления.

Ананта никогда бы не поверила, что кто-нибудь, пусть даже и дракон, смог бы пережить наказание, только что отмеренное ею. Она почувствовала нотки страха, затем постаралась подавить их и придумать что-нибудь.

Ей не стоит оставаться на прежнем месте, где дым ослеплял и душил ее, а дрейфующие искры выжигали щербины на ее чешуе. Лучше отступить назад в пещеру, где ее огромному противнику будет трудно добраться до нее. Молясь, чтобы он не заметил ее, Страж направила в намеченное укрытие.

Холод пронзил ее тело, словно нож. Магическая атака ошеломила драконорожденную. Невероятно быстро и тихо для существа таких размеров, особенно если учитывать сломанные кости, торчащие из-под его чешуйчатой кожи, и вывернутые конечности, дракон выскочил из дыма.

У Ананты было лишь мгновение, чтобы среагировать. Так или иначе, этого оказалось достаточно. Она поглотила тепло из посоха, чтобы растопить боль, сковывающую холодом ее тело, и высоко подняла свое оружие. Как только она опустила посох на голову дракона, раздался грохот, похожий на удар грома.

Удар расплющил левую часть головы рептилии. Ананта почувствовала прилив эйфории: она, несомненно, загнала осколки черепа в мозг существа последней атакой. Наконец-то он рухнет.

На самом же деле, ящер лишь запнулся. И затем нанес удар. Нижняя челюсть, словно дверь, слетевшая с петель, больше не соединялась с верхней должным образом, но клыки все равно сомкнулись на деревянном посохе. Он выдернул оружие из ее рук и взмахом головы отправил в полет над обрывом.

Дракон поднял свою лапу и опустил, ловя Стража. Он придавил ее к земле, как она его ранее.

- Я в неопишуемой агонии, - сказал он искаженным мягким голосом, - а твоя кровь поможет мне исцелиться. Ты меня раздражаешь ровно так же, как интересуешь на вкус.

Ананта изо всех сил цеплялась за свое мужество.

- Покажи все, на что способен.

Ей тоже было трудно говорить, но причиной служила лапа, выдавливающая из нее дыхание.

К ее удивлению, дракон убрал свою лапу.

- Не искушай меня. Ты можешь связаться со своим хозяином?

С опаской, ожидая, что он остановит ее, Страж поднялась.

- Да.

- Надеюсь, тебе не нужен посох, поскольку в ближайшее время я не собираюсь возвращать его тебе.

- Нет. Скалнедир обучил меня ритуалу.

- Значит, пришло время исполнить его. В одной из больших пещер, где мы оба отлично поместимся. Уверен, такая есть, - он мотнул головой вправо. – После тебя.

Ананте было стыдно, что она позволяла помыкать собой. Это казалось предательством Скалнедира. Но пытаться сопротивляться без посоха было бы самоубийством.

Так что она развела небольшой костер на полу пещеры, а затем бросила ладан с едким запахом в сине-желтое пламя. Драконорожденная пропела заклинание, взывая к Переплетчику, богу знаний. Первая строчка была такой же, как и последняя, и она повторила заклинание несколько раз, представляя тем временем образ Скалнедира.

Неожиданно она увидела его, так же ясно и четко, как видела своего обожженного и побитого пленителя или пляшущие тени на стене. Массивный синий дракон с рогатой мордой и большими оборчатými ушами, характерными для его вида, Скалнедир парил над темными водами Раусенфлоу.

«Мой владыка, - обратилась она не вслух, а мысленно, - появился незванный гость. Он одолел меня в бою, и, похоже, он сумасшедший. Хочет встретиться с вами».

Хотела бы она рассказать больше подробностей, но магия передавала только короткие сообщения.

«Я лечу», - ответил Скалнедир и на этом связь оборвалась.

- Я говорила с ним, - сказала Ананта незнакомцу. – Он летит. Но он пролетал над рекой, вероятно, рядом со своим городом и...

- И добраться до острова, парящего в пяти милях над Великим Диким Лесом, займет какое-то время. Я понимаю.

- Поймите то, что это дает время сбежать. Вы сильный соперник, и вы одолели меня. Я признаю это. Но вы не достаточно сильны, чтобы одолеть могущественнейшего змея в Мургоме.

- В таком случае, будем надеяться, что до этого не дойдет.

На этом они уселись ждать, и дракон принялся втягивать кости назад под кожу. Процесс выглядел достаточно болезненным, чтобы Ананта сморщилась.

Незнакомец ни разу не вздрогнул, и вскоре стало ясно, что его старания просто способствовали скорейшему восстановлению. Его тело издавало трескающие и скрипящие звуки, а кости скреплялись. Искривленные конечности выпрямились. Новая плоть закрыла его раны, а новые чешуйки закрыли ее. Новый глаз засиял в ранее пустой глазнице; дыхание Ананты замерло.

К тому времени ее маленький костер сгорел до углей, а устье пещеры было серым с восходом солнца. Дракон отступил на пару ярдов глубже в пещеру, после чего у Стража не осталось сомнений в том, что это за существо.

Вскоре после этого, знакомый голос, более глубокий, чем у любого драконорожденного, донесся снаружи.

- Ананта! Ты здесь?

- Да, мой владыка! Будьте осторожны! Этот незнакомец – вампир!

- Так и есть, - сказал ее похититель. – И будет неприятно, если выйду на дневной свет. Может, лучше ты войдешь внутрь? Твоя подопечная может подтвердить, что я не установил ловушек.

- Мне было бы все равно, даже если бы установил, - ответил Скалнедир. – Я не боюсь ничего из того, что ты мог бы сделать.

Опустив голову и плотно свернув крылья, чтобы протиснуться в отверстие, дракон вошел в пещеру. Запах грозы исходил от него так же, как вонь тлеющей плоти - от нарушителя, который похрустывал при каждом движении. Искры танцевали на его сине-фиолетовой чешуе. Вместе он и вампир заполнили пещеру.

Скалнедир остановился, когда хорошенько присмотрелся к рептилии. Ананта знала, что он это сделал не от тревоги, а из удивления.

- Ты даже не настоящий дракон! – воскликнул ее хозяин.

- Эй, это несправедливо, - сказал вампир с ноткой юмора в своем низком, вкрадчивом голосе. – Я, возможно, и начинал как низкий дымный дрейк, но я уже много раз заслужил право называть себя если не драконом, то истинным спасителем нашей расы. И хоть Карасендриэт я никогда не нравился, но, уверен, она рассказывала обо мне истории.

Скалнедир моргнул.

- Ты утверждаешь, что ты – Капнолитил?

- Бримстоун, для друзей.

- Песни и истории говорят, что ты погиб в последней битве.

- Убить нежить и заставить ее мертвой оставаться – заведомо непростая задача.

- Что ж... - к удивлению Ананты, Скалнедир казался сбитым с толку. – Если ты и вправду тот, кем себя зовешь, то я, естественно, уважаю тебя. Но Драковир по-прежнему принадлежит мне, а в Мургоме нет места для еще одного дракона.

Бримстоун фыркнул.

- Я не стремлюсь управлять одним из твоих маленьких городов, и я бы не стал искать дом на твоей территории без хорошей на то причины. После того, как мои союзники и я уничтожили Саммастера, я приступил к поискам давно забытых секретов. И один я нашел.

- Что за секрет?

- Ответ на молитвы каждого дракона.

* * * * *

Невысокий мужчина завязал красный платок на шее. Женщина, стоявшая рядом с ним, была в белой накидке с вышитым на ней алым мечом. Девчонка с другой стороны красовалась в более сложном наряде – ярко-красной мантии с объемными фигурными рукавами, напоминавшими крылья, а плотный капюшон по форме был похож на вытянутую морду с рогами и янтарными бусинами вместо глаз.

Все трое шествующих улыбнулись и кивнули, приглашая Даардендриена Медраша присоединиться к процессии. Он смутился.

Дело в том, что празднующие с их факелами, знаменами, барабанами и боевыми гимнами принадлежали к культу, известному как Церковь Чазара. Они поклонялись красному дракону, который однажды правил Чессентой и якобы подарил ей эпоху гордости и изобилия. Сейчас же времена были тяжелые, и многие молились о его возвращении.

Но, как и большинство драконорожденных из Тимантера, Медраш ненавидел змеев. Ну, более или менее; он их никогда ранее не видел. Эти существа были угнетателями его народа на протяжении многих столетий, пока его предки, наконец, не получили свою свободу силой. В конце концов, было бы странно участвовать в почитании памяти любого из драконов.

Тем не менее, Медраш был одним из слуг посла. Его долгом было завоевывать друзей для Тимантера, а не оскорблять. Кроме того, прибыв в Лутчек, он обнаружил, что культура людей привлекает его. Это был шанс познакомиться с ней поближе.

Так почему бы и нет? Драконорожденный кивнул и шагнул вперед, и, к его ужасу, новые друзья схватили его за руки и повели в начало процессии. Он не собирался играть такую важную роль, хотя, возможно, и стоило бы. С его рыжей чешуей и чертами рептилии, Медраш был отличным символом Чазара – не хуже, чем любой из знамен или гербов. Именно это в первую очередь и привлекло к нему шествие.

- Вытащи свой меч, - призвала женщина в накидке.

Опять же, а почему бы и нет? Он вытащил клинок из ножен и, замахнувшись, бросил и поймал его прямо в такт удара барабанов и песни. Для воина, учившемуся владению мечом с того момента, как только научился стоять, это было плевым делом.

Люди тоже веселились, как и вся процессия. Отношение зрителей помогало. Некоторые аплодировали, а некоторые – подпевали. Лишь немногие хмурились, кричали оскорбления или отворачивались.

Когда Медраш устал махать мечом, женщина в накидке обвила вокруг него руку, крепко сжимая его, и так и держала. Ему стало интересно, это она так возбуждена – или имела такие экзотические вкусы – чтобы флиртовать с ним, и как изящно отказаться, если это так. Затем неожиданно по его телу прошло какое-то отвратительно чувство, словно нож по маслу. Будто спазм от тошноты, за исключением того, что его внутренности были тут ни при чем. Все происходило в разуме драконорожденного.

Он запнулся, а его спутница посмотрела на него снизу вверх.

- Что-то случилось? – спросила она, перекрикивая грохот барабанов.

- Не знаю, - ответил он, возможно, слегка лукавя.

Медраш не был простым воином. Он был паладином, получавшим силы и определенные способности от Торма, его божества, и практикующим эзотерические дисциплины. Существовали древние истории о паладинах, которые чувствовали присутствие зла, хотя такое никогда не случалось ни с ним, ни с его товарищами.

С другой стороны, возможно, это все от перевозбуждения. Паладин определенно не видел ничего подозрительного на ночной улице, которая могла бы вместить несколько гимнасиев, бань, и школ фехтования – к слову Чессента славилась своей культурой и боевым искусством.

Он сделал еще один шаг, и это чувство снова охватило его. На этот раз оно было направленным. Чем бы это ни было, оно находилось где-то на севере.

- Я должен идти, - сказал Медраш женщине.

Он высвободился из ее объятий и, не обращая внимания на многочисленные просьбы остаться, выбежал на противоположную улицу.

Улица, которую он только что оставил позади, была относительно прямой, наверное, поэтому сектанты и выбрали ее в качестве своего маршрута. Тесные улочки, аллеи и тупики, в которых он очутился, были иными. Насколько Медраш понимал, Лутчек считался лабиринтом даже по стандартам людей. Возможно, это была одна из причин, почему люди называли это место Городом Безумия – старое прозвище, данное с извращенной и шутливой гордостью жителями.

В любом случае, частые повороты в сочетании с темнотой и незнанием улиц дезориентировали Медраша. Сначала он был напротив возвышающейся черной скалы, примыкавшей к городу, затем – или так казалось – шагал вниз по склону, который спускался прямо к реке Гадюке. Паладин мог бы уже отчаяться найти свою цель, если бы не повторяющееся мерзкое чувство, направлявшее его.

Оно становилось слабее и реже, будто новоприобретенный талант устал. Или как если бы дух, направлявший его, потерял к нему интерес.

«Пожалуйста, - молил Медраш, - если это не просто мое воображение, проводи меня до конца. Что бы ни случилось, дай мне шанс все уладить».

Очередной укол ненависти заставил его мышцы напрячься. На этот раз источник был над головой.

Медраш поднял голову. Темное нечто промчалось над ним и улицей, на которой он стоял, перескакивая с одной крыши на другую. Оно исчезло так быстро, что паладин понятия не имел, что или кто это было.

Молния безболезненно и бесцельно бурлила в его горле; он хотел броситься в погоню, но знал, что это будет бессмысленно. У него не было и шанса догнать свою добычу над крышами домов. Драконорожденный не был акробатом, а если бы и был, то к тому времени, как он забрался бы на крышу, прыгун уже был бы далеко впереди.

Возможно, ему удастся хоть немного пролить свет на то, что здесь происходит. Он тщательно изучил обстановку вокруг.

Чувство тревоги привело его к одной из потрепанных частей города, где жилища отделялись друг от друга дешевыми пивными. Едва различимый силуэт перепрыгнул одно из таких деревянных зданий, высотой в пару этажей, со слоями нацарапанных граффити, портившими основание сооружения.

Пара ставней на верхнем этаже распахнулась. Сначала было какое-то движение внутри в темноте, а затем – тишина. Выглядело, будто кто-то пытался шире открыть ставни, – хотел высунуться и позвать на помощь - но что-то этому помешало.

Медраш подбежал к этому дому и открыл дверь.

Ему никогда не доводилось бывать в такого рода жилищах людей. В Тимантере были свои нищие, и, как подсказывал опыт, такие места должны были быть шумными.

Это здание, наоборот, было тихим, будто жильцы знали, что случилась беда, и старались не шуметь, чтобы не привлечь ее внимание.

Медраш нашел неосвещенную лестницу и направился вверх. Мягкие подступни скрипнули и угрожающе прогнулись под его весом, но паладин не позволил этому замедлить его.

Верхний этаж пах луком. Все двери были заперты, что не давало понять из какой комнаты пытались позвать на помощь.

Медраш постучал в ближайшую дверь.

- Вы в беде? – спросил он. – Или ваши соседи? Я здесь, чтобы помочь.

Никто не ответил.

Он постучал в следующую дверь, и снова никто не ответил. Тогда он решил, что нарушитель влез в одну из комнат, а затем выбежал назад на крышу, и дверь в эту комнату, скорее всего, не будет закрыта ни на замок, ни на засов.

Таким образом, паладин направился вперед по коридору, проверяя каждую ручку. И вот, одна из дверей оказалась незапертой. Держа меч наготове, Медраш открыл дверь.

Воздух в комнате пах обугленной плотью, пролитой кровью и опрокинутым ночным горшком. Мерцающий свет от единственной масляной лампы открыл взору несколько тел, разбросанных по комнате. Двое детей были сожжены заживо, и странно, что пламя не перекинулось на само помещение. Остальные трупы были раскромсаны и разодраны.

Кроме одного, что казался еще живым. Худощавый, темноволосый мужчина, развалившийся под окном, кричал и еле двигался.

- Держись, - сказал Медраш. – Я помогу тебе.

Он зажег тепло целительного прикосновения паладина свободной рукой и двинулся вперед.

От звука его голоса, мужчина повернулся к нему, и его глаза широко открылись. Несмотря на глубокие порезы, спускавшиеся до живота, ему как-то удалось подняться на ноги.

Паладин понял, что его по ошибке приняли за нападавшего. Это была частая ошибка, особенно если большинство людей мало что знали о драконорожденных, если вообще знали.

- Клянусь, - успокаивал Медраш, - я друг. Видишь?

Он остановился и положил меч на окровавленный пол, а затем медленно поднялся.

На мгновение, казалось, ему удалось переубедить мужчину. Человек взвыл и начал молотить его руку; паладин поздно заметил нож в руке нападавшего. Лезвие было чистым, похоже, ему так и не удалось уколоть или порезать никого из истинных нападавших.

Медраш отпрыгнул назад, и яростная атака прекратилась. Он сделал выпад рукой, готовой обезоружить и обездвижить раненого человека. Это казалось единственным способом утихомирить запутавшегося бедолагу.

Мужчина пошатнулся, и подоконник коснулся нижней части его бедра. Он подался назад, полностью выбивая ставни.

Медраш потянулся к нему, но схватил лишь воздух. Раненный исчез из поля зрения. Глухой стук объявил о встрече несчастного с землей. Даже удивительная удачливость не смогла бы спасти от такого. Падение определенно убило мужчину, который и без этого был почти мертв.

Драконорожденный так сильно сжал кулаки, что когти вонзились ему в ладони. В тот момент, он ненавидел того, кто сотворил это злодеяние, а так же себя за то, что не смог его предотвратить.

Почему он не побежал быстрее, или почему не был расторопнее, ища дорогу сюда? Если он не мог прийти сюда вовремя, чтобы остановить атаку, то почему ему не хватило ума использовать свой сверхъестественный дар убеждения, чтобы успокоить выжившего?

Медраш все еще упрекал себя, когда обнаружил недавно оставленное пятно на стене.

ГЛАВА 1

11-16-ое число месяца Чес, год Извечного (1479 ЛД)

Грифоны ненавидели путешествовать морем. Можно было сделать путешествие более терпимым, регулярно выпуская их полетать, но и это не выход из ситуации. Они были существами гор и равнин и чувствовали себя неуютно, паря над бескрайними просторами соленой воды.

Когда суда наконец причалили, крылатые создания отчаянно хотели выйти, а их хозяева испытывали на себе все трудности их характеров. Грифоний визг напугал лошадей, и их тоже стало трудно контролировать. Один скакун перепрыгнул через трап и упал в мутную воду. Глупое животное чудом не покалечилось.

Словом, не высадка, а утомительная сумятица. Аот Фезим рассматривал ухабистую дорогу, изрытую колдобинами и колеями, которая вела от доков.

- Прежде чем море отступило, - сказал он, - Лутчек находился на берегу залива Чессенты. Мы могли бы не идти от реки к городу.

Ухоженные каштановые волосы до плеч и небесно-голубая куртка, украшенная драгоценными камнями и золотой вышивкой, сияли на утреннем солнце.

Гаэдинн Улреас усмехнулся.

- Ох, не сомневаюсь в этом, старик. Ты уже говорил, что все было лучше до Магической Чумы. Всегда было лето, вино текло ручьями, а все женщины были красивыми, и их было легко удовлетворить.

Улыбка засияла на лице Аота.

- Я и вправду такое говорю?

- Только когда рот открываешь.

- Думаю, это последствия долголетия...

Или предположительного бессмертия. Синее пламя коснулось его менее века назад, и было еще рано говорить о том, прекратил ли он стареть полностью или просто старел медленно.

- ... или плохого настроения, - закончил Аот.

- Сложно, наверное, поверить, но я подозреваю, что, в конце концов, мы выгрузим всех людей, зверей и багаж. Вероятно, даже без лишних жертв.

- Да я не об этом, - сказал всадник. - Это все Чессента.

- Ну, ты сам решил сюда приехать, - ответил Гаэдинн.

- А у меня был выбор? Если так, что же ты мне вовремя об этом не напомнил? – Аот старался вытащить свои мысли из мрака и горечи. – Ты, Кхорин, и Джесри в состоянии со всем здесь разобраться, а мне нужно навестить нашего нового работодателя.

- Как знаешь, - сказал Гаэдинн.

Аот повернулся к Джету. Черный красноглазый грифон, большой даже по меркам своего вида, стоял и смотрел на неловкую выгрузку с удивленным превосходством. Измененный магией, будучи еще в утробе матери, Джет был фамильяром Аота и обладал интеллектом равным человеческому, хоть и отличным. Именно поэтому его хозяин мог доверять ему свободно бродить без присмотра, даже в непосредственной близости от лошадей.

Так или иначе, Джет никогда не оставался без присмотра. Псионическая связь, которую они разделяли, исключала это, так же как позволила ему почувствовать, что Аот хочет от него. Подойдя к багажу с седлом наперевес, он заговорил:

- Пора.

Аот набросил седло на спину грифона и наклонился застегнуть подпругу:

- Я сказал, что мы вылетим к полудню, и мы так и сделаем.

Он вскочил на спину животного, воткнув копые в отделение для багажа в седле. Джет взмахнул крыльями и прыгнул ввысь.

С воздуха можно было увидеть все Братство Грифона разом и заметить, насколько меньше стала их компания за последний год. Аот еще раз попытался отогнать мрачные мысли и вместо этого разделить с Джетом радость полета.

Это было не так уж трудно. Сам по себе Аот не был мрачным, или, по крайней мере, он так считал, и он любил полеты с молодых лет. Зима отступала, но еще не ушла, дул холодный ветер, но магическое плетение в одной из его татуировок согревало всадника.

Луга под ним были больше коричневыми, чем зелеными, хотя это изменится с приходом весны. Только когда Джет поднялся достаточно высоко, Аот смог рассмотреть горы на востоке. Струйка дыма исходила из вулкана, известного как пик Тулбейн.

Они добрались до условленного места даже раньше, чем хотелось. Джет спикировал над крышами Лутчека. Кто-то заметил их и издал пронзительный крик от неожиданности.

Аот направил грифона вперед к высокой скале и вырезанному в ней сооружению, наполовину торчащему из горы и нависавшему над городом, и наполовину уходившему в нее же. Это была цитадель Героя Войны Шалы Каранок, правительницы Чессенты, и там же – как многие видные люди города – жил новый покровитель Братства.

Точнее, наниматель жил в особняке с красной черепичной крышей. Желтые знамена, украшенные малиновыми двуглавыми орлами, свисали со всех башен; камни, которыми был вымощен путь, были в тех же цветах. Аот посадил Джета напротив дома, спешился, почесал пернатую шею фамильяра, а затем шустро поднялся по широкому пролету каменных ступенек и постучал в дверь.

Через какое-то время слуга в ливрее открыл ее. Его глаза расширились, когда он увидел, кто ждал его на другой стороне.

Начать хотя бы с того, что природа не наделила Аота красотой. Он был невысоким с широкой грудной клеткой и сильными, но грубыми чертами. За пределами его родной тэйской культуры, лишь несколько народов считало выбритую начисто голову и обилие татуировок признаком аристократизма. Чаще всего незнакомцы считали его татуировки на лице дикостью и абсурдом, не говоря уже о светящихся голубых глазах, которые на фоне этого всего смотрелись неуместно.

Впрочем, он привык к своему внешнему виду, притягивающему испуганные и любопытные взгляды, и реакция людей редко смущала его. Но теперь Аоту пришлось в голову, что если лакей понял, кем был его гость, то его слова, скорее всего, прозвучат неблагоприятно, и это бесило всадника.

- Я капитан Фезим, - резко сказал он. – Никос Кориниан ждет меня. Он здесь?

- Да, сэр, - сглотнул слуга. – Пожалуйста, входите. Я сообщу ему, что вы прибыли.

Когда Аот вошел, мужчина снова запнулся. Он только что заметил Джета.

- Все в порядке, - сказал Аот. – Он никого не съест, если его не донимать. Ну, разве что если кто-то будет выглядеть слишком уж аппетитно. Постарайтесь держать всех тучных слуг в доме.

Привратник посмотрел на капитана.

- Сэр шутит, - неуверенно сказал он.

Аот кивнул.

- Да, - кивнул Аот, - Шутит. А теперь води меня к своему хозяину.

Как и ожидалось, все не было так просто. Богатые и влиятельные часто заставляли гостей ждать, демонстрируя свою значимость. Но, в конце концов, слуга провел Аота через прихожую, где два клерка-полурослика скрючились над документами, в большой рабочий кабинет, где их хозяин сидел за куда более большим и опрятным столом.

Никос Кориниан был аккуратным мужчиной средних лет с седеющими каштановыми волосами. Его общее впечатление аристократичной утонченности странно контрастировало с его разбитым носом и изуродованным ухом. Аот сделал вывод, что в данном случае чессентская одержимость атлетикой выражается любовью к кулачным боям или, по крайней мере, выражалась, когда хозяин дома был моложе.

- Милорд, - слегка поклонился Аот.

Советник поднялся и протянул руку. В то же самое время, огромная зеленая фигура с головой клиновидной формы и сияющими желтыми глазами выглянула из-за его плеча. Всадник замер от испуга.

Образ исчез, а Никос пристально смотрел на Аота.

- Капитан? – спросил он.

Аот понятия не имел, что значило это видение. Похоже, это не было предупреждением о непосредственной угрозе, так что он взял себя в руки и протянул руку Никосу. У того было крепкое рукопожатие.

- Добро пожаловать, - сказал Никос. – Я надеялся, что ты появишься до всего этого.

- Зимнее путешествие всегда непредсказуемо. Нас встретила непогода, пока мы были на севере Агларонда.

- Что ж, самое важное - ты здесь.

- Так и есть. Мои люди придут через день или два. Уверен, что вы подготовили для нас комнаты.

- Конечно, - заверил Никос, указывая на стул. – Прошу, садись. Могу предложить что-нибудь освежающее?

Аот сел.

- Спасибо, милорд, но я в порядке. Мы можем сразу перейти к делу, если вы не против. Как вы хотите использовать Братство – против Трескеля или Высшего Имаскара?

Никос склонил голову:

- Ты хорошо осведомлен для человека, только что сошедшего на берег.

- Корабли периодически заходят в порты во время плавания, и каждый раз, когда такое случалось, я спрашивал о новостях из Чессенты. Так что я знаю, что вы боретесь с двумя проблемами сразу. Разбойники и звери устраивают набеги из отколовшейся провинции, а имаскарские пираты грабят ваши корабли и восточное побережье.

Советник запнулся.

- Вообще-то, я собираюсь использовать твоих наемников против обеих угроз. Но вначале мне нужна твоя помощь с другой проблемой.

Аот нахмурился. Он терпеть не мог попадаться врасплох, а именно это, видимо, сейчас и происходило.

- Говорите.

- Последние два месяца кто-то убивает людей в Лутчеке. Все, что мы знаем, так это то, что он располагает сверхъестественными способностями и всегда оставляет зеленый отпечаток руки на месте своих преступлений.

- Законы Чессенты требуют, чтобы на ладонях магов были вытатуированы зеленые символы.

- Да, это так. И у жертв была одна общая черта – они все очень... неаккуратно выражали свою неприязнь к чародеям и им подобным. По моему настоянию, Герой Войны пыталась скрыть этот конкретный факт, но даже так люди подозревают, что маги стоят за этими убийствами. Они донимают их на улицах.

- Больше чем обычно, вы имеете в виду.

Никос скривился.

- Я боюсь, что предубеждения чессентцев насчет магов могут быть неоправданными. Еще я знаю, что у боевых магов больше оснований, чем у большинства, не одобрять такое. Это одна из причин, почему я нанял вас.

- Вы решили, что бедственное положение местных магов заставит меня им сопереживать? Милорд, я профессионал. Я бы лично им крови попортил, если бы цена была подходящей, - фыркнул Аот.

Советник выглядел слегка ошарашенным.

- Что ж, дело в том, что нам нужен кто-то, кто смог бы поддержать порядок и защитить их. Даже Герой Войны, которая и сама разделяет общие предубеждения насчет магов, согласилась. Мы не можем положиться на городскую стражу, ведь они

тоже ненавидят волшебников. Поэтому я и предложил нанять Братство Грифона за свой счет.

- Чтобы дать поблажку страже? Милорд, мы – солдаты!

- Я понимаю это.

- Вообще-то, это будет даже хуже, чем если бы мы вошли в состав стражи в более спокойное время. Нашей работой будет находиться между жителями и людьми, которых они ненавидят. Не пройдет много времени прежде, чем они и нас возненавидят.

- Даю тебе свое слово, что это не единственная причина, по которой я вызвал вас в Чессенту. Откровенно говоря, благодаря твоим магическим способностям и сомнительной репутации, это единственное задание, которое Шала Каранок готова доверить Братству. Но, если вы проявите себя, это изменится. Как только город успокоится, цитадель даст мне разрешение отправить вас к границам или на побережье. Там вы почувствуете себя уже в своей тарелке и, без сомнения, получите достаточно возможностей обогатиться.

- Но лишь тогда, когда я исправлю свою «сомнительную репутацию», - с горечью сказал капитан.

Не так давно она была такой же яркой, как и у любого командира наемников на Востоке. Но в прошлом году Аот Фезим впервые нарушил контракт, напав на своих бывших нанимателей, симбархов Агларонда. Затем он возглавил силы Предела Мага в дорогостоящем, и, казалось бы, неудавшемся вторжении в Тэй, потеряв многих из своих людей в процессе. И потом...

- Ты должен признать, - начал Никос смягчившимся тоном, - что случившееся в Импилтуре не внушает доверия.

- То, что случилось в Импилтуре, - процедил Аот, стиснув зубы, – не моя вина или кого-либо из моих подчиненных. На севере была группа демонопоклонников. Скорее сброд безумцев, чем настоящая армия или банда налетчиков, но их было много, и среди них были самые настоящие демоны, которые наносили существенный ущерб. Братство решило выступить против них, как и Бейрон Кремпрас с его личным войском. Мы условились, что кто бы первым ни нашел врага, уведомит об этом другого, а затем вместе мы бы загнали ублюдков в западню. Мои разведчики нашли их первыми и выяснили, что они собираются вырезать близлежащую деревушку во время лунного затмения. Я отправил к Кремпрасу гонца с известиями о том, что есть еще время перехватить культистов, и если разместить его силы в определенном месте, мы зажали бы врагов на марше. Кремпрас ответил, что выдвигается.

- И что же случилось? – спросил Никос.

Аот одарил собеседника смешком.

- Вы, наверное, и так уже догадались. Демонопоклонники пришли, а граф – нет. Мы, Братство Грифона, были вынуждены сражаться с ними в одиночку, и это дорогого нам стоило. Я по-прежнему считаю, что мы могли бы победить, если бы те твари не появились из ниоткуда и не атаковали нас.

- Что за твари?

- В темноте и неразберихе было трудно сказать. Некоторые, как я думаю, были дрейками, а другие – коболями. Возможно, там был даже истинный дракон, плюющийся какой-то едкой слизью. Кем бы они ни были, у меня было ощущение,

что фанатики были так же удивлены происходящим, как и мы. Они с радостью приняли их помощь, и как только это случилось, мы больше не могли их сдерживать. Нам пришлось отступить, в противном случае, мы были бы мертвы.

- Похоже, что вам повезло – вы смогли отступить.

- Я до сих пор не понимаю, почему они позволили нам это сделать. Но как только мы освободили им путь в деревню, рептилии растворились в темноте так же легко, как и появились, а сектанты бросились разделять фермеров.

Аот вспомнил крики и нечеловеческий смех, скачущее пламя и запах горящей плоти; рвотный позыв скрутил его внутренности.

- А как так вышло, - продолжал Никос, - что вина пала на вас?

- Кремпрас заявил, что он пошел в неправильном направлении из-за того, что мое сообщение не было ясным. Похоже на правду, не так ли? В конце концов, я был солдатом всего лишь около сотни лет. Этого времени едва ли достаточно, чтобы научиться давать простые инструкции. Но он же лорд, а я – обычный тэйский изменник, который пришел в Импилтур с и без того подмоченной репутацией. Таким образом, Великий Совет поверил ему. Они объявили причиной резни мою некомпетентность и разорвали со мной контракт.

- Их глупость стала моей удачей.

Аот хмыкнул.

- Я до сих пор не сплю по ночам, задаваясь вопросом, как так вышло. Кремпрас не был слабоумным, чтобы неправильно понять мое сообщение, и я бы не назвал его трусом, который бежит от боя. Был ли он и сам демонопоклонником, решившим саботировать всю кампанию? И что это была за сила, атаковавшая нас? – неожиданно капитан почувствовал усталость. – Похоже, мне никогда не удастся это узнать.

- Видимо, нет. С твоей стороны было бы мудро сосредоточиться на открывшихся перспективах.

- Со всем уважением, милорд, если бы ваш посланник в точности описал эти перспективы, я мог бы отказаться.

Никос сжал губы.

- Нет, не мог. Тебе нужен новый источник монет, тебе нужно покинуть королевство, где тебе теперь не рады, да и кто бы еще нанял вас в середине зимы? Я потакал тебе. Я выслушал твое ворчание. И теперь скажи мне, собираешься ли ты работать на меня? Если нет, то, полагаю, твои суда все еще пришвартованы в порту. Только не жди, что я оплачу путешествие и в этот раз.

Аот сделал глубокий вдох.

- Я не соглашусь, чтобы на мои ладони наносили татуировки. Так же как и Джесри, мой волшебник.

Его единственный волшебник. Двое ее помощников пережили отчаянный набег тэйцев только чтобы погибнуть в Импилтуре.

- Это я могу понять, - ответил хозяин дома. – На самом деле, я ждал этого. Герой Войны готова согласиться на временный краситель.

- Что ж, а я – нет. Я не смогу повлиять на ситуацию, нося клеймо изгоя. Вы и сами лидер. Вы знаете, как это работает.

- Хорошо. Я постараюсь убедить ее как-нибудь, - скривился Никос.

- В таком случае, милорд, Братство Грифона к вашим услугам.

* * * * *

Джесри Колдкрик завернулась в свой угольно-черный плащ, натянула капюшон, потянулась к дверной ручке... и замерла.

Она молча прокляла себя за робость.

«Это ведь даже не здесь произошло», - подумала она. Но именно здесь все и началось.

Она дернула ручку и распахнула дверь. Гаэдинн и Кхорин Скуллдарк как раз шли по ночной потемневшей улице.

Долговязый рыжеволосый пижон нес свой лук, а коренастый чернобородый дворф тащил ургрош – боевой топор с выступающим шипом на конце древка – на спине. Ни один из них не надел доспех или алую накидку с гербом, провозглашавшую их помощниками стражи. Дело в том, что им троим было поручено взглянуть на Лутчек «поближе», а увидят они больше, если никто не будет знать, кто они на самом деле.

Кхорин улыбнулся девушке.

- Без посоха? – спросил он.

- Нет смысла давать всем понять, что она волшебник, - сказал Гаэдинн. – Только не тогда, когда мы должны выглядеть как три друга, вышедших на прогулку. Вообще-то, я думал поставить тебя на ходули. Некоторым чессентцам есть дело и до дворфов. Они считают, что ты практикуешь магию земли, что бы это ни значило.

Кхорин сплюнул.

- Поверить не могу, что эта жалкая работа единственное, что капитан смог найти. Мы победили самого Сзасса Тэма! Ну, вроде как. Мы спасли Восток!

- Но увы, - продолжил Гаэдинн, - большинство людей не знают этой истории и вряд ли поверят, если услышат. В любом случае, это не так уж и плохо. Подумай, сколько удовольствия ты получишь, ломая колени дворфоненавистникам.

Он махнул рукой в сторону узкой грунтовой дороги.

- Идем?

И они пошли. Гаэдинн держался слева от Джесри, а Кхорин шел справа. Оба знали причуды девушки и были на достаточном расстоянии, чтобы быть уверенными, что не смогут случайно задеть ее.

Ночь была холодной, а в домах, стоящих по обе стороны, было темно, тихо и наглухо заперто. Это напомнило Джесри о городах, осажденных чумой.

- В целом, - начал Кхорин, - когда в городе был квартал волшебников, было много всего интересного. Правда, обычно волшебники не живут в смертном страхе перед соседями. Ты уверена, что хочешь находиться здесь? Мы могли бы найти не такое угрюмое место.

- Все в порядке, - отрезала Джесри. – Одному из нас придется заночевать здесь, на случай если что-то случится ночью.

- Лютик, - обратился Гаэдинн, звуча менее легкомысленно, чем обычно, - погоди минутку и посмотри на меня.

Она неохотно обернулась и встретила с ним взглядом.

- У тебя все хорошо? – спросил лучник. – Ты ведешь себя странно.

Все и так считали ее странной. Девушка не хотела давать им лишнюю причину или вызывать у друзей жалость. Забота Гаэдинна заставила бы ее чувствовать себя еще более неловко.

- Я в порядке, - коротко ответила она.

Он изучал ее еще какое-то время, а затем сказал:

- Я рад это слышать. Здесь мы толком ничего не узнаем, хотя до меня всегда доходили слухи, что несмотря на свой ужасающий фанатизм, чессентцы умеют развлекаться. Давайте найдем какую-нибудь таверну, выпьем и прогоним дрожь и холод в костях?

Не самая приятная перспектива для женщины, которая терпеть не могла толпы. Но лучшим способом узнать настроение города было смешаться с его жителями, и поэтому она не возразила.

Квартал волшебников был домом не только для полноценных магов, но и для любого жителя, которого осуждали за малейшие намеки на магические способности. Тем ни менее, место не было особенно большим. Джесри и ее товарищам пришлось пройти всего ничего чтобы увидеть район, украшенный мощеными улицами и редкими фонарными столбами. Из таверны на углу доносились шумные голоса, которые почти растворились в звуках мандолины, флейты и ручного барабана. Здание было вытянуто и имело ветхий вид, будто разные люди десятилетиями бессистемно достраивали его в длину. Знак, висевший над входом, демонстрировал всем изображение красного дракона в короне.

- Отлично! – воскликнул Гаэдинн.

Джесри собрала всю свою решимость, чтобы вытерпеть это место.

Внутри таверна оказалась еще более людной и шумной, чем казалась снаружи. Игроки ликовали и кряхтели под звуки брошенных костей. Собака на ринге ловила крыс и ломала им спины, трясая головой. Полуголые куртизанки кокетничали, стараясь затащить мужчин наверх.

Но все было не так уж плохо. Вроде бы никто не обращал внимания на Кхорина, и новые посетители нашли свободный столик в углу, где Джесри могла сесть так, чтобы люди не трогали и не задевали ее.

Рыжеволосый лучник махнул служанке и легко привлек ее внимание. Возможно, дело было в привлекательности мужчины или в его щеголеватом наряде, благодаря которому Гаэдинн казался богаче, чем был на самом деле.

- Как только мне принесут пиво, - радовался Кхорин, - я присоединюсь к парням, метаящим ножи.

Гаэдинн повернулся к Джесри.

- Я не против остаться здесь и потягивать вино с тобой.

Видимо, она не убедила его, когда сказала, что в порядке.

- Не глупи. Я могу подслушивать отсюда. Если ты начнешь его потягивать, я ничего не услышу.

- Хорошо, - ответил он. – Смотри не попадись на чтении чар.

И в скором времени Гаэдинн и Кхорин были по другую сторону зала.

Практически сразу же толстяк в берете с пером попытался занять одно из свободных мест, но Джесри отговорила его своим пристальным взглядом. «Взглядом

василиска», как назвал его Гаэдинн. Возможно, он посчитал ее янтарные глаза недобрыми. Некоторые тоже так считали.

Затем она прошептала заклинание, и ветер – или воспоминание о нем, запертое на какое-то время внутри помещения – ответил ей. Куда бы волшебница ни направила свой взгляд, она могла четко слышать любой звук в той стороне, пока остальные звуки терялись на фоне.

Плотник с огромными грязными руками, чей деревянный ящик с инструментами стоял на полу, сказал:

- Берешь змеиную кожу. Ту, которую змея сбросила сама. Носишь с собой. После этого ни один вонючий маг не сможет тебе навредить.

- С чего бы это? – спросил его молодой компаньон, возможно, ученик.

- Не знаю, но так говорят.

Джесри перевела взгляд.

Косоглазый, похожий на мышь мужчина заскулил:

- Обещаю, что заплачу тройную цену в следующий раз.

Полуголая брюнетка с пурпурной прядью в волосах покачала головой.

- Прости, дорогой.

- Просто корабль задержался – одежда еще не пришла, а пока она не пришла – у меня нет работы.

- Может, корабль захватили пираты, и он никогда не прибудет?

- Ты же знаешь, я не скуплюсь на монеты! Я прихожу к тебе каждые десять дней!

Но женщина уже отвернулась.

Джесри поступила так же.

- Прекрасно, - сказал мужчина, ухмыляясь. – Жена еще не знает, что мне стали больше платить.

Джесри перевела взгляд дальше.

- Эта ветчина хороша, но вы пробовали ее под вишневым соусом?

Дальше.

- Никто не смел заявляться в Чессенту, когда королем был Красный Дракон. Говорят, он вернется. Не знаю, правда ли это, но было бы здорово!

Дальше.

- Я тоже плавал в Гадюке, когда был моложе. Я и сейчас могу обогнать тебя в любой гонке. Любые условия, любая дистанция...

Дальше.

- ... парень спрашивает, есть ли у богов свои боги, которым они поклоняются. Откуда он вообще...

Дальше.

- ... вернулись назад другими, все холодные, мертвые и с жаждой крови. У меня есть родня на границе. Я бы хотел, чтобы они переехали в Лутчек, но как им здесь жить? Хозяйство и все, что у них...

Дальше. В частности, к двум драконорожденным, сидящим за таким же столиком, как и сама волшебница, с оловянными бокалами и откупоренной бутылкой. Они сидели внутри одного из проходов, которые растянулось от центра зала как ножки раздавленного паука. Наверное, поэтому Джесри и не заметила их сразу.

Заинтригованная, она подалась вперед. Она не часто сталкивалась с драконорожденными - раз или два. Спустя столетие после их внезапного появления в Фаэруне они все еще были редкостью за пределами Тимантера, Чессенты и Высшего Имаскара.

На левом гребне у каждого был пирсинг из шести шпилек из слоновьей кости, что говорило о том, что они из одного клана, хоть девушка и не поняла, из какого. Их палаши указывали на статус эсквайра или выше. Драконорожденные рангом ниже носили бы тупое оружие либо оружие с более коротким лезвием.

У того, что покрупнее, была рыжая чешуя и стальной медальон в форме перчатки на шее. Это был самый распространенный символ Торма. Джесри слышала, что драконорожденные не поклоняются богам, но, очевидно, этот был исключением.

- Нам нужно вернуться на улицы, - сказал он.

Его коричневый компаньон, низкорослый по стандартам драконорожденных - не выше обычного человека - ответил:

- Пусть меня поймают и зажарят, я не понимаю, зачем.

- Потому, что Неистовая Верность сподвигла меня предложить свою помощь в этом деле и потому, что я по-прежнему единственный, кто видел убийцу и выжил.

Заинтригованная еще сильнее, волшебница изучала их лица, жалея, что не может лучше читать эмоции на них. Она предположила, что они разговаривали о Зеленоруком Убийце, а ведь ее не предупредили, что кто-то видел нападавшего.

- Допустим, - парировал меньший тимантерец, - но разве твой бог разговаривал с тобой после инцидента?

- Нет.

- И когда ты говоришь, что видел убийцу, ты имеешь в виду что-то большее, чем просто чувство движения в темноте?

- Не совсем.

- То есть, если дойдет до охоты на него, у нас не будет ни единого преимущества перед ним?

- Нет.

- И вдобавок ко всему, ты понимаешь, что это не наша задача - ловить негодяя. Мы прибыли в Лутчек по поручению посла. Несмотря на это, я провел ночь - холодную ночь - и устал, прочесывая город с тобой. Мы могли провести кучу времени за ловлей рыбы, если бы до этого дошло. Пойми, нет ничего позорного в том, чтобы сдаться.

- Я не могу. Паладин должен отвечать на зов долга, независимо от того, какую форму он принимает, и независимо от трудностей. Но если ты больше не хочешь сопровождать меня, я пойму.

Меньший из драконорожденных показал свои клыки - так, наверное, рептилии ухмыляются.

- Отлично. Когда причин не достаточно, используй вину. Что ж, в этот раз это не сработает. Я... - его голос затих, когда он вытянулся, заглядывая за спину своему спутнику.

Джесри проследила за взглядом. Через двери вошло несколько дженази, каждый отмеченный своей стихийной силой, с которой делил родство. Тот, что спереди, был воздушным, с серебряной кожей, пересекающимися синими светящимися линиями

на ней и острыми серыми кристаллами вместо волос. Сразу за ним шел земляной. Его голова была лысой, а его темно-коричневое тело украшала сетка золотистых полос.

Они заметили взгляд драконорожденного и на миг замерли, но затем направились прямо к их столику.

- Аканульцы, - прошипел меньший из компаньонов. - Либо наша удача закончилась, либо это уже невезение.

- Ты уверен, что они ищут проблем? - спросил паладин.

- Для парня, утверждающего, что получает мистические видения, ты не особо-то хорошо чувствуешь опасность прямо перед собой.

Коричневый воин отодвинул свой стул назад, чтобы в случае чего легко подняться. Его напарник осмотрел приближающихся дженази и поступил так же.

Группа встала перед драконорожденными.

- Выпиваете? - проворчал воздушный.

- Как видишь, - ответил паладин.

- Без сомнения, пьете за недавнюю победу вашего королевства, - сказал дженази, на этот раз чуть громче.

Услышав воинственный тон и намерения, ближайшие посетители начали отдаляться.

- Я не понимаю, о чем вы.

- О том, как вы прокрались в чужие земли, вырезав беззащитных селян, и затем убежали назад за границу до того, как те, кто знает как сражаться, смогли поймать вас. Видимо, это Тимантер и считает славной победой, не так ли?

Коричневый драконорожденный начал подниматься. Друг схватил его за предплечье и удержал на месте.

- Если ты получил новости о том, что кто-то напал на твоих соотечественников, - начал паладин, - прими мои соболезнования. Также, я даю тебе свое слово, что никто из моих земляков к этому не причастен.

- Конечно, - глумился воздушный дженази. - Как это могли быть вы, ведь наши народы разделяют такую любовь друг к другу.

- Мы не любим вас, - сказал паладин, - но разве мы хоть раз сражались с вами без чести? У вас есть менее порядочные враги. Если хочешь наказать виновных, поищи их.

- Прикуси свой лживый язык! - огрызнулся огненный дженази с красно-бронзовой кожей и оранжевой паутиной на ней. Крошечные огоньки заплясали на этой паутине вдоль его лица и головы. - Один ребенок пережил резню, и рассказал, что видел ваших воинов!

- А я говорю, что ты лжец, - сказал коричневый драконорожденный. Он попытался встать, но его друг снова усадил его на место. К сожалению, никто не сдерживал аканульцев, и они потянулись к рукоятям своих мечей и кинжалов.

- Прекратите! - рявкнул паладин, и дженази дрогнули. Джесри поняла, что рыжий рептилоид вложил в свой голос сверхъестественное красноречие. - Кто бы ни был прав, сейчас мы в Чессенте, союзном королевстве для обеих сторон. Вы хотите поставить под угрозу ее дружбу, совершая погром в самом центре ее столицы? Давайте хотя бы сменим время и место.

На мгновение Джесри подумала, что его сила убеждения возобладала. Затем огненный дженази завопил, вытащил свой меч из ножен, и нанес удар. Паладин рывком подался назад, и лезвие пролетело рядом с его лицом.

Он и его друг вскочили на ноги, сделали шаг назад, и схватились за мечи. Остальные дженази, семеро всего, также обнажили клинки.

Не важно, что Джесри и ее товарищи не были в форме. Они были блюстителями, и их долгом было остановить потасовку. Она пожалела, что оставила посох, как и том, что таверна была битком набита народом. Больше десятка людей было между ней и ее союзниками, и большая их часть, похоже, хотела посмотреть, как экзотические чужеземцы кромсают друг друга. Если она не будет осторожной, ее заклинания могут попасть в зевак, а не в намеченную цель.

Она решила эту проблему, вскочив и ударив ногой по полу. Земля под полом дрогнула. Некоторые люди упали, а остальные – потеряли равновесие. Кувшины и бутылки полетели с полок, разбиваясь об пол.

- Я – офицер городской стражи! – воскликнула волшебница. – Немедленно опустите оружие!

- Где ее форма? – спросил кто-то.

- Забудь об этом, - выкрикнул кто-то, - рука этой суки не заклеимена!

Восстановив равновесие, некоторые из аканульцев уставились на нее. Затем зеленокожий водный дженази, испещренный бирюзовыми линиями, взорвался смехом.

- Ты думаешь, что сможешь навредить дженази стихийной магией?

Джесри сделала вдох, чтобы повторить команду, но не успела. Дженази с серебряной кожей по воздуху подлетел к ней. К сожалению, для этого было достаточно места между потолком и головами упавших посетителей. Огненный поднял и опустил руку в жесте, который предполагал струю огня. Крутящаяся во всех направлениях, как змея, полоска желтого пламени очертила пол. Осознав, что они находятся на опасном расстоянии, люди между Джесри и ее противниками закричали, пытаясь убежать из-под удара.

Напрягаясь, чтобы накопить достаточную мощь без своего посоха, волшебница прошептала слова силы ветру. Он обошел парящего дженази, и тот, лишенный своей поддержки, упал на пол, а ветер, продолжая свой путь, затушил огонь, словно фитиль свечи. В следующий момент, еще до того, как ее противники собрались для следующей атаки, девушка посмотрела, что происходит в другом месте.

С сияющим как луна медальоном и клинком драконорожденный паладин обменивался ударами с воздушным дженази, который первым собирался атаковать. Его друг тимантерец сражался с земляным и штормовым противником.

Кхорину как-то удалось занять всех трех оставшихся аканульцев – огненного, земляного и водного – не доставая свой ургрош. Очевидно, он пытался одолеть их, не причиняя неоправданного вреда, орудуя стулом как дубиной и щитом.

Дворф был одним из самых умелых бойцов, каких видела Джесри, но дженази тоже были умелы и имели преимущество в количестве и оружии. Огненный дженази полоснул кинжалом, и тот вспыхнул как факел. Кхорин сместился, быстро поворачивая стул, чтобы заблокировать атаку. Это открыло его бок земляному дженази, который поднял свой палаш, направляя его в голову дворфа.

Из ниоткуда появилась стрела, пробившая предплечье земляного. Джесри повернула голову. Как лучник, Гаэдинн столкнулся с той же проблемой, что и девушка – как атаковать на расстоянии в битком набитой комнате, не поражая посетителей? Он решил ее, взобравшись на стол к чьему-то сосисочно-бобовому ужину.

Земляной сломал стрелу, будто ее и не было вовсе. Он топнул ногой, как до этого Джесри. Очередная дрожь пронеслась по таверне, и одна из ножек стола, на котором стоял Гаэдинн, сломалась. Стол перевернулся, сбрасывая лучника на пол в грязь к оловянным тарелкам и чашкам. Коричневый противник бросился на него.

Джесри хотела помочь Гаэдинну, но воздушный дженази, которого она сбила, уже поднялся с пола. Он и его огненный товарищ наступали на нее, и ей пришлось позаботиться о себе.

Она заговорила с ветром. Он поднял стол перед ней и бросил в нападавших. Снаряд влетел в воздушного и сбил его с ног, но промазал по огненному.

Окружив палаш синим и золотым пламенем, дженази сокращал дистанцию, резал и кромсал им, загоня волшебницу в угол! Каким-то образом она увернулась от одного жгучего, ослепительного выпада и следующего, готовя новое заклинание.

Девушка выбросила вперед руку с тремя загнутыми пальцами. Зеленый туман вырвался из пор огненного дженази. Он содрогнулся и ослабил хватку меча, почти роняя оружие.

Магическая слабость продлится лишь пару ударов сердца, но Джесри эффективно использовала отведенное ей время. Она схватила стул, подняла его, и разбила о голову краснокожего противника. Он рухнул.

Задышавшись, волшебница оглянулась, ища нового противника. Но тот по-прежнему лежал. В то же время Гаэдинн сбил с ног своего аканульца и молотил его кулаками по лицу.

Кхорин уложил обоих своих оппонентов и направился на помощь мелкому темантерцу. Дворф занялся земляным дженази, оставляя штормового драконорожденному. Штормовой делал финты и выпады ножами в обеих руках, вызывая буйство искр и треск кожи.

Паладин и его воздушный неприятель кружили, лязгая металлом. Воздух взвыл, поднимая дженази над полом, и закружив против часовой. Драконорожденный едва успел увернуться от удара, который чуть было не вошел ему в спину.

В один миг все яростно кружились, а в следующий - или так показалось, прежде чем Джесри смогла понять, куда вмешаться – все закончилось.

Гаэдинн остановился, осматривая противника, и затем, явно довольный, прекратил бить его.

Кхорин ударил ножкой стула своего соперника в пах, а затем вмазал по лицу, когда его колени подогнулись.

Коричневый тимантерец низко присел, оставив противнику порез на колене, и с протяжкой направил меч вверх, пытаясь пронзить внутренности.

Паладин отразил атаку, вплотную приблизившись к воздушному воину, и ударил рукоятью своего палаша по виску дженази. Затем, не теряя ни секунды, он бросился к своему другу и поймал его руку, не давая завершить смертельный удар.

Гаэдинн поднялся, вернув на место свой лук, и принялся отряхиваться.

- Мы на самом деле представляем местную стражу, - объявил он, - даже если не носим эти жуткие накидки с гербом. По моему мнению, дженази начали эту драку, поэтому мы берем их под арест.

Кхорин присоединился к лучнику. Джесри поступила также. Толпа молча изучала ее, пока девушка пересекала комнату.

- А что мы должны делать с арестованными? – пробормотал Гаэдинн.

- Думаю, в городе где-то есть тюрьма, - ответил Кхорин.

- Город и так переполнен страхами и предубеждениями, - вмешалась Джесри. – Эта потасовка не имеет ничего общего с Зеленоруким Убийцей или предубеждениями против магов.

Гаэдинн ухмыльнулся.

- Что ж, так было, пока ты не вмешалась.

* * * * *

- Это не справедливо, - заявил Даардендриен Баласар. – Дженази это начали.

- Мы в Лутчеке с дипломатической миссией, - ответила Офиншталайир Перра.

Посол была необычно высокой и худой для драконорожденной, носила два кольца своего клана, сверкающих в рыхлой коже с правой стороны шеи. Возраст немного согнул ей спину и окропил ее коричневую чешую белым.

- Дело не в мотивах или справедливости. Герой Войны огорчена. Следовательно, вы с Медрашем принесете свои извинения.

Слуга стукнул своим жезлом о пол. Арочные двойные двери, украшенные резным песчаником, распахнулись, открыв зал за собой. Ступая медленно и величаво, Баласар, Перра и Медраш вошли внутрь.

Баласар владел мечом лучше многих. Лучше даже чем многие из его товарищей в Даардендриен, клане, известном своими доблестными воинами. Тем не менее, иногда его утомляло стремление его народа к воинским почестям. К сожалению или к счастью, но зал Героя Войны напоминал о них. Великолепные гобелены изображали столкновение армий, и большая часть скульптур замерла в поединке насмерть, хотя то тут, то там, встречались статуи бегунов или метателей дисков, говорившие о том, что даже в Чессенте можно бороться, не проталкивая лезвие через внутренности противника.

Шала Каранок смотрелась естественно среди изображений резни. Она была хмурой крепкой женщиной средних лет со старым шрамом на квадратном подбородке и короткими темными волосами. Кусочки отполированной стали, украшающие ее одежду, по-видимому, символизировали броню.

Все ее советники и офицеры стояли у трона, там – к отвращению Баласара – был и Зан-Акар Зераэз с некоторыми младшими членами его делегации. Посол Аканула имел удивительно длинные и острые серебряные шипы на голове и кожу цвета темного винограда. Узор из серебристых линий на его лице выглядел так, будто он носил проволочную маску. Искры скакали по нему даже когда он был спокоен, но, судя по его маске, сейчас он таким не был. Баласар захотел скорчить ему рожу, чтобы посмотреть, можно ли заставить его светиться, вызвав дождь из искр, но это вряд ли было хорошей идеей.

Подойдя на нужное расстояние, драконорожденные остановились и поклонились.

- Добро пожаловать, миледи, - тон Шалы был не теплее, чем выражение ее лица.

- Ваше величество, - ответила Перра. – Я привела стражников, участвовавших в драке.

Герой Войны перевела свой холодный взгляд на них.

- Что вы можете сказать в свое оправдание?

- Ваше величество, - начал Медраш. – Я сожалею о случившемся. Если подобное повторится, мы сделаем все, что в наших силах, чтобы избежать насилия.

Обученный вести за собой, паладин изучал этикет и риторику – его учителя были бы довольны его выступлением. Оно было почтительным и достойным. Пока драконорожденный тонко намекал на их минимальную вину в инциденте, Шала услышала то, что хотела.

Баласар не пытался соответствовать товарищу. Он просто склонил голову и сказал:

- Мне тоже жаль.

- Так и должно быть, - сказала женщина на троне. – Я не потерплю беспорядков от любого чужеземца. Аканульцы, с которыми вы дрались, были простыми торговцами из каравана. Вы, джентльмены, оба являетесь посланниками вашего королевства. Я ожидаю, что вы будете вести себя согласно высочайшим стандартам.

- Да, ваше величество, - сказал Медраш. – Мы и сами требуем не меньшего от себя.

«Ну, более или менее, в пределах разумного», - подумал Баласар.

Перра подождала, чтобы убедиться, что она и Герой Войны не заговорят одновременно. Когда женщина ничего не добавила, посол заговорила.

- Если ваше величество довольны, то этих двух ждут их обязанности...

- Я не доволен! – прорычал Зан-Акар.

Его гнев, ярость штормового дженази, отравляла воздух вокруг него, наполняя комнату запахом сырости, будто скоро пойдет дождь. Искры прыгали по его коже и особенно - на его угрюмом лице.

- Со всем уважением, ваше величество, я считал, что вы вызвали этих головорезов, чтобы провести расследование.

- Так и есть, - ответила Перра. – Факты уже прояснились.

Зан-Акар продолжал глумиться.

- О, история, которую мы все уже слышали. Но разве она сопоставима с фактами? Объясняет ли она, как аканульцы – даже если их было больше, и они затеял драку – получили переломы, в то время как на этих двух нет и царапины?

- Я могу объяснить это, - вмешался Баласар. – Ваши торговцы дерутся как мальки из испорченных яиц.

Перра ткнула его локтем в бок.

- Разве не похоже, - настаивал на своем Зан-Акар, - что, как утверждают дженази, эти драконорожденные атаковали исподтишка.

- Нет, милорд, - сказал Медраш, - это не так. Баласар и я вышли из боя невредимыми благодаря офицерам городской стражи, пришедшими к нам на

помощь. И любой непредвзятый человек согласился бы, что так и было, ведь стражники утверждают то же.

- Но их вмешательство, - зазвучал сочный басовый голос, - поднимает другие вопросы.

Баласар обернулся. Говорившим был Лютен, один из советников Шалы, крупный мужчина, набравший весу к средним годам. Его круглая голова с редующими волосами и аккуратно подстриженной козлиной бородкой выглядела непропорционально маленькой на массивных плечах.

Очевидно, он был на стороне посла дженази, что немного озадачило Баласара. Он не слышал, чтобы Лютен отличался большой дружбой с аканульцами, хотя, возможно, драконорожденный просто пропустил это мимо ушей. Разум Баласара, как правило, отвлекался, когда его друзья обсуждали лабиринты союзов и соперничество при дворе Шалы.

Худощавый с разбитым носом Никос Кориниан уставился на своего коллегу.

- Какие «другие» вопросы, милорд?

- Во-первых, почему на них не было накидок?

Мужчина, которого Баласар ранее не видел, встал рядом с Никосом. Он был мускулистым и коренастым, почти как Лютен, но ниже. Его голова была лысой, а его странно светящиеся глаза окружали татуировки.

- Потому что они были не при исполнении, - сказал мужчина. - Но они по-прежнему считали себя ответственными за порядок. Вы бы хотели, чтобы они бездействовали, пока проливалась кровь?

Баласар сделал вывод, что незнакомец в татуировках это Аот Фезим, командир наемников, который только что поступил на службу к Никосу.

- Я бы хотел, чтобы чародейка, - ответил Лютен, - подчинялась законам Чессенты и все время носила знак ее истинной сущности. И, честно говоря, боевой маг, если бы это зависело от меня, я бы требовал того же и от вас.

Среди большинства собравшихся поднялся одобрительный гул.

- Мы не останемся в Чессенте навсегда, - сказал Аот. - К тому же, ее величество дала нам свое согласие.

- То, что она позволила, - не успокаивался Лютен, - она же может и отменить. Ее величество может захотеть пересмотреть свои взгляды. Она может захотеть пересмотреть ваше пребывание в Лутчеке.

- Мы обсудили это, - сказал Никос. - До тех пор, пока волнение не стихнет, нам нужны дополнительные стражники на улицах.

- Зачем? - спросил советник. - Чтобы защищать магов?

Он пренебрежительно махнул рукой.

- Для того, чтобы шнырять повсюду и шпионить от вашего имени?

Никос перевел свой взгляд на Шалу.

- Ваше величество, эти домыслы абсурдны.

- Неужели? - продолжал Лютен. - Факты говорят о том, что вы привели частную армию в столицу - силу под руководством тэйского мага и прочих тэйских волшебников, и дворфов среди них.

- Вообще-то, - сказал Аот, - я - тейский отступник; камера пыток и плаха ждут меня, если я вернусь. Остальные «тэйцы» в Братстве являются потомками тех людей,

которые вместе со мной стали изгнанниками сотню лет назад. И на данный момент у меня есть лишь один настоящий волшебник и один дворф. Жаль – мне бы пригодилось и больше.

Лютен не сводил свой свирепый взгляд с Никоса.

- Вы утверждаете, что отдали эту банду разбойников и волшебников в распоряжение ее величества. Но реальность такова, что, так как вы им платите, а бандиты признают лишь золото, то и отвечают они лишь перед вами.

- Что ж, я отвечаю ее величеству, - парировал Никос. – Даже если ваши домыслы правдивы, то, заверяю, все под контролем.

- Я далека от того, чтобы усомниться в вашей верности, милорд. Но история изобилует знатными личностями, которые вводили огромные личные войска в столицу своего правителя, а затем захватывали город. Было бы глупо слепо позволять такие маневры.

Никос посмотрел в сторону трона.

- Ваше величество, я знаю, что нужно нечто большее, чем пустая болтовня, чтобы заставить вас сомневаться в вассале, который всегда служил вам верой и правдой. Или ставить под сомнение собственные решения.

Шала хмыкнула.

- Я разрешаю наемникам капитана Фезима продолжать патрулировать город до тех пор, пока они не окажутся недостойными доверия.

- Тогда, если это удовлетворило ваше величество, - начал Зан-Акар, - быть может, мы вернемся к истинной причине этой встречи? Это очень важно, ведь мы обсуждаем преступления, совершенные Тимантером против обоих наших королевств.

Перра фыркнула.

- Держите себя в руках, милорд. Драка в таверне, хоть и печальное событие, но едва ли заслуживает такого описания.

- Конкретно это безобразие, - сказал дженази, пока линии на его коже сверкали, - является меньшим из них. Драконорожденные проникают в Аканул, вырезают жителей самых отдаленных поселений и отступают назад за границу.

- Это смешно, - прокомментировала Перра.

- У нас есть свидетель, - заявил Зан-Акар. – Вашим мародерам не удалось убить всех. И, как знает ваше величество, Аканул и Тимантер не имеют общей границы. Единственный способ для даконорожденных налетчиков добраться до нас – пересечь чессентскую территорию. Поскольку между нашими королевствами заключен мир, я полагаю, вы не давали им разрешения на это.

- Нет, - ответила Герой Войны, - конечно нет.

- В таком случае, они нарушают наши границы, так же как и ваши.

- Если бы эти налетчики действительно существовали, - вмешалась Перра, - это было бы логичным объяснением. Но их не существует.

- Я повторяю, - настаивал Зан-Акар, - у нас есть свидетель.

- Где? – парировала посол Тимантера. – Очевидно, не там, где ее величество или кто-нибудь другой беспристрастный смог бы допросить этого свидетеля. Давайте будем разумными. Если бы отряд драконорожденных пересек Чессенту, то кто-нибудь из ее жителей заметили бы это. Аканулу не стоит наговаривать на нас.

- Западная Чессента малонаселенная, - сказал Зан-Акар, - а холмы и овраги представляют отличное укрытие. Тимантер мог бы провести целую армию.

- Как бы то ни было, милорд, - сказала Перра, - поскольку вы не привели ни единого свидетеля сегодня с собой, то все сводится к слову Аканула против нашего.

- Возможно, я пошлю за свидетелем, - сказал штормовой дженази таким тоном, что Баласар на мгновение задумался, неужели драконорожденные на самом деле совершили эти зверства. – Между тем, я более чем готов обсудить, слову какого из королевств стоит доверять больше.

Перра снова фыркнула.

- Естественно, вы собираетесь заявить, что честность и непоколебимость дженази выгодно отличается от драконорожденных.

- Что я заявляю, - ответил Зан-Акар, - так это то, что со дня нашего появления в Фаэруне Аканул был преданным и неоспоримым другом Чессенте. Тимантер заявляет, что является ее союзником, но то же говорит и Высшему Имаскару. Тем же ордам магов-выродков и работорговцев, которые в настоящее время разоряют деревни по всему Чессентскому побережью и топят ее корабли по всей протяженности моря Аламбер.

На этот раз у Перры не оказалось, что ответить, и Баласар не винил ее. Зан-Акар, будь он проклят, нанес сокрушающий удар. Герой Войны не скрывала, что ей не понравилось заявление о дружбе Тимантера с Высшим Имаскаром.

Возможно, драконорожденным стоит выбрать сторону. Или, возможно, Баласар так считал, потому что в душе он был больше воином, чем дипломатом. Любой мог бы сделать вывод: имея двух союзников, было бы ошибкой отказывать кому-то из них.

- Раз уж дошло до этого, - вмешался Аот, - выбор очевиден. Но вообще-то, ваше величество, лорд Зан-Акар ссылается на разницу, которой не существует.

- Что вы имеете в виду? – спросила Шала.

- Я провел первую часть прошлого года, работая на Симбархов, - начал наемник, - а Агларонд и Аканул являются друзьями. Так что были дженази, которые находились около Велталара. Я особо не вникал в тонкости их дел, но мне и не нужно было, чтобы услышать, что не так давно королева Аканула заключила союз с Высшим Имаскаром. Это ни для кого не секрет, если, конечно, лорд Зан-Акар и его коллеги не скрыли это от вас.

Зан-Акар презрительно улыбнулся, хотя пространство вокруг него слегка потемнело.

- В такие моменты приятно знать, что ее величество слишком проницательна, чтобы верить словам вероломного мага.

Шала посмотрела на дженази.

- Так наемник врет? Отвечайте честно! Вы знаете, что я в состоянии выяснить правду самостоятельно.

Зан-Акар запнулся, но затем заговорил.

- Ваше величество, вы знаете, так же как и я, что министры государства принимают посланцев со всех концов. Я верю, что Аканул принимал представителей Высшего Имаскара и, возможно, даже обговаривал одно или два соглашения о

торговле, но ничего такого, что могло бы поставить под угрозу нашу дружбу с Чессентой!

- Прочь, - отрезала Шала. – Дипломаты, советники, все вы. Мы выслушаем вашу неприязнь и обвинения в другой день, когда я буду лучше контролировать свой нрав.

Баласар счел, что благодаря Аоту Тимантер по крайней мере не потерял позиций в словесной баталии, и это был уже второй долг клана Даардендриен наемникам. Когда они выходили, он поймал взгляд тэйца и уважительно кивнул. Аот ответил улыбкой, дружелюбной, но с оттенком насмешки.

* * * * *

Кхорин расчесывал бронзово-белое оперение Бдительной, ища сломанные перья и паразитов двузубой железной вилкой, предназначенной специально для этого. Пахнувший одновременно как птица и мускусный охотничий кот, грифон разлегся на полу так, чтобы дворф мог всю ее осмотреть. Казалось, она растаяла на месте. Урчание, производимое грифоном, возвещало о блаженной расслабленности животного.

- Похоже, все прошло хорошо, - заключил Кхорин.

- Наверное, - ответил Аот, заканчивая с орлиной частью Джета и переходя к чистке шерсти, сначала против роста, затем – по. Черные глаза зверя стали алыми щелями. – Ненавижу разговаривать с этими зулками – или лордами или как их там – и втягиваться в их вранье и интриги.

Кхорин работал над вытянутым крылом Бдительной.

- Такова участь лидера. Но я не виню тебя. Я даже не уверен, что понимаю, о чем там был разговор.

- Как и я. Драка? Наше присутствие в Лутчеке? Соперничество между нашим нанимателем и лордом Лютенем? Ненависть между Аканулом и Тимантером? Или между Чессентой и Высшим Имаскаром? Сам выбирай. Это все скинули в одну кучу.

Кхорин заметил гниду, торчащую среди перьев. Он поставил вилку, поднял свои щипцы, вытащил паразита и раздавил его.

- Почему все эти люди так презируют друг друга, в конце концов?

- Ты имеешь в виду, помимо того, что я озвучил? Насколько я понял, это длинная история. Драконорожденные и дженази воевали, когда жили там, откуда они пришли. Когда Магическая Чума сгребла их и выбросила в Фаэрун, то они принесли с собой и свою вражду.

Аот продолжил.

- Теперь чессентцы. Они были рабами во времена Имаскарской Империи. Последние, в свою очередь, были сильными магами, и поэтому в Чессенте ненавидят магию. Я слышал, что новое королевство – Высший Имаскар – не такой же зверь, как старая империя. Имаскар теперь не держит рабов, к примеру. Но имя почти то же, люди выглядят так же, они все так же способны к магии, и этого достаточно, чтобы вызывать ненависть чессентцев. Они попрекают новый Имаскар с тех пор, как тот объявил о своем существовании. Ты, конечно, можешь сказать, что нынешнее

«пиратство» является ответным ударом на такое отношение, но я бы не сказал озвучивать это при местных.

- Другими словами, - сказал Кхорин, - это все глупо.

- Еще бы ты так не думал. Вряд ли кто-нибудь слышал о дворфе, затаившем обиду.

Кхорин попытался подавить смехок, но не вышло.

- Справедливо. Просто кому-то нужно вступить за правое дело.

Аот прошелся щеткой по всей длине хвоста Джета.

- Мы так же поступили в Тэе и еще раз – в Импилтуре, а теперь посмотри на наше положение.

- Я понимаю, что это роскошь, а не необходимость. Вообще, было бы здорово, если бы твои глаза дали тебе какое-нибудь представление о том, почему Никос и Лютен враждуют, или говорил ли Зан-Акар правду.

Магическая Чума не просто продлила годы жизни Аота. Она отточила его зрение до сверхъестественного уровня. Всадник мог видеть в темноте и замечать невидимое. Ни одна иллюзия не могла обмануть его. В редких случаях Аот мог даже увидеть истинный характер или намерения человека, или предвидеть будущее.

Аот притих, нахмурился и затем сказал:

- Если честно, когда я впервые встретился с Никосом, я увидел фигуру зеленого дракона.

- Что? Что это значит?

- Понятия не имею. Можно с уверенностью сказать, что в Лутчеке не живет огромный зеленый дракон. Значит, это что-то символичное, то есть может означать что угодно. Возможно, видение было о том, что трое моих подчиненных встретятся с драконорожденными.

Кхорин опустил свою голову.

- Ты так говоришь, будто это тебя абсолютно не беспокоит. С каких пор ты стал пренебрегать ценной информацией, какой бы загадочной она ни была? Сколько раз я слышал, как ты говорил: «Собирайте все факты, какие только сможете; любой из них может оказаться разницей между победой и поражением»?

- На поле битвы – да. При королевском дворе все иначе. Знать чужие секреты – опасно, равно как и лезть в чужие дела. Оглядываясь назад, я чувствую, что зря рассказал Герою Войны о связи Аканула с Высшим Имаскаром. Я сказал, не подумав.

- Ты, возможно, заработал толику ее доверия. Или благодарности.

Аот хмыкнул.

- Подозреваю, что этого будет недостаточно, зато я определенно нажил себе врага в лице Зан-Акара. Все больше оснований не высовываться, играть роль стражников с минимальным количеством шума, а затем – выступить против Трескеля или Имаскара, как только Шала даст на это добро.

ГЛАВА 2

18-29-ое число месяца Чес, год Извечного (1479 ЛД)

В своей кольчуге со щитом, копьем и другим оружием Аот выглядел как воин и надеялся, что именно так его и увидят жители Лутчека. Но те почти сразу же стали шептаться у него за спиной и делать знаки, отводящие порчу. Всадник подозревал, что Лютен или Зан-Акар пустили слух, что на самом деле он был боевым магом.

После этого Аот прекратил возглавлять пешее патрулирование. Нет смысла волновать местных жителей еще сильнее. Вместо этого он и Джет решили осмотреть город с высоты.

Восточный ветер отнес их в храмовый квартал, где позолоченные купола храма Вокин, богини торговли, сияли в конце торговых рядов. На другом конце стояла обитель Амонатора, повелителя солнца, с огромными солнечными часами перед ним.

Проходившие мимо устройства сектанты Чазара пели и играли на барабанах. Некоторые из них несли малиновые знамена. Остальные же объединили свои усилия, чтобы оживить дракона, сделанного из красной ткани. Скача внутри, они заставляли его извиваться как змею.

Сначала на это никто не реагировал. Затем полдюжины священников в желтых мантиях вышло из храма Амонатора. Тучный повелитель солнца во главе священнослужителей, облаченный в одежду, отделанную золотом и янтарем, начал пламенную речь.

- Спустись ниже, - сказал Аот. – Давай послушаем, что он говорит.

Джет спикировал и сел на крыше обители Красного Рыцаря, сравнительно небольшого здания, которое со своими зубчатыми стенами и барбаканами больше напоминало крепость, а не храм. Аот надеялся, что покровительница стратегов простит собрата-командира за такое вторжение.

Никто из смертных, похоже, не заметил его присутствия. Священники солнца и реагирующий на них дракон сектантов уже привлекли всеобщее внимание.

- Драконы не боги! – заявил повелитель солнца, повысив голос, чтобы все могли его услышать. – А ваша демонстрация в этих священных стенах является оскорблением для истинных богов!

- Чазар спас свой народ, - ответила худощавая девочка-подросток во главе процессии. Она нарисовала алые символы у себя на лбу и щеках и имела болезненно-лихорадочное выражение лица. Кто-то набросил красивую ярко-красную мантию поверх ее потрепанной одежды. – Кроме того, он восставал из мертвых. Так делают боги. И теперь, когда мы нуждаемся в нем, он снова придет. Нам нужно лишь верить.

- Дитя, ты не понимаешь, о чем говоришь. Ты не в состоянии понять. Тебе не хватает выучки.

- И я рада этому. Потому что вижу, что все, что дает обучение – делает тебя слепым к истине.

Верховный жрец глубоко вздохнул.

- Направь свою веру на Хранителя Желтого Солнца и прочие силы света. И на Героя Войны, которую они назначили управлять нами. Вот кто спасет тебя.

- Когда? – выкрикнул мужчина со шрамами от оспы на лице. – Трескель и Высший Имаскар и мерзкие волшебники уничтожают нас! Чего же твои боги и Шала Каранок ждут?

- Возможно, - ответил жрец, - они ждут, пока их люди прекратят вести себя таким образом – прекратят это кощунство и вероотступничество.

Демонстранты завопили в ответ, насмехаясь над ним.

- Дети мои, - начал жрец солнца, - я пытался образумить вас. Поскольку вы отказались внимать мне, придется прибегнуть к более радикальным мерам.

Он подозвал младших жрецов. Некоторые замешкались или встревожились, но все же подчинились.

- Они не посмеют, - сказал Джет, не веря в происходящее.

Но они посмели. Жрецы пытались выполнить какой-то ритуал, который должен был бы наказать толпу в паре шагов от них. Наверное, они решили, что поклонники Чазара будут просто стоять и ждать, пока ритуал не закончится.

Если это так, то жрецы были обречены на разочарование. Худощавая девочка – видимо, сектантская пророчица – пронзительно закричала:

- Остановите их!

Она рванула вперед, и толпа хлынула за ней.

Джет понял, чего хочет Аот, благодаря их псионической связи, или просто знал, что от него требовалось. Спрыгнув с крыши, грифон издал визг, который заставил некоторых людей застыть на месте. Аот направил длинное копье, служившее ему и оружием, и посохом, произнес команду, и сотворил преграду, потрескивающее желтое пламя, между сектантами и священнослужителями.

Это застало врасплох бегущих, заставив их споткнуться и остановиться. Служители Амонатора тоже затихли.

Тогда Джет сделал пару низких кругов над толпой, будто выбирал, кого бы схватить в свои когтистые лапы и прикончить. Нахмурившись, Аот старался выглядеть таким же пугающим.

Когда он решил, что их маленькое представление сделало достаточно, то посадил грифона на верхушке солнечных часов. Видимо, сегодня был день порчи собственности богов.

- Капитан! – позвал верховный жрец солнца.

Аот спешил.

- Если кто-нибудь сделает хоть шаг, - сказал он якобы Джету, но достаточно громко, чтобы все его слышали, - убей!

Грифон присел и осмотрелся, будто все, чего он хотел – перелететь через огненный барьер и наброситься на демонстрантов. Затем Аот подошел к краю солнечных часов и посмотрел вниз на человека, поприветствовавшего его.

- Я Даэлрик Апатос, - сказал жрец, - распорядитель обители Хранителя. Спасибо, что сдержали этот сброд.

Даэлрик казался скорее раздраженным, чем благодарным, но, наверное, не стоило обращать на это внимания.

- Я здесь именно для этого, распорядитель. Для поддержания мира.

- Попридержите их еще какое-то время, и я со своими священнослужителями закончим проклятие.

- В этом нет необходимости.

Даэлрик моргнул.

- Уверяю вас, это мягкое наказание. Оно будет не страшнее солнечного ожога.

- А я уверяю вас, что если вы снова начнете молиться, я потушу огонь, взберусь на своего грифона и оставлю вас и церковь Чазара выяснять отношения.

Верховный жрец усмехнулся.

- Не стоило ждать благочестия от такого как вы. Герой Войны узнает о том, как вы отказали мне в час нужды.

- Держу пари, что так и будет, - Аот ходил по краю солнечных часов. Заглянув за шипящую стену огня, по-прежнему горевшую и ничем кроме магии не подпитываемую, он обнаружил пророчицу: – Раз я узнаю имена, не назовете ли свое?

Девчонка выпрямилась еще сильнее, показывая, что не боится.

- Галония.

- Что ж, Галония, ты и твои друзья отправляются шествовать в другое место.

- Этот город в равной степени принадлежит и нам, и этим жрецам. У нас есть право ходить по улицам. Любым улицам, включая и эту.

- Я офицер городской стражи, что означает, что у тебя есть право ходить там, где я скажу. А теперь идите, иначе следующая стена огня обрушиться на ваши головы.

Галония испытывала его взгляд еще какое-то время, а затем коротко кивнула. Она повернулась и увела прочь за собой колону. Сектанты последовали за ней, но не без неприличных жестов, демонстрировавших их недовольство Аотом.

Жрецы были более сдержаны в этом плане. Но их каменные лица выражали то же недовольство.

- Как мило, - сказал Джет. – Хоть в чем-то они согласны.

* * * * *

Гаэдинн заметил три огонька рядом друг с другом дальше по темной улице. Он направил Эидер, своего грифона, названного так, из-за своей парадоксальной любви к плаванию, нехарактерной для ее вида, вниз.

Фонари принадлежали патрулю – местному, не Братства. Их огни обнаружили выпотрошенный труп. Зеваки, некоторые в пижамах, собрались поглазеть на это. Несколько человек громко вскрикнуло, когда Эидер приземлилась. Грифон одарил их взглядом, полным отвращения.

Как только Гаэдинн спешил, он учуял запах пролитой крови и нечистот.

Судя по валявшемуся деревянному ведру и колодцу, который был в двух-трех шагах отсюда, человек шел за водой. Убийца оставил зеленый отпечаток на каменной кладке, окружавшей отверстие.

Всадник искал сержанта, возглавлявшего патруль. Им оказался недалекий с виду мужчина, который явно прибавлял в весе – даже нижняя пряжка его кожаного доспеха была не застегнута, поскольку слишком сильно пережимала его дряблое

тело. Лицо сержанта в свете фонарей было бледным; мужчина постоянно сглатывал, стоя над телом.

- Когда это произошло? – спросил Гаэдинн.

Пухлый сержант покачал головой.

- Да кто его знает?

Рыжеволосый лучник присел, чтобы изучить останки. Он провел большую часть своей юности в качестве заложника у эльфов из леса Юир. Это был печальный опыт, особенно когда его отец продолжил вести себя неподобающе, что заставило похитителей всерьез задуматься над убийством мальчика. В конце концов, зачем еще нужны заложники? Но это научило Гаэдинна ориентироваться в лесу и читать следы; для него труп выглядел так, будто его разорвали когтями, а не изрезали клинками. Но это еще не означало, что человек не мог сотворить подобное.

Гаэдинн поднялся и махнул рукой в сторону зевак.

- Вы их допросили?

- Если бы кто-нибудь из них видел убийцу, то они бы тоже были мертвы.

- Нет, если убийца их не заметил, - ответил всадник. – Итак, вы допросили их?

- Нет.

- Что ж, кому-то стоит этим заняться или, по крайней мере, убедиться, что никто не пропал. Остальным нужно попытаться найти след убийцы. Я посмотрю с воздуха... - он не сразу заметил угрюмый взгляд сержанта. – Что не так?

- Возможно, ваши летающие звери и причудливые доспехи впечатлили Никоса Кориниана, но вы ничем не лучше нас, и мы не будем выполнять ваши приказы.

- Друг мой, я понимаю, что я не твой командир, и я бы никогда не стал учить вас как выполнять вашу работу, если бы вы ее выполняли. И как это будет выглядеть, когда ты доложишь об этом тому, кто командует вами?

Сержанту каким-то образом удалось одновременно выглядеть и уязвленным и робким.

- Просто... мы привыкли к мертвым телам, но не таким...

- Я понимаю, - смягчился Гаэдинн, оглядывая ближайшие улицы и извилистые переулки, а затем перевел взгляд на стражников. – Нам нужно разделить, чтобы иметь хотя бы крошечный шанс поймать убийцу.

- Не у всех из нас есть фонари, - сказал один из стражников.

- Так найдите их, - скомандовал всадник. – Немедленно! Ради всего святого, убийца лишь немного опережает нас.

И тут он понял, что этого-то они все и боятся. Никто не хотел отправляться в погоню за негодяем. Только не в одиночку и не в темноте.

- Этот сукин сын, скорее всего, направился назад в квартал волшебников, - сказал другой стражник. – У нас будет больше шансов выследить его, если мы отправимся туда.

- У нас нет ни малейшего понятия, куда он направился, - Гаэдинн отвернулся от стражников. – Ищите, как считаете правильным. Главное – ищите. Затем встретимся здесь.

Он поспешил назад к Эидер и запрыгнул в седло. Грифон побежал рысью, хлестнул крыльями и взлетел.

Всадник уложил стрелу на свой лук и, направляя Эидер коленями, по спирали поднялся над колодцем, ища хоть какое-то движение на крышах и в воздухе.

Первое время он был настроен оптимистично. Насколько Гаэдинн помнил, единственный свидетель утверждал, что убийца скрылся с предыдущего места преступления по крышам, даже если так называемый свидетель не был уверен, перепрыгивал преступник крыши или перелетал их.

Но все, что Гаэдинн обнаружил, было не тем, что он искал: летучие мыши, совы, бегающие по крышам крысы, пожилой астролог, опиравшийся на скрюченную трость, смотревший на луну и раскинувшиеся облака ее сверкающих слез. И когда Эидер прочесала большую часть района города, пришлось признать, что добыча ускользнула от них.

Лучник надеялся, что стражникам повезло больше. Ему пришлось расстаться с этой надеждой, когда он вернулся к колодцу и увидел стражников, слонявшихся вокруг с пустыми руками.

- Бесполезные, - поглумился один из зрителей, обращаясь к своему товарищу, достаточно громко, чтобы Гаэдинн смог услышать.

* * * * *

- Нам нужно прогнать их, - заявил Рэндал.

«Да!» и «Правильно!» - ответили остальные.

Но Теризей спросил:

- Почему?

Светловолосый и долговязый, неумелый в играх, вечно задающий вопросы – в этом был весь он. Иногда из-за этого он казался умным, а иногда – совсем наоборот.

В любом случае, у Рэндала был ответ для него, ведь он всегда внимательно слушал своего отца когда тот говорил – вернее, вопил – на эту же тему.

- Они ходят с важным видом и притесняют людей вокруг себя так, будто этот город принадлежит им. Они обычные наемники – животные, которые убивают ради звонкой монеты.

Теризей пожал плечами.

- Не похоже, что они отличаются от обычной городской стражи. Стражники избили одного пьяницу до смерти дубинами, после того как он отказался опустить нож.

- О, разница есть, - ответил Рэндал, хотя и не понимал, в чем конкретно она проявляется. – Так ты с нами или испугался?

- Я помогу, - сказал Теризей, как и ожидал Рэндал. Долговязый блондин может и думал не так, как все его друзья, но он высоко ценил свое членство в «Черных Осах». В густонаселенных районах, где жили их семьи, если ты не был в банде, ты был никем. Нельзя быть в «Осах», если ты боишься принять вызов.

Рэндал повел свою банду вниз по затхлому, усеянному мусором переулку, выходящему на улицу. Изучив распорядок противников, он знал, что отряд наемников вот-вот пройдет по этому перекрестку.

В скором времени послышался звон доспехов и топот ног, шагающих в унисон. «Черные Осы» вытащили камни из своих карманов и мешков на поясах.

Рэндал достал нечто получше, ведь его отец научил сына управляться с пращей. Он снял ее с груди – там же носил ее и его старик. Праща позволяла с силой метать камни. Отец часто говорил, что это гениальное оружие войны, хотя Рэндал подозревал, что это было справедливо только для минувших лет.

Солдаты появились в поле зрения. Дворф с копьем в руках и каким-то топором за спиной вел весь отряд.

Старик говорил, что дворфы это такое же зло, как и волшебники. Они занимаются таким же дьявольским искусством. Рэндал метнул камень в маленького воина, и его друзья тоже бросили свои.

Снаряды забарабанили по щитам, шлемам и доспехам. Часть наемников выстроилась в шахматном порядке. К разочарованию Рэндала, никто не упал.

- Вот они! – крикнул дворф. Он развернул свое копье, видимо, чтобы атаковать древком, а не острием. Затем он и остальные солдаты стали наступать.

Рэндал и его друзья развернулись и бросились наутек. Он был возбужден – не испуган – ведь знал, что они смогут оторваться. «Осы» не были одеты в тяжелые доспехи, и они знали эти переулки так, как ни один чужак.

Они свернули несколько раз, и затем Рэндал обернулся. Наемников нигде не было видно. Он махнул рукой с пращей над головой и скомандовал остальным остановиться.

Все усмехнулись и, восстановив дыхание, хлопали друг друга по спине. Даже Теризей, который опять задал вопрос.

- Что теперь?

- В смысле? – ответил Рэндал, убирая мокрые от пота волосы со лба. – Все заново!

Они прокрались проулками, устроили вторую засаду и снова сбежали. Новое нападение оказалось еще более волнующим, но, тем не менее, этого было недостаточно. После двух атак, некоторые воины в доспехах были окровавлены и в синяках, но все они были на ногах. Несомненно, праща была способна на большее. Во время тренировок она выбивала куски из каменной стены.

- Еще раз, - скомандовал Рэндал.

- Ты уверен? – спросил Теризей. – Теперь они будут ждать нас.

- Это не важно, - ответил он. – Мы умнее и быстрее их.

Все действительно указывало на это. И заставляло удивляться, как это Братство Грифона вообще побеждало в битвах.

Рэндал и другие «Осы» прошли узкое, затемненное пространство между двумя зданиями. Впереди появился первый ряд чужеземцев. Рэндал поцеловал камень на удачу, посвятив Ловиатар, богине наказания, негласную молитву, и запустил снаряд в полет.

Его цель прижала руку к своему глазу. Кровь хлынула между пальцев солдата, и он завалился вперед.

Рэндал хихикнул. Он и остальные «Осы» развернулись, и собрались было бежать, но замерли. Каким-то образом дворф и трое его людей прокрались к ним за спину.

Было бесполезно бежать в обратную сторону, ведь остальные наемники уже заблокировали противоположную сторону улицы. Все, что «Осы» могли сделать – попытаться проскочить мимо дворфа и его союзников.

Теризей и еще один парень так и сделали. Чужеземцы уложили остальных на землю. Некоторые махали такими же дубинками, как у стражи, прочие – били и кололи тупой стороной копья. Казалось несправедливым, что стражники так проворно орудовали длинными копьями в переполненном людьми пространстве.

Рэндал сделал вид, что бежит влево, а сам рванул вправо, но наемника, стоящего перед ним, одурачить не удалось. Он бросил свою дубину и выхватил длинный тонкий кинжал из своего ремня.

Двое столкнулись. Какой-то шок охватил Рэндала. Его ноги подкосились и уронили его спиной в грязь. Он услышал грохот и свистящий звук. Что-то мокрое было у него в горле и во рту, оно душило его, и парень выкашлял целый ком этого.

Дворф отбросил свое копье и щит, опустился на колени и прижал руки к торсу Рэндала. Сам же парень, чьи мысли замедлились и казались туманными, осознал, что наемник пронзил его, а дворф – злобный, любящий магию дворф! – пытался остановить кровотечение.

- Проклятье! – прокричал он. – Они же просто дети. Как, по-твоему, город отреагирует на это?

- Этот мелкий ублюдок выбил Фодеку глаз, – ответил воин, сжимая окровавленный кинжал. – У него была праща, а праща – это смертоносное оружие.

Выплюнув еще немного крови, Рэндал радовался, что хоть в чем-то его отец оказался прав.

* * * * *

Джесри ворочалась и крутилась, пока ей это не надоело. Она выругалась, поднялась со своей узкой провисающей кровати, поморщилась от холода, проникшего в ее комнату, и быстро оделась.

Что теперь? В захудалом домишке было тихо, за исключением похрапывания семейства, которому пришлось выделить комнату волшебнице по требованию Героя Войны. Джесри не решила заниматься своими делами в доме, боясь разбудить хозяев. Одно только ее присутствие причиняло достаточно неудобств.

Единственной альтернативой было выйти на улицу, и от этой перспективы у нее во рту пересохло, а пальцы задрожали. Девушка ненавидела себя за этот страх.

Несмотря на все старания Братства держать все под контролем, Лутчек был действительно опасным местом. Город призирил таких как она. Но Джесри больше не была беспомощным ребенком. Она была могущественной волшебницей и солдатом-ветераном, который лично пережил все ужасы Тэя, и она не позволит этой жалкой помехе сдерживать ее.

Она набросила накидку, завернулась в свой плащ и взяла посох из черного дерева, инкрустированного золотыми рунами. Затем волшебница сделала глубокий вдох и открыла дверь.

Шрам, ее грифон, спал, свернувшись под навесом сбоку дома. Джесри захотелось разбудить животное и взлететь, но она понимала, что это было бы не тише, чем

провести жертвоприношение внутри дома. Лучше пройтись по улицам, пока те не прекратят ее пугать.

Девушка двинулась вперед под сверкающей россыпью звезд, которые заставляли квартал волшебников с его грязными поломанными окнами выглядеть еще печальнее. Железная окантовка на ее посохе еле слышно стукнула по замерзшей грязи. Волшебница попросила ветер предупредить ее, если кто-нибудь появится поблизости с ней на улице, а тот, в свою очередь, прошептал, что так и сделает.

Спустя несколько ударов сердца ветер дал знак. Он не мог говорить или даже мыслить на языке смертных, но после многих лет тренировок Джесри без труда понимала его.

И ей понравилось, что она узнала. Потому что, как бы печально это ни звучало по отношению к природе человека, но одним из самых эффективных способов борьбы со страхом было вселением страха в кого-нибудь другого.

Ветер привел ее к узкому трехэтажному дому на границе квартала. Две темные фигуры как раз вылезали из двустворчатого окна.

Некоторые бы посчитали странным то, что взломщики будут выбирать своими жертвами магов, которых они должны были бы бояться. Но опытные специалисты воровских гильдий Лутчека знали, в каких домах живут истинные волшебники, а в каких – обладатели лишь намека на магические способности. Они также знали и то, что городская стража редко проявляла особое рвение, расследуя преступления в квартале волшебников.

Оставаясь незамеченной в темноте, Джесри готовилась нанести удар. Ей пришлось признать, что падение с третьего этажа может покалечить или даже убить человека. Так что она дождалась, пока они не спустили достаточно низко, и сказала ветру направить на них порыв достаточной силы, чтобы сбить их с их насеста.

Один из воров пронзительно закричал, приземлившись. Оба сильно ударились и какое-то время лежали неподвижно, а затем начали подниматься.

Джесри пробормотала заклинание, нарисовав двумя пальцами круг, и закуталась в пелену белого света. Она должна была отразить брошенный кинжал или выпущенный дротик, но волшебнице нужна была в основном из-за свечения. Девушка знала, что с ее сияющей аурой, янтарными глазами, смуглой кожей и золотистыми локонами, которые раздувал ветер – видимый только ей – она выглядела весьма впечатляюще. Возможно, достаточно впечатляюще, чтобы заставить пару грабителей сдаться без лишней суеты, вызванной ее появлением и проявлением магической силы.

Но нет. Они развернулись и побежали, и тут она поняла, что ей это нравится. Теперь у Джесри была причина поиздеваться над ними еще немного.

Она подняла свой посох, и два бело-голубых луча выстрелили из его конца, поражая каждого вора в спину. Они зашатались и снова упали.

Волшебница подошла ближе, пока ее жертвы дрожали, пытаясь подняться.

- Вы пока что легко отделались, - заявила Джесри, пока ее аура защиты пропадала, - но мое следующее заклинание заморозит вас до мозга костей.

- Г-г-г-грязная в-ведьма, - прорычал вор, что лежал справа. Он был тощим, с черной бородкой, острым носом и обрезанными ушами, которые было видно под капюшоном.

- Не всем же дано быть такими достойными и честными как вы двое, - съязвила она. – Итак, вы навредили кому-то внутри?

- Н-нет.

- К вашему же счастью. Вот что произойдет дальше. Вы выбросите свое оружие и вернете награбленное, а затем я отведу вас в камеру.

Поначалу все было именно так, как Джесри и планировала. Грабители были угрюмы, и она решила, что запугала их как следует. Тем ни менее, она держалась от них на безопасном расстоянии и оставалась бдительной на случай, если они решат развернуться и напасть на нее или просто сбежать.

Ни того, ни другого они не сделали. Но, когда они прошли квартал волшебников, плут с обрезанными ушами неожиданно завопил.

- Помогите!

С десятков фигур обернулись в их сторону. Заикленная на своих заключенных Джесри еще не совсем поняла, сколько людей было на этом конкретном участке улицы, к тому же не было ясно, откуда их здесь столько. Видимо, где-то неподалеку находилась таверна.

- Все в порядке, - сказала волшебница. – Я офицер городской стражи. Эти двое пытались ограбить дом, и я веду их в тюрьму.

- Она – волшебница! – завопил бородатый вор. – Посмотрите на посох! Она напала на нас без единой причины и хочет скормить своим демонам!

- Да, волшебник, но также и представитель стражи, - подтвердила Джесри, сбросив плащ, чтобы продемонстрировать свою накидку. - Видите?

- Этого на ней не было мгновение назад! – надрывался грабитель. – Это иллюзия! Она заставляет вас это видеть!

Зрители начали перешептываться друг с другом.

- Это смешно, - сказала девушка. Она щелкнула пальцами, и ветер сдул капюшон вора, обнажая изуродованные уши. – Думаю, вы видите, что этот мошенник уже дважды сталкивался с правосудием Героя Войны.

Грабитель начал судорожно оглядываться:

- О чем она говорит? Что она сделала со мной?

Джесри пришлось признать, что это была отличная имитация растерянности. Но она была уверена, что привела весомые доказательства лживой натуры своего заключенного, которых бы хватило любому здравомыслящему человеку. Даже несмотря на то, что город был настроен против магов, девушка посчитала, что стоявшие вокруг быстро потеряют интерес к происходящему и вернуться к своим делам.

Они не потеряли. Напротив, хотя в темноте было трудно сказать точно, казалось, их лица ожесточились. Джесри с опозданием поняла, что демонстрация способностей, хоть они и были безобидными, лишь усилила недоверие к ней.

Женщина, которая была крупнее большинства мужчин, выходя вперед толпы, толкнула плечом одного из них. Судя по ее щиту и тяжелому мечу, она могла быть членом одной из преступных организаций в Лутчеке или даже наемником.

- Отпусти их, - сказала женщина удивительно сладким сопрано.

- Я уже сказала, - начала Джесри, - это грабители, а я – представитель стражи, и это моя обязанность - придать их правосудию.

- Если ты состоишь в городской страже, то тебе там не место. Не тогда, когда такие как ты скрываются вокруг и убивают мирных жителей. И мы не позволим тебе забрать этих двух неизвестно куда, где они затем, возможно, превратятся в разодранные клочья еще до рассвета.

- Если это все о чем вы беспокоитесь, - ответила Джесри, - то можете проследовать за мной и посмотреть, как я передам их.

- Нет! – закричал вор. – Ради вашего же блага! Ради всего святого, их ведь еще больше скрывается в темноте! Она заведет вас в ловушку!

- Я вас умоляю, - вздохнула волшебница, обращаясь к толпе. – Уверена, вы все знаете, где находится караулка. Она всего в паре кварталов.

- Кто сказал, что там вершат правосудие? – спросил щеголь с латной перчаткой на левой руке, которой он ловил и удерживал клинки противников, булавкой в виде красного дракона, приколотой к плащу, и рапирой на поясе. – Люди, исполняющие обязанности стражи – и люди, стоящие над ними – безголовые или даже хуже. Вот почему они не могут поймать Зеленорукого. Вот почему королевство разваливается.

- Я думаю, - обратилась огромная женщина к Джесри, - тебе лучше отпустить этих ребят и вернуться туда, откуда ты выползла.

Не двигая головой, а лишь глазами – она не хотела выглядеть настороженной – Джесри осмотрела улицу. Где-то поблизости должен быть патруль, но ни одного не было видно.

- Воры отправляются в тюрьму, - сказала она. – И, если вы не хотите составить им компанию за решеткой, то разойдете...

Глиняный вазон разбился у ее ног, разметав вокруг осколки, землю и остатки мертвого растения. Кто-то сбросил его с верхних этажей.

Вздвогнув, волшебница сделала шаг в сторону. Ее арестованные рванули с места. Девушка подняла свой посох и направила на них. Огромная женщина, вскинув кулаки, метнулась к ней.

Джесри заметила угрозу боковым зрением. Она увернулась так, что удар лишь вскользь прошел по щеке. Этого оказалось достаточно, чтобы оскорбить и взбесить волшебницу.

Она ткнула вершиной своего посоха массивный живот женщины и произнесла заклинание. Удар, сравнимый по силе с толчком мула, откинул ее назад, на копчик.

К тому времени щеголь извлек рапиру из ножен. Он вытянул руку и напал.

Джесри затараторила рифмами. Сон сморил мужчину, и по инерции он рухнул животом вниз.

Тем не менее, это был не конец. Огромная женщина поднялась и вытащила свой меч. С поднятыми кулаками, ножами и дубинами остальные окружили волшебницу. Еще больше снарядов полетело сверху.

Джесри высоко подняла свой посох и воззвала к ветру. Завывая, он взорвался во всех направлениях от нее, будто девушка была костром, распространявшим ураган вместо света и тепла. Злоумышленники пошатнулись, не в состоянии более идти вперед. Некоторые попадали на землю. Дождь из вазонов также смело.

Теперь ей нужно было решить, что делать дальше. Буря не продлится долго. Она осмотрела противников, и ответ нашелся сам собой.

Волшебница прорычала заклинание на диалекте Бездны, вогнав свой посох между камнями кладки. Ненависть подкрепляла ее силу воли и придавала силы магии, взятой из ее окружения, завихряющейся зеленым дымом, который отдавал падалью.

Джесри ненавидела Чессенту всю свою сознательную жизнь, и теперь она знала, что имела на это полное право. У нее были все причины презирать этих идиотов, скотов и дикарей, стоящих перед ней.

Она почти закончила заклинание, когда что-то – возможно, полнейшая концентрация, необходимая для выполнения такого сложного заклинания – немного охладило ее пыл. Девушка вспомнила, что она не на войне, и что работодатели не считают этих людей своими врагами. Она не должна убивать их из-за страха перед последствиями.

Но даже теперь было трудно прервать заклинание, которое было почти завершено. Магия стремилась проявить сущность, заданную заклинанием с самого начала, а последние слова слетали с ее губ машинально. Напрягшись, Джесри восстановила контроль над своим языком, и прочитала последнюю строку заклинания, но в ослабленной форме, будто сыграла ту же мелодию на октаву ниже.

Последним дуновением ветер, вызванный девушкой, поймал зловонный пар, кипящий вокруг нее, и взорвался. Те, кто еще стоял на ногах, согнулись либо свернулись, и их всех начало рвать.

Болезненное состояние не убило бы их. Разбавленный яд был слишком слабым. Но они, похоже, хотели бы, чтобы убило.

Она попыталась насладиться их страданиями, но не смогла. За исключением звуков толпы, которую рвало, улица казалась слишком тихой и пустой. Бегло осмотревшись, Джесри не заметила никаких наблюдателей, смотрящих на нее из окон или крыши, но она чувствовала тяжесть их взглядов.

Ее инстинкты подсказали ей, что произойдет, и она отступила назад в квартал волшебников. Она прошла лишь пару ярдов, когда, будто вызванные заклинанием, первые темные фигуры зароились у дверных проемов. Сердце девушки заколотилось, и она прошептала сообщение ветру, чтобы передать его ее товарищам.

* * * * *

Работая так быстро, как было возможно, Кхорин и его копейщики выносили мебель из домов – иногда просто выбрасывали из окон – и затем складывали на улицу, создавая баррикады. Домовладельцы с отметками на ладонях стояли и смотрели на это с печалью, то ли из-за того, что им не нравилось, как их и без того скудное имущество ломали, то ли из-за того, что они понимали, зачем это все делается.

Если они расстроились из-за последнего, то были проникательнее некоторых наемников.

- Я не думаю, что что-то произойдет, - проворчал Нумер, парень с кривым крючковатым носом, недостающим пальцем, десятком шрамов и звонкой

коллекцией «счастливых» амулетов, всегда висевших на его грязной шее. – Мы зря этим занимаемся.

- Если Джесри сказала, что это произойдет, - ответил Кхорин, - то так и будет. Разве ты не заметил, как собираются толпы, пока мы неслись сюда.

- Я посмотрелся на эти толпы, как только мы пришли в этот вонючий город. Ходят тут со своим тряпичным драконом или что оно там такое. Это не значит, что они собираются что-то сделать.

Кхорин нахмурился.

- Просто складывай дальше.

У них было время, чтобы немного укрепить баррикады. Затем толпа появилась в конце улицы. Выкованные Всеотцом Морадином для жизни под землей, дворфы хорошо видели в темноте, поэтому у Кхорина не возникло трудностей с тем, чтобы рассмотреть лица только что прибывшей толпы. Он почти жалел об этом. Ему не нравились безумие и истерия, которые он разглядел.

- Сейчас! – рявкнул дворф, и, работая как одно целое, его люди выставили свои копья над импровизированными укреплениями. Кхорин надеялся, что отточенное боевое построение – так же, как и отражающие свет Селунэ острия копий – заставят бунтующих задуматься.

Он вскарабкался на баррикады.

- Вы видите, как обстоят дела, - выкрикнул дворф. – Мы тренированные, закаленные в боях воины и мы подготовились к встрече с вами. Ступайте домой, или пожалеете, что не сделали этого.

- Отдайте нам волшебников! – прокричал кто-то в ответ.

- Идите домой, - повторил Кхорин.

- Копья ничего не меняют! – прокричал другой голос. – Всего пара их против всех нас! Взять их!

Толпа не ответила на этот крик. Вместо этого, они томно вздохнули, будто от скуки, а затем пошли в атаку.

- Дубины! – проревел дворф, ведь копья были блефом. Аот приказал защищать волшебников, не убивая слишком много тех, кто хотел бы расправиться с жителями квартала. Кхорин понимал причину, но, несмотря на преимущества Братства в дисциплине, выучке, и доспехах, это усложняло работу.

Кхорин прыгнул с баррикад, вытащил свою дубину, и взялся за щит поудобнее. Первые ряды воющих бунтовщиков попытались перелезть через укрепления. Дворфу было трудно сражаться за преградой с его ростом, но он все же нанес удар концом дубины, знакомя ее с челюстью нападавшего. Выбитые зубы посыпались ему в руки.

* * * * *

К раздражению Гаэдинна, его отряд все еще карабкался на крыши, когда толпа – или толпы, на самом деле было трудно сказать, ведь двигались нападавшие хаотично – напала с трех сторон на квартал волшебников. Лучники могли бы выстроиться на улице, но тогда было бы трудно метко стрелять в бунтовщиков.

Пара рук появилась на краю крыши, схватившись за ее край; наемник начал подниматься, но левая рука соскользнула. Гаэдинн, рискуя упасть, нырнул вниз и схватил ее, спасая своего подчиненного от падения.

Когда лучник вытащил увальня, оказалось, это был Юрмид, еще совсем молодой, прыщавый юноша, который присоединился к Братству во время их короткого пребывания в Агларонде. Как и всегда, Юрмид увещал себя всякими безделушками, копируя любовь командира к украшениям.

- Разве так трудно лазать по крышам? – спросил Гаэдинн.

- Я – лучник, а не горный козел, - ответил парень.

Гаэдинн подозревал, что мог служить и примером наглости для паренька, но пока еще не понимал, как к этому относиться.

- В тебе пока нет ничего от обоих. Возможно, через пару лет в походах, и то, если проживешь достаточно долго.

- Начинается! – крикнул кто-то.

Гаэдинн вскарабкался наверх и осмотрелся. Конечно же, зачинщики бросились на баррикады, которые Кхорин и его копейщики воздвигли по всей ширине улицы. Это было идиотской идеей, даже самоубийственной – но это же Город Безумия, не так ли?

Разумно направленные стрелы в несколько залпов притупили бы энтузиазм толпы. Такая тактика также сокращала бы их число десятками.

- Если покажется, что они прорываются, - закричал Гаэдинн, - убейте их! Если увидите кого-то похожего на главаря – убейте! В противном случае, просто пугайте их! Стреляйте им под ноги или по стенам над их головами!

- Да ты, наверное, шутишь, - прорычал Орраг, полуорк с торчащими громоздкими клыками, такими характерными для его расы.

- Делайте, как говорю, - сказал лучник, уложив стрелу, и, оттянув тетиву до уха, пустил ее в полет. Стрела глубоко вошла в грудь одного из бунтовщиков, и тот рухнул.

- Ты же застрелил его, - заявил Орраг обвиняющим тоном.

- У него был факел, - ответил Гаэдинн, накладывая очередную стрелу. – Если мы позволим им поджечь квартал волшебников, то они победят. Итак, вы собираетесь сражаться или будете ждать, пока капитан не придет, чтобы лично попросить вас о помощи?

* * * * *

Оседлав спину Шрама, Джесри кружила над кварталом волшебников. Прочие всадники на грифонах находились по обе стороны от нее.

Большинство зачинщиков, наверное, даже не заметили наемников, скользящих в темноте над их головами, хотя у подавляющего большинства все равно не было ни луков, ни арбалетов. Парящая кавалерия была в относительной безопасности.

Джесри не могла сказать того же о своих товарищах на земле, отталкивающих волны нападавших.

«Это все моя вина? - думала девушка. - Если бы я смогла тогда подобрать нужные слова, чтобы успокоить этих идиотов на улице, можно ли было этого избежать?»

Но теперь было бесполезно строить догадки, особенно когда у нее было чем заняться. Она швырнула заклинание в разъяренную толпу, заставив их крепко застрять в гигантской паутине.

Прежде чем появилась толпа, Кхорин бежал от баррикады к баррикаде, наблюдая за всеми людьми под его командованием. После того как враг объявился, было важно удерживать позицию, несмотря на то, что это ограничивало передвижение его людей.

Сейчас дворф совсем ни кем не руководил. Он был слишком занят, принимая удары щитом и размахивая дубиной, и не мог сосредоточить взгляд или мысли на чем-то кроме очередного противника, нападавшего на него.

Кто-то справа от Кхорина закричал:

- Осторожно!

Люди по обе стороны рванули назад; скамейка слетела с верхушки укрепления и упала рядом с ногой дворфа. Оба слоя защиты Братства – спутанная масса мебели и линия наемников за ней – уступали перед свирепым натиском толпы.

Этого не должно было произойти. Только не с опытными солдатами. Но Аот запретил им сражаться в полную силу, и, возможно, Крушитель Врагов решил им напомнить, что в бою ни в чем нельзя быть уверенным.

Истекая потом и задыхаясь, Кхорин втянул воздух, чтобы прокричать новые команды. Но затем баррикада рухнула. Стулья и столы упали и рассыпались, сбивая солдат с ног.

Деревянный ящик с латунными уголками упал дворфу на голову. Он оказался на четвереньках среди разбросанной мебели с острой болью под его стальным и кожаным шлемом, не помня, как упал. Когда толпа рванула в сторону Кхорина, его людей не было видно поблизости. Потому что их отбросили. Предположительно лишь на пару шагов, но помочь дворфу в следующие мгновения могли не лучше, чем если бы находились за Бесследным морем.

Кхорин поднялся на ноги. Его голова запульсировала, и он сморщился.

Поистине крупная женщина в кожаном доспехе со следами рвоты на нем замахнулась на Кхорина своим коротким тяжелым, палахом. Дворф блокировал удар щитом и попытался атаковать в ответ своей дубиной, но обнаружил, что его рука пуста. Наверное, он выронил ее, когда упал.

Противник снова напал. Хорошо одетый мужчина, вооруженный рапирой и латной перчаткой, пытался его обойти. Другие противники, больше похожие на тени и силуэты, тоже направлялись в его сторону.

Кхорин продолжил защищаться и выхватил кинжал из-за пояса. Он бы предпочел вытащить свой ургрош, но для этого ему были нужны обе руки. Если он бросит щит, то бунтовщики убьют его еще до того, как он сможет достать топор.

Они и так делали все возможное, чтобы прикончить дворфа, и ему оставалось лишь определиться с лучшей тактикой и сражаться так хорошо, как только можно. Кхорин держался на расстоянии от противников, не давая окружить себя, пытался найти брешь, чтобы подобраться поближе и полоснуть кого-то ножом.

Позади него раздался рев на два голоса. Молния вспыхнула над головой дворфа. Она ударила огромную женщину и ее напарника с рапирой прямо в лицо, заставив их содрогнуться и обуглив их плоть. Взрыв белого пара обдал остальных бунтовщиков морозом.

Все противники в непосредственной близости остановились, либо из-за причиненного им вреда, либо из-за шока. Это дало Кхорину шанс вытащить ургрош и отступить.

Он оказался между двух драконорожденных, которые только что использовали свое оружие – магическое дыхание - чтобы спасти его. В них дворф узнал Медраша и Баласара, участвовавших в потасовке в таверне.

Ему было интересно, что они здесь делают, но не было времени на расспросы. У него была битва в самом разгаре.

- Построится в новую линию! – взревел Кхорин. – И вытащите свои клинки!

* * * * *

Взглянув вниз со спины Джета, Аот выругался. Одну из баррикад уже почти разрушили, хотя наемники из Братства, которые построили ее, все еще сдерживали бунтовщиков. Вторая баррикада тоже вот-вот рухнет. Не было и намека на то, что местная стража прибудет на место. Видимо, они решили дожидаться, пока эта борьба закончится.

Если зачинщики проникнут в квартал волшебников, их уже будет не остановить. Они начнут грабить, жечь и убивать жителей, не задумываясь.

- Похоже, - сказал Джет, прочитав мысли своего всадника, - ты знаешь, что придется сделать.

- Да, будь оно проклято.

Аот не пускал грифона в бой лишь по одной причине. Неважно насколько подготовленным было животное, если направить его в бой, оно начнет убивать. Но из-за того, что грифоны выглядели весьма пугающе, возможно, им пришлось бы прикончить лишь пару бунтовщиков, прежде чем остальные решат сбежать. В любом случае, ситуация на земле стала слишком непредсказуемой, и Аот больше не собирался пускать все на самотек.

Он отстегнул бараний рог от седла, поднес его к губам и протрубил сигнал к атаке. Джет завизжал, адресуя то же сообщение своим родственникам.

* * * * *

Наемники теперь уже орудовали копьями, топорами и мечами. Моррик сражался бы с ними и дальше, если было бы необходимо, но он был рад, что ему не пришлось. Как только баррикада и линия наемников были разбиты, солдаты образовали несколько небольших кругов, чтобы обезопасить себя от нападений со спины.

Что касается самозащиты, это была отличная тактика, но такой маневр оставил бреши между наемниками и зданиями с правой стороны улицы. Толпа прорывалась через эту щель, и Моррик решил, что и у него получится. Чужеземцы были отребьям – они явились без приглашения – так зачем тратить время на них, если он пришел убивать магов?

Какой-то болван однажды упрекнул Моррика, что тот даже не знает, почему он ненавидит волшебников. Он ответил на это своими кулаками и ботинками, но, протрезвев, понял, что мог бы ответить и словами, если бы захотел. Понятное дело, он знал.

Волшебники водились с демонами. Те были источниками их силы. Волшебники насылали болезни и несчастье, чтобы порадовать своих злобных хозяев. Они использовали свое тайное искусство, чтобы контролировать всех торговцев, все гильдии и присваивать драконью долю всех денег, и, как результат, простой человек попросту не мог получать достойную заработную плату.

Они, наверное, еще и шпионили или как-то иначе помогали врагам Чессенты. Ничто другое не могло объяснить такие плохие новости с севера и востока, даже не смотря на то, что войска Героя Войны были самыми отважными в Фаэруне.

И очевидно, что убийства Зеленорукого были гнуснейшими из преступлений, а это возмездие – ни что иное как актом самосохранения. Честные люди Лутчека должны первыми добраться до магов, пока маги не добрались до них.

Моррик заметил стрелы, летящие сверху, и страх перед ними заставил его идти, сгорбившись, опустив голову и плечи. Ни один снаряд не зацепил его, пока он шел в темноте, как и никого из его товарищей. Наверное, лучники смотрят в другую сторону.

Это означало, что они упустили Моррика. Как только он заберется в один из домов, никто из наемников не будет даже догадываться, где он, не говоря уже о том, чтобы остановить его. Моррик осмотрелся, решая, с чего начать – и затем, над его головой, что-то пронзительно закричало. Тень проскользила по земле. Он замер.

Крылатый зверь приземлился перед ним, упав прямо на одного из товарищей-мстителей. Когти зверя глубоко вошли в тело жертвы, а его вес превратил мстителя в мятую кучу, убив человека без единого крика.

Грифон взмахнул крыльями и прыгнул на второго мужчину. Тому удалось закричать, но только потому, что он видел, как смерть несется к нему. Спустя мгновение, зверь разорвал его на части.

Пока грифон был занят жертвой, Моррик заметил воина в доспехах на спине зверя. При других обстоятельствах, наемник показался бы ему грозным или, по меньшей мере, пугающим. Но верхом на своем коне с головой орла, всадник выглядел незначительным.

Тесак Моррика выскользнул у него из рук. Он взял его с собой в качестве оружия. Тем ни менее, теперь, когда он оцепенел и замер от страха, выскользнувшее оружие не сильно его беспокоило. Ему трудно было представить, что такой крошечный инструмент сможет навредить грифону.

Но это его не так беспокоило. Тесак звякнул, упав на землю, и звук заставил голову существа повернуться, а окровавленный клюв – щелкнуть в его направлении.

Моррик не мог пошевелиться. Или закричать. Ему хотелось, но крик застрял в его горле и пересохшем рте.

Грифон подготовился к прыжку. В этот же момент какой-то безумец побежал в его сторону с копьем. Зверь повернулся, чтобы защитить себя.

Когда существо отвернулось, паралич Моррика пропал. Ему пришло в голову, что он мог бы помочь товарищу с копьем, ведь тот спас его, но эта мысль показалась ему лишенной всякого смысла. Он развернулся и побежал.

Другие поступили так же. Наступая и спотыкаясь об мертвые тела, Моррик ничего не видел, он мог лишь чувствовать грохот позади себя, пока пробивал себе путь. Грифон прыгнул и уложил мужчину на землю. Существо оказалось так близко, что Моррик мог протянуть руку, чтобы коснуться его, пока животное рвало свою жертву на части; теплая кровь и части плоти забрызгали его.

Он был в таком ужасе, убегая от грифона, что почти бросился на меч наемника. Каким-то образом, увернувшись от удара, он помчал дальше. Люди дальше не стояли так плотно, и у него появилась возможность бежать быстрее. Он ею воспользовался.

Моррик почувствовал, что силы начинают покидать его. Тем не менее, он не позволял бы себе останавливаться, пока не оказался бы в нескольких кварталах от территории волшебников, отделявших его от поля битвы.

Затем, ноги налились синцом, сердце заколотилось, он плюхнулся в переулке и захрипел. Моррик вспомнил мужчину, спасшего его – того, которого он оставил умирать – и почувствовал укол стыда.

Будь оно все проклято, это не его вина, что тот человек умер! Это вина проклятого тэйца и Героя Войны, которая дала им власть. Это она отправила наемников вырезать собственных людей, когда те решили очистить Лутчек от мрази.

ГЛАВА 3

30-е число месяца Чес – 6-е число месяца Тарсак, год Извечного (1479 ЛД)

Дождь барабанил, падая с серого неба. Из-за этого поднимать тела и грузить их на телегу было еще печальнее, если такое вообще возможно.

Поскольку Джесри была офицером, ей не пришлось этим заниматься. Так как у нее не было людей под ее непосредственным руководством, девушка не должна была даже контролировать процесс. Какое-то время волшебница еще смотрела на происходящее, но затем направилась назад к дому, где ее приютили, и упаковала свои книги и запасную одежду в сумку.

Она потащила свои вещи к навесу сбоку дома. Шрам, ее грифон, названный так из-за длинной багровой отметины, которая покрывала его бок от перьев до меха,

заметил кладь и понял, что они собираются улетать. Животное нетерпеливо встряхнулось и вскочило на ноги.

Джесри запнулась. Дело в том, что в каком-то смысле грифон принадлежал ей, но в другом – Братству. Есть ли у нее право забрать его с собой, особенно сейчас, когда после тэйской кампании их численность резко сократилась?

Девушка нахмурилась и положила свои вещи, обдумывая этот вопрос. Шрам потянулся к ней и уперся клювом, чуть не сбив волшебницу с ног. Так он выражал свою привязанность и призывал к действию.

А ей стоило действовать. Спустя мгновение кто-то начал насвистывать веселую мелодию, песню, текст которой девушке показался безвкусным и оскорбительным. Выгляды так, будто всю ночь он наслаждался сном, а дождь не в силах примять его каштановые волосы или иначе испортить изящное появление, Гаэдинн приблизился к волшебнице.

Он взглянул на ее скромную сумку.

- Решила сменить обстановку?

- Война – это одно, а вот это все – не по мне.

- Из-за того, что мы убили мирных жителей? По крайней мере, это были жители Чессенты. И я считал, что ты не перевариваешь это место.

- Так и есть. Но...

- Но...? - лучник поднял бровь.

- Если бы я лучше себя контролировала, когда те люди помешали мне с заключенными, этого бы не случилось.

- Да, тут я с тобой согласен.

- Что? – моргнула Джесри.

Гаэдинн пожал плечами.

- Следует признать, что некоторые сравнили бы произошедшее вчера ночью с лавиной. Учитывая твою связь с духами, управляющими землей и камнем, ты, несомненно, понимаешь лучше меня, как вначале один камень врезается во второй, а тот – в третий, и так пока весь горный склон не рухнет. Здесь, в Лутчеке, этими камнями были убийства Зеленорукого, новости о грабежах и пиратстве, приведшие к перебоям с торговлей, кровная вражда между драконорожденными и дженази – не говоря уже о тебе – все это породило волну насилия, которая накрыла всех отверженных в Чессенте, которых она так любит ненавидеть.

- Если смотреть на это с такой точки зрения, - продолжал лучник, - твоя небольшая потасовка на улице была лишь одним камушком среди многих. Тем не менее, твоим долгом было поймать этот камушек еще в воздухе, прежде чем он нанесет хоть сколько-нибудь вреда, и ты оплошала.

Джесри вздохнула.

- Я знаю, что ты делаешь. Ты хочешь, чтобы я сказала, что если бы не мой камень, то какой-нибудь другой спровоцировал бы лавину. Но я не знаю этого наверняка. Зато я знаю, что кто-нибудь другой – кто-то вроде тебя – смог бы послать этих деревенщин куда подальше своими доводами и насмешками.

- О, несомненно. В конце концов, я же само обаяние, да еще и умен. Но Аот нанял тебя не за умение успокаивать тупых невежд. Насколько я помню, скорее всего, причиной послужил твой дар сносить стены и поджигать вражеские отряды.

- Неважно, почему он нанял меня, здесь я только мешаю.

- Возможно. Или, может, это Аот мешает тебе и мне.

- Что?

- Когда-то он был великим лидером, но его время прошло. Посмотри в каком состоянии сейчас Братство – мы разбиты и занимаемся этой дрянной работой.

- Ты же знаешь, что миссия в Тэе была необходима, и что никто на Востоке не справился бы с ней лучше.

- А как насчет Импилтура?

- В Импилтуре нам просто не повезло.

Гаэдинн усмехнулся.

- И когда удача подводит предводителя наемников, все остальное не важно. У его лейтенантов нет иного выбора, кроме как уйти от него, прежде чем он загонит их в могилу. Или прежде, чем их участие в его передрягах не испортит их репутацию до такого состояния, что их просто перестанут нанимать.

- Ты и раньше грозился уйти. Так и не ушел.

- Что не говорит о том, что я никогда не уйду. Прошлая ночь расстроила меня так же, как и тебя, хотя и по более разумной причине. Мы были в большей опасности, чем должны были из-за того, что Аот запретил нам сражаться в полную силу.

- Ты знаешь причину.

- Да. Но я считаю ее недостаточной. И почему я не должен уйти, если считаю, что нужно? Я ничего не должен Аоту.

- Ну, я... - она вздохнула. – И снова ты пытаешься манипулировать мной - заставить сказать то, что ты хочешь услышать.

- Короче говоря, я согласен с тобой. Если ты дезертируешь, я хотел бы уйти с тобой.

Джесри почувствовала, будто что-то надломилось у нее в груди.

- Мы оба знаем, что из этого ничего не выйдет.

- Но разве тебе не будет одиноко, если ты уйдешь одна? Мне всегда казалось, что Братство – твой единственный дом, и, как показала прошлая ночь, у тебя не очень-то выходит заводить новых друзей.

- Ладно! - волшебница махнула рукой. - Я остаюсь! Только прекрати нести вздор!

- Как скажешь. Но я все равно уважаю твое решение.

Пальцы Джесри сжали посох.

- Гаэдинн...

К ее удивлению, его лицо стало более открытым, а улыбка менее покровительственной и дразнящей.

- Леди, я и правда считаю, что мы выберемся из этой помойки, в которую попали, а еще я считаю, что ты нужна Аоту, чтобы это стало реальностью. - Его улыбка превратилась в ухмылку: - Вместо того, чтобы уйти, тебе нужно держать его нос поглубже в этом улье, и тогда награда будет побольше.

* * * * *

Шагая рядом с Никосом через высокий дверной проем, Аот не видел ни одного драконорожденного, дженази, или другого представителя нечеловеческой расы

среди тех, кто стоял в окружении бронзовых и мраморных скульптур. Тем ни менее, зал Шалы Каранок был заполнен сильнее, чем в прошлый раз, и, похоже, никто из присутствующих не был ему рад.

Когда Никос и Аот подошли, они остановились и поклонились.

- Милорд, - сказала Герой Войны. – Капитан.

Его голос был холодным.

- Ваше величество, - ответили они в унисон.

- Семьдесят восемь моих людей мертвы, - сказала женщина на троне.

- Не принимайте эту цифру за конечный результат, - заявил Аот. – Еще пару трупов найдут, и еще несколько людей скончается от ран.

Шала нахмурилась, и Никос одарил капитана предупреждающим взглядом. Но Аот решил остаться невозмутимым и не извинился. У него было предчувствие, что брать на себя хоть какую-то вину будет плохой идеей или же намекнет на слабость.

- Так вы гордитесь своим счетом? – прозвучал знакомый мужской голос.

Аот обернулся и увидел Даэлрика в украшенной драгоценностями желтой мантии. Толстый священник Амонатора стоял во главе группы городских жрецов, одетых в не менее дорогую одежду, чем его собственная.

- Я горжусь, - ответил всадник, - что мои люди эффективно справились с работой и с немалой долей самоконтроля. Уверяю вас, наш «счет» мог быть куда выше.

- Факт остается фактом, - ответил священник, - вы убили десятки хороших людей, которые хотели очистить город от зла.

Никос фыркнул.

- Милое описание для своры диких собак.

Аот повернулся к Шале.

- Ваше величество, вы и лорд Никос сказали мне, что моя работа заключается в поддержании порядка с особым прицелом на защиту жителей в квартале волшебников. Я выполнил ее. В чем проблема?

Глаза Шалы сузились, и Аот напрягся от этого. Но, в конце концов, Герой Войны решила пропустить мимо ушей его прямолинейность – хотя некоторые назвали бы это дерзостью – и просто ответила на его вопрос.

- В моем понимании, ваша задача состояла в том, чтобы предотвратить бунт еще до его начала. Возможно, это было неизбежно. Но в итоге я оказываюсь правителем, который натравил жестоких наемников под командованием злобного боевого мага и ведьмы, на собственных подданных. А зачем? Чтобы защитить прочих волшебников-дьяволопоклонников. Чтобы укрыть Зеленорукого Убийцу самолично.

- Ваше величество, - начал Никос, - я уверен, многие люди понимают, что ваши люди поступили так, как было необходимо. Если бы они сделали меньшее, Лутчек мог бы сгореть.

- Многие люди понимают это, - ответила Шала, - но пока мы говорим, сотни Чазарских сектантов разгуливают по улицам. Теперь, не поймите меня неправильно. Я почитаю Красного Дракона не меньше остальных. Но плохо то, что простые люди молятся о возвращении давно исчезнувшего спасителя, потому что они считают, что их нынешние правители безнадежно некомпетентны и коррумпированы. Это плохо для всех, кто собрался сейчас в этом зале.

Лютен выступил из-за пары придворных.

- Воистину, так и есть, ваше величество. К счастью, я думаю, мы можем решить эту проблему.

- Как? - поинтересовалась Шала.

- Во-первых, нужно избавиться от наемников. Мы уже обсуждали некоторые причины, почему давать власть над такой силой любому лорду - плохая идея. Теперь же мы видим, что тэйское самоуправство и запугивание воспринимается народом как оккупация.

Аот сделал глубокий вдох.

- Милорд, любой непредвзятый человек согласился бы, что, несмотря на некоторые неудачи и трудности, мои войска отлично зарекомендовали себя в Лутчеке. Но мы с радостью уйдем к границе или к побережью, чтобы помочь Чессенте бороться с ее врагами.

Лютен закачал головой.

- Я не говорю о том, чтобы переместить вас, капитан. Я говорю о том, чтобы разорвать контракт и вышвырнуть вас за пределы королевства. Это меньшее, что сможет удовлетворить тех, чьих родственников грифоны разорвали на части. Чессенте не нужны маги и головорезы, чтобы выстоять против своих врагов.

- Действительно, - вмешался Даэлрик.

Аот мог бы с радостью швырнуть заряд молнии или шквал льда в каждого из них. Если бы Братству пришлось уйти на этих условиях, это бы опустошило их казну и еще сильнее ухудшило репутацию. И куда им идти, не имея других предложений о работе? Все местные власти будут рассматривать их как угрозу – они будут обычными мародерами, которые надеются выжить за счет разбоя и вымогательств.

- Ваше величество... - начал капитан.

Шала проигнорировала его.

- Что еще вы можете посоветовать? – спросила она Лютена.

- Арестуйте, допросите, и казните жителей квартала волшебников, - ответил лорд. – Если не всех, то хотя бы некоторых.

- За что? – спросил Никос.

- А какая разница? – ответил Лютен. – Они – маги, а это значит, что каждый из них творил зло. Также это даст мирному населению то, чего они так хотят. Кто знает, возможно, нам повезет и мы сожжем Зеленорукого Убийцу.

Никос взглянул на Шалу.

- Ваше величество, вы приказали мне привести капитана Фезима в столицу, потому что «даже маги заслуживают правосудия».

- И это был порыв, достойный Героя Войны, - сказал Лютен. – Но с тех пор ситуация лишь усугубилась, и ее величеству следует пересмотреть важность интересов нескольких... - он повел рукой, как бы пытаясь ухватить нужное слово, - ненормальных против благосостояния целого королевства.

- Отлично, - отрезал Никос, - давайте так и поступим. Давайте посмотрим на то, что происходит во всей Чессенте, а не только здесь в городе. Великий Костяной Змей и имаскарцы сильно давят на нас, и, вопреки утверждению лорда Лютена, нам нужны маги, чтобы помочь сдержать их. Те самые маги, которых он хочет осудить и убить!

Лютен цокнул языком.

- То есть вы хотите усилить наши армии, влив в ее ряды уродов и выродков?

- Да, - ответил он, - если вы видите все именно так. Наши армии всегда прибегали к магии, если ситуация того требовала. При надлежащем контроле, конечно. Достаточно взглянуть на нашу историю!

- Магия дает армии большое преимущество, - добавил Аот. – Слишком большое, чтобы его можно было игнорировать. Вы, чессентцы, гордитесь тем, что вы – солдаты, но, если вы даже не понимаете этого, то вы ничего не знаете о войне.

- Мы владеем магией, - начал священник. – Пропитанной благословением богов.

- Это уже что-то, - сказал Аот. – Я сражался бок о бок с Пылающими Жаровнями и видел, на что они способны. Но покажите мне жреца, умелого настолько, чтобы сначала сотворить тьму, затем – облако ядовитого дыма, а после всего этого – покрыть доспехи врага ржавчиной.

Лютен повернулся к Шале.

- Ваше величество, вы, безусловно, понимаете, что этот разговор полезен лишь для подобных корыстных отбросов. В конце концов, вы одержали свои великие победы не обращаясь к волшебству.

Никос, священник Амонатора, и друидесса Великой Матери, одетая в зеленое платье и с венком на голове, - все говорили одновременно. Шала подняла руку, и в зале стало тихо. Герой Войны какое-то время бездействовала, глядя в никуда – или на все сразу – и затем нащупала пальцем шрам на своем подбородке.

- Лорд Никос, - наконец заговорила она.

- Да, ваше величество?

- Я не хочу, чтобы вы подумали, что мое решение значит, будто вы потеряли мое доверие или значимость в моих глазах. Просто...

Было очевидно, к чему она ведет.

- Ваше величество! – перебил ее капитан.

Шала насупилась.

- Капитан, я уже заметила, что вам не хватает манер. Но все же, скажем так, под впечатлением от того, что вы перебиваете монарха, выносящего решение со своего трона.

Аот склонил свою голову.

- Ваше величество, я прошу прощения. Но есть одна вещь, которую я хочу сказать, прежде чем вы озвучите свое решение.

- Что это?

- Вы желаете Лутчеку мира. Вы позвали Братство для этого, и по этой же причине хотите выгнать нас. Но в краткосрочной перспективе есть только одна вещь, которая на самом деле успокоит народ. Кто-то должен поймать Зеленорукого, и если вы позволите мне остаться, я сделаю это для вас.

- Похоже, меня ввели в заблуждение, - протянул Лютен. – Я думал, что вы и так занимались этим все свое время.

- Конечно, - парировал Аот. – Но мне нужно было собрать улики, прежде чем я смог разработать план, который выходит за рамки очевидной тактики.

- Какой план? – спросил лорд.

- Если я его раскрою, то вы все решите, что я вам более не нужен.

- Капитан, - обратилась Шала к всаднику, - говоря такие вещи, вы ставите под сомнение мою честь.

- В таком случае, простите меня еще раз, - ответил Аот, - но я простой наемник. Я не утверждаю, что понимаю честь так же, как ее понимают бароны и прочая знать. И я услышал пару вещей, сказанных сегодня, которые заставили меня задуматься, сочтете ли вы и ваши советники низким поступком обмануть презренного мага? Я прошу всего десять дней. Если я поймаю убийцу, то вы наградите меня своим доверием. Отправьте Братство на войну. Если я не справлюсь, можете нас выгнать.

- Десять дней, - повторила Шала, - и, если вы не справитесь, вы заплатите виру за умерших прошлой ночью. Чтобы люди не думали, будто я позволяю вам бесчинствовать и избегать наказания.

Аот сглотнул.

- Согласен.

Когда они покинули зал, Никос прошептал:

- Что это за блестящий план?

Капитан ухмыльнулся с мрачным намеком на веселье.

- Я сообщу, когда придумаю его.

* * * * *

Каждого жителя Лутчека, обладающего истинной волшебной силой, Аот собрал в ветхом, освещённом свечами зале, и Гаэдинн с интересом осмотрел это собрание. Их поведение заметно отличалось от поведения волшебников и колдунов, которых он знал: на самоуверенность или высокомерие не было и намека. Эти мужчины и женщины были замкнутыми и сдержанными.

Гаэдинн решил, что это не удивительно, учитывая тот образ жизни, который они вели, и задумался, почему они все не сбежали из Чессенты давным-давно. Может, они просто не знали другого дома, а огни ненависти вспыхивали не так уж и часто. В лучшие времена этим людям платили бы за услуги, которые могут предоставить только маги, и вряд ли беспокоили, если бы они вели себя осмотрительно.

Аот дождался, пока все налили себе вина или пива, нашли себе стул, устроились на полу, нашли место, где можно встать или прислониться. Затем он заговорил:

- Спасибо, что пришли.

Парень, одетый в темную кожаную куртку и штаны, с кинжалом в каждом из ботинок, сальными черными волосами, нависшими над глазами, и острыми чертами лица, ссутулился в углу. Если бы не татуировка на его ладони, Гаэдинн мог бы по ошибке принять его за вора-новичка. Юноша издал иронический смешок.

- Как будто твои головорезы оставили нам выбор!

Аот опустил голову.

- Им действительно пришлось тащить тебя сюда силой? На твоём месте я был бы рад прийти.

Худая как соломинка старуха с прямыми седыми волосами вздрогнула.

- Капитан, мы идем против закона, собираясь в таком количестве в одном помещении, - прокудахтала она. – Разве вы не знали, что это превращает наше

собрание в шабаш? Таким образом, собрав нас, вы, офицеры городской стражи, дали себе полномочия отправить нас в подземелья Шалы Каранок.

- Что ж, - ответил Аот, - вы здесь не поэтому, и, если это вас успокоит, Герой Войны дала мне специальное разрешение на проведение этой встречи.

Насколько знал Гаэдинн, это было преувеличением. Шала Каранок лишь дала капитану разрешение воплотить какой-то там план. Он не рассказал ей деталей, и, видимо, это было к лучшему.

- Так мы можем помочь поймать Зеленорукого Убийцу? – спросил плутоватый парень.

- Да, - подтвердил Аот, - и тем самым покажете городу, что нет нужды бунтовать и убивать вас.

- Но разве вы не слышали? – возразил подросток. – Один из нас и есть Зеленорукий. И маньяк, определенно, будет срывать любые попытки разоблачить его.

Усевшись на узком подоконнике – едва ли в дюйм шириной - и свесив короткие ноги, Кхорин вытер пену со своих усов.

- Мы сомневаемся, что убийца на самом деле маг, тем более такой недалекий, чтобы трубить об этом всему миру. Скорее всего, он им не является, но хочет, чтобы все подозрения упали на вас. Чтобы скрыть свои следы – или просто ненавидит вас и желает вам зла.

- Но ведь он может быть магом, который ненавидит Лутчек за то, как он относится к нам, - возразил парень. – Может, он хочет заявить о своей ненависти? Его так сильно притесняли, что теперь он оставляет отпечаток, даже с риском для самого себя.

Гаэдинн усмехнулся.

- Убедительно. Но, если он здесь среди нас, то ему придется прервать ритуал так, чтобы ни мы, ни его коллеги-маги этого не заметили. Я не маг, но подозреваю, что это будет трудно. Так что, с небольшой толикой удачи, мы поймаем его в любом случае.

- Ты прав, лучник. Ты не маг, - продолжал глумиться паренек. - Если бы был, то, возможно, изучил бы Пять Пустых Свитков Митреллан, и тогда понял бы...

- Цыц, - прервала его старуха.

К удивлению Гаэдинна, подросток сразу же замолчал.

- Ораксис – хороший мальчик в душе, - продолжала старая колдунья, обращаясь к офицерам из Братства, - но он вспыльчивый и любит поспорить. Я считаю, ваша идея удачная, и, очевидно, у нас достаточно оснований, чтобы помочь вам. Так почему бы вам не рассказать, что конкретно вы хотите сделать?

- Я практикую особую форму магии, - заявил Аот. – Поэтому я передаю слово своему лейтенанту Джесри Колдкрик.

Джесри стояла у стены рядом с Кхорином. Она хмурилась еще больше, чем обычно – признак того, что ей некомфортно. Возможно, ей не нравилось находиться в центре внимания, или, возможно, из-за того, что в комнате было слишкомлюдно.

- Я тоже не эксперт в прорицании, - начала Джесри, - но я предлагаю объединить наши силы, чтобы создать Зеркало Салдашун.

Ораксис фыркнул:

- Нам понадобится проводник.

- Он у нас есть, - девушка махнула рукой на пару драконорожденных, сидевших на скамье. - Не все знают, но Медраш Даардендриен - единственный живой свидетель, который мельком увидел Зеленорукого.

И, понял Гаэдинн, драконорожденный с чешуей цвета ржавчины охотился за убийцей с того самого момента - видимо, из-за какого-то паладинского чувства долга. Вот почему он блуждал по кварталу волшебников в ночь бунта. Но если бы он все еще подозревал, что убийца является магом, то никто бы не понял этого за его вежливостью: он встал и поклонился присутствующим, которые с интересом наблюдали за ним.

- К сожалению, - продолжила Джесри, - он увидел убийцу в темноте, с расстояния и лишь на мгновение. Но как раз для таких вот случаев Салдашун и изобрела этот ритуал. Я сделала все необходимые приготовления в комнате заклинаний в подвале.

Лестница скрипела и прогибалась под весом, пока все спускались в упомянутое место. По меркам тех, кто вырос в богатом на колдовские традиции Агларонде, это была убогая комната заклинаний - простая квадратная дыра, отдающая грязью, будто чей-то подвал.

Но Джесри заставила это место выглядеть куда более волшебным. Парящие сферы, размером с кулак, сияли золотым светом, в то время как сложный геометрический рисунок из синих фосфорецирующих линий покрывал большую часть пола. Светящиеся отметки на руках дополняли общую картину.

Так как у Гаэдинна и Кхорина не было никакой роли в этом представлении, они уселись на нижней ступеньке лестницы. Баласар, меньший из драконорожденных с красными глазами и желто-коричневой чешуей, похлопал Медраша по плечу, а затем присоединился к зрителям.

- Куда мне встать? - спросил паладин.

- Сюда, - Джесри сопроводила его в центр нарисованного круга.

- Что теперь?

- Просто стой и думай о том моменте, когда увидел убийцу. Если мысли вдруг спутаются - ничего страшного. Просто начни все сначала.

Джесри заняла позицию в двух шагах справа от Медраша, и, после некоторых обсуждений и толкотни, Аот вместе с магами Чессенты заняли свои места. Она осмотрела всех словно дирижер, проверявший, настроены ли инструменты. Потом волшебница подняла свой посох и начала петь.

Вскоре ее друзья-маги присоединились к ней, размахивая своими жезлами, палочками, или сферами, по одному или по двое за раз. Удивительно, но хоть они никогда не практиковались вместе, у всех получилось петь точно в унисон. И когда колдовство стало им отвечать, похоже, что все инстинктивно понимали, кто должен петь куплет, а кто - припев.

Гаэдинн предположил, что магия, в каком-то смысле, сама хотела, чтобы ее творили, и потому направляла их. Волшебство появилось с того самого момента как Джесри начала петь. Заклинание заставило его суставы болеть, а воздух наполнился запахом гниющей лилии.

Медраш закрыл глаза и сжал в руке медальон. Он тоже шептал – возможно, молитву или мантру, чтобы сосредоточиться. Гаэдинн решил, что если бы это мешало ритуалу, Джесри остановила бы его.

Светящийся серебряный диск появился рядом с драконорожденным. Сначала он был крошечным, и лучник не был уверен, что вообще что-то появилось. Но маги запели громче, настойчивее, из-за чего диск стал более весомым, более осязаемым.

Он потемнел, будто отражая место, менее освещенное, чем подвал, в котором находился. Звезды засверкали в центре диска. Небо ограничивали крыши зданий, тянущиеся вверх.

Тень перепрыгнула или, возможно, перелетела через открытое пространство между зданиями.

Через мгновение тень снова прыгнула, точно так же, как и до этого. Затем в третий раз и в четвертый. Но силуэт был настолько крошечным и неуловимым, что даже повторные просмотры не дали Гаэдинну ничего понять.

Затем еле заметно тень начала замедляться и одновременно становиться больше. Ближе. До того магия словно поставила Гаэдинна на то место на улице, где тогда стоял Медраш. Теперь было похоже, что он поднимается в воздух.

- У них получается, - прошептал Кхорин.

Медраш хрюкнул и пошатнулся, словно кто-то ударил его. Белая трещина зигзагом промелькнула по темноте зеркала.

Через мгновение она исчезла, будто пение волшебников восстановило зеркальный диск. Но теперь тень не приближалась ближе, не прыгала и не замедлялась. Медраш задрожал.

- Мне это не нравится, - сказал Баласар.

Еще больше трещин появилось в зеркале. Волшебники начали петь громче, вращая свои инструменты по кругу. Палочки и прочие талисманы оставляли за собой след в воздухе из мерцающих искр.

Трещины продолжали исчезать. Теперь они держались дольше, чем раньше. На предплечье Медраша появился порез, расколовший его чешую. Кровь хлынула из раны. Растущее пятно на тунике драконорожденного показало, что что-то также полоснуло и его грудь.

- Прекратите! – закричал Баласар.

Маги продолжали читать заклинание. Раздвоенный порез появился среди белых шипов на морде паладина.

- Я такое уже видел, - сказал Гаэдинн, вскакивая на ноги. – Волшебники не могут остановиться. Они находятся в трансе. Но если мы вытащим Медраша из круга, то это должно прервать ритуал.

- Тогда – вперед, - ответил красноглазый драконорожденный.

Все три наблюдателя начали пробираться сквозь волшебников. Нельзя было точно сказать, заметил ли их хоть один из магов.

Но Медраш заметил. Он повернул свою драконоподобную голову так, что его желтые глаза из-под выступающего лба остановились на троице. Хвала Великому Лучнику, что он хотя бы это смог сделать.

- Иди к лестнице, - сказал Баласар, повысив голос, чтобы перекрыть пение.

- Нет, - ответил паладин. – Я смогу, это мой долг.

- Не сможешь, и это не твой долг, - заявил драконорожденный и повернулся к Гаэдинну и Кхорину. – Нам придется сдвинуть его.

- Хорошо, - сказал дворф.

Он схватил Медраша за предплечье. Гаэдинн и Баласар тоже схватили его, а затем все вместе стали оттаскивать его подальше от того места, где его поставила Джесри.

Паладин сопротивлялся, но значительно слабее, чем ожидал Гаэдинн. Казалось, будто он сам загонял себя в транс, будто делил сознание, борясь со своими потенциальными спасителями и пытаясь заново пережить тот момент, когда увидел убийцу.

К сожалению, магия была на его стороне. Воздух становился плотнее вокруг них до тех пор, пока не возникло ощущение, что они пытаются идти, застряв в грязи. Даже Кхорин, сильнейший солдат в Братстве, испытывал трудности, пытаясь выбраться. Тем временем, тело Медраша покрывалось все новыми и новыми порезами, и стало казаться, что он истечет кровью раньше, чем они смогут вытащить его.

Когда паладин начал поддаваться, Гаэдинн поймал на себе взгляд Джесри и Аота, абсолютно безразличный к проходившей здесь борьбе; они были заложниками собственного заклинания. На мгновение это напомнило ему о том дне, когда воины его отца пришли, чтобы передать его эльфам. Гаэдинн пообещал себе, что будет храбрым, но тогда ему было всего семь. Когда пришло время, он умолял, чтобы его не отдавали, но его родители и все кого он любил, и кому доверял, просто стояли и смотрели.

Кхорин отпустил Медраша и красными от крови тимантерца руками выхватил свой ургрош из-за спины. Он нанес удар по одной из светящихся синих линий, составлявших рисунок на полу. Лезвие глубоко вошло в земляной пол под ним. Когда дворф высвободил оружие, Гаэдинн заметил, что ничего не вышло – нельзя расколоть нематериальные сгустки света.

Баласар атаковал морозным дыханием тот же участок пола. Дыхание дракона имело магическую природу, и лучник предположил, что дыхание драконорожденного такое же, но ему тоже не удалось повредить рисунок.

Тем ни менее, он считал идею Кхорина хорошей. Испортив рисунок, который поддерживал магический ритуал, можно было его прервать, хоть эта же тактика сокрушительно провалилась в Тэе.

Даже в закрытом помещении и в мирное время Гаэдинн имел при себе пару стрел в тонком колчане из оленьей кожи на поясе. Он чувствовал себя некомфортно без них. И, по счастливому стечению обстоятельств, у него при себе была одна из тех стрел, что зачаровала Джесри. Лучник вытащил ее и всадил острием в ближайшую светящуюся зеленую ладонь.

Заряд антимагии в узком наконечнике создал волну, взорвавшуюся во всех направлениях, которая стерла причудливый светящийся узор. Парящее зеркало тоже исчезло, а чешуя Медраша прекратила покрываться новыми порезами. Пение волшебников умолкло. Подвал казался безумно тихим без него.

Пока Медраш не нарушил тишину:

- Я даже не знаю благодарить вас или отчитать.

- Поблагодари их, - посоветовал Аот. Он опустил свое копье, спокойно удерживая его в руках. Сине-зеленое свечение на его голове потухло. – Все вышло из-под контроля.

- И исцели себя, - вмешался Баласар. – Ты весь в крови.

- Что только что произошло? – поинтересовался Гаэдинн. – Убийца сейчас в комнате? Это он извратил магию?

Джесри откинула прядь волос со своих золотистых глаз.

- Я так не думаю. Похоже, у него есть могущественная защита, которая никому не дает использовать прорицание против него, - она осмотрела присутствующих. – Вы согласны?

Все ответили более или менее одновременно, говоря, что согласны.

- Так вы что-то выяснили? – спросил Гаэдинн. – Убийца – это неизвестный нам и властям волшебник? Кто-то без метки на руке?

- Возможно, - ответил Аот, - или кто-то, практикующий божественную магию.

- Звучит многообещающе, - проворчал Кхорин, возвращая топор на свое прежнее место. – Я прямо вижу, как кучка чессентских магов пытается отыскать убийцу среди священнослужителей Чессенты.

- Есть и другие варианты, - заявила Джесри. – Возможно, убийца просто обладает сильным талисманом или получает помощь от сверхъестественной сущности. Или сам является сверхъестественной сущностью.

- Другими словами, - подытожил Гаэдинн, - наличие этой защиты не указало нам ни на подозреваемого, ни на группу подозреваемых. И нам по-прежнему нужна магия, чтобы выследить этого сукиного сына. Теперь, когда вы знаете о защите, вы сможете пробиться через нее?

- Я бы рискнул, - сказал Медраш.

Гаэдинн заметил, что некоторые из ран драконорожденного почти зажили, а остальные перестали кровоточить.

Лицо Аота украсила ухмылка.

- Учитывая, что мы чуть не убили тебя, я не знаю, стоит ли восхищаться твоей смелостью или усомниться в здравости твоего ума. Но я понятия не имею, как нам обойти защиту. Может быть, у кого-то есть идеи?

- Я бы не хотел испытывать судьбу, - сказал Ораксис. – В следующий раз уже меня могут порезать на куски.

- Но, если дадите нам время все изучить, - начала старая колдунья, - мы вполне можем найти решение.

- Сколько вам нужно времени? – поинтересовался Аот.

Она пожала своими костлявыми плечами.

- Пару недель. Возможно, месяц.

- У меня осталось восемь дней. Такую сделку я заключил с Героем Войны.

- И к чему это нас приводит? – спросил Кхорин. – Мы просто продолжим патрулировать в надежде, что поймаем убийцу с поличным?

- Нет, - возразил Гаэдинн и потрогал липкое пятно крови на своем рукаве. Рубашка была испорчена, если только ему не удастся убедить Джесри удалить пятна с помощью магии. – От этого будет толку не больше, чем от ритуала. По той или иной

причине мы не можем выследить эту тварь. Но есть и другой способ поймать его. Установить приманку и ждать, пока зверь клюнет на нее.

- Интересно, - заключил Медраш. – Но разве это применимо к нашей ситуации? Зеленорукий не убивает каких-то конкретных людей...

- Ходят слухи, - прервал его Ораксис, - что он убивает только тех, кто особенно сильно ненавидит магов. К сожалению, в Лутчеке таких людей в избытке.

Драконорожденный кивнул.

- Так и есть. И учитывая, что он рыщет по всему городу и убивает знатных и худородных, богатых и бедных, как нам заманить его в ловушку?

Джесри нахмурилась.

- Возможно, есть выход. У разных мест есть свой дух. Атмосфера. Часто это происходит из-за их истории. Этот дух влечет к себе определенный тип людей и становится причиной определенных событий.

- В целом, - продолжала Джесри, - эффект еле уловимый. Настолько слабый, что мы никогда не почувствуем этого притяжения. Настолько слабый, что, если вдруг ты решишь пойти другой дорогой, ты это сделаешь. Его влияние не изменит твой образ мыслей. Но наблюдая, можно заметить, что в течении года или столетия группы, которые ходят разными путями, отличаются, хоть немного.

- Я, вроде, понял, к чему ты клонишь, - сказал Кхорин. – Но если этот эффект такой неуловимый, как мы можем рассчитывать на то, что это поможет решить поставленную перед нами задачу за отведенное время?

- Все эффекты по своей природе едва различимы, - объяснила Джесри. – Мы, волшебники, теоретически можем наделить место куда более сильным негативным зарядом, чем у любой местной скотобойни, камеры пыток или места дуэли. Такое место привлечет Зеленорукого, когда он будет выбирать следующую жертву. И мы будем ждать его там, чтобы поймать.

- А что насчет людей, которые живут и работают в той области? – спросил дворф. – Если я правильно тебя понял, эта аура будет отравлять их мысли. В конечном итоге, они могут начать калечить или даже убивать друг друга.

Ораксис ухмыльнулся.

- Ну и Твердыни Ночи с ними. Если никто не поймает Зеленорукого, эти ублюдки вернутся сюда, чтобы прикончить и сжечь всех нас.

Медраш одарил его презрительным взглядом:

- Маловероятно, что все люди, чьи умы ты бы развратил, ненавидят магов или попытаются убить вас. Но даже если они ваши враги, так атаковать их – бесчестно.

- Ох, да заточи ты уже свои когти, - сказал Баласар.

Гаэдинн никогда раньше не слышал этого выражения, но он предположил, что красноглазый драконорожденный советовал своему соплеменнику быть менее щепетильным. Если так, то лучник полностью одобрял эту мысль.

- Начнем с того, что если человек не развращен сам по себе, - начала Джесри, - то аура не повлияет на него так сильно в течение всего пары дней.

- Что насчет тех, кто находится на грани? – снова поинтересовался Кхорин.

- И насчет злых порывов и язвительных высказываний? – добавил паладин. – Никто не заслуживает того, чтобы впасть в откровенную ярость и совершать ошибки, которые перечеркнут всю его дальнейшую жизнь.

Аот нахмурился.

- Нет смысла обсуждать моральную сторону этой ситуации, пока мы не уверены, что это вообще возможно. В отведенные нам сроки, я имею в виду.

- Согласна, - сказала пожилая волшебница. – Направить в определенное место квинтэссенцию злости не так уж и трудно, тем более, что теперь мы не должны встретить никакого сопротивления. Вероятно, мы сможем приступить к ритуалу уже завтра ночью.

- Значит так и поступим, - подытожил Аот. – Зеленорукий убивает людей каждые десять дней. Город в панике. Каждый волшебник в опасности, и будущее Братства на кону. Если мы справимся с этим, то это перекроет все неприятности, которые мы вызовем в процессе.

Ораксис снова ухмыльнулся.

- Если только кто-то не узнает об этом. Мы обсуждаем здесь, как наложить проклятие на часть Лутчека и людей, живущих там. И нет способа оправдать это в глазах идиотов, которые и без того ненавидят магию.

- В таком случае хорошо, что мы все знаем, как держать рот на замке, - ответил капитан. – Итак, Братство поддерживает этот план. Остальные тоже согласны?

Маги Чессенты переглянулись, а затем замямлили или закивали в ответ, выражая согласие.

- Мне этот план по-прежнему не нравится, - сказал Медраш. – Но пообещайте мне место среди тех, кто погонится за убийцей, и что снимете заклятие, как только его поймут, и получите мою поддержку.

- Идет, - согласился Аот. – Теперь давайте решим, где будет центр заклятия.

- Квартал веревочников, - предложил Кхорин. – Это бедный район со всеми бедами, которые следуют за нищетой, и еще там умер мальчик ужасной и бессмысленной смертью всего пару дней назад. Если вам нужно место, пропитанное страданиями и злобой, то половина дела уже сделана.

* * * * *

Аот и Джет парили над домами, узкими улицами и аллеями, тянувшимися между ними. Аот был единственным наездником в небе. Грифоны – потрясающие создания, полезные для многих целей, но глупо было бы ожидать, что хотя бы один из них сможет часами парить, не взвизгнув сородичу.

Не имело никакого значения, что рядом никого не было. Облака окутали луну, и несколько огней загорелось внизу. Даже такой дворф как Кхорин не много увидел бы с такой высоты.

Но с помощью своих глаз, которых коснулось пламя, Аот – видел. Его глаза видели даже ауру, которую он и его друзья-маги создали с помощью заклинания над частью квартала веревочников. Она проявлялась в виде клубящихся и перетекающих черных теней.

Жаль, что они не ограничились меньшей областью. Это упростило бы им поимку Зеленорукого, если магии действительно удалось привлечь его. Кроме того, это уменьшило бы число невинных, погрузившихся в эту грязь.

И все же Аота не слишком мучила совесть. На войне ему доводилось делать вещи и похуже. И, как он считал, сейчас он тоже был на войне – войне, которая должна была спасти Братство от гибели.

Темный силуэт прокрался по наклонной крыше.

- Там! – выкрикнул Аот.

- Где? – всадник почувствовал псионическую связь с Джетом, предоставляя ему доступ к зрению, более острому, чем его собственное. – О, да, теперь я вижу его. Так это и есть Зеленорукий?

- Не знаю. Спустись ниже.

Пригнувшийся, одетый в объемную мантию и капюшон, закрывавший всю его голову, человек внизу определенно выглядел так, что его можно было спутать с каким-нибудь демоном. Аот не хотел обнаруживать свое присутствие, пока не будет уверен, что нашел свою цель.

Человек в капюшоне пробрался к краю крыши, а затем начал спускаться вниз по зданию, цепляясь за поверхность будто насекомое или ящерица. Он быстро прополз так вдоль верхнего яруса здания к разбитому окну и стал всматриваться внутрь сквозь трещины.

Сомнения Аота тут же исчезли. Вор, умеющий так карабкаться, будь то магия или отточенный навык, не стал бы воровать у столь малоимущих. Этот человек пришел убивать. Если подумать, именно в такой манере и были совершены первые убийства.

Джет почувствовал уверенность своего хозяина:

- Я могу скинуть его с той стены.

Аот фыркнул. Его грифон мог совершать удивительные маневры в полете, но перспектива нырнуть в узкое пространство между зданиями, которые стояли чуть ли не в паре дюймов друг от друга, была достаточной причиной, чтобы отказаться от этой идеи.

- Просто спикируй достаточно низко, чтобы я смог подстрелить его.

- И в чем же тут веселье?

Но Джет сделал все, как ему сказали.

Мужчина в капюшоне уперся пальцами в окно, очевидно, пытаясь сорвать его с петель. Аот прицелился своим копьем, намериваясь метнуть заряд холода либо света.

Затем Джет напрягся и резко нырнул в сторону улицы. Его распростертые крылья поймали достаточно воздуха, чтобы уберечь Аота от перелома костей, когда они рухнули. Только тогда всадник заметил стрелу, торчащую из пернатого бока, сразу за лапой его грифона.

Аот посмотрел вверх как раз вовремя, чтобы обнаружить вторую фигуру в капюшоне, вооруженную луком; фигура отступила назад, скрывшись из виду за краем крыши. Человек на стене исчез.

В тот момент Аот ненавидел себя за то, что не заметил лучника, ведь никто и никогда даже не предполагал, что у Зеленорукого может быть сообщник.

- Насколько все плохо?

Он начал было вставать из седла, чтобы лучше рассмотреть рану.

- Сиди на месте! – сказал Джет.

- Но тебе нужно...

- Сиди на месте! – грифон разбежался и подпрыгнул. Он хлопнул крыльями и взлетел.

Джет взлетел достаточно высоко, чтобы добраться до крыши, где Аот ощутил усталость и истощение товарища, как свои собственные.

- Теперь ты сможешь увидеть, куда они ушли, - объяснил грифон.

И он был прав. Зеленорукий и его напарник направлялись на север, перепрыгивая с крыши на крышу, как кузнечики.

- С тобой все будет в порядке? – спросил всадник.

- Я не умру. За ними!

Аот спешился, достал свой рог из седла, и подул в него. Затем он прождал, как ему показалось вечность, хотя прошло лишь несколько мгновений, пока Джесри ответила на его зов.

Она появилась на крыльях ветра разметавшего ее волосы и трепавшего одежду. В руках у нее был посох с пульсирующими золотыми рунами. Когда она обнаружила Джета и кровь, капающую на черепицу под ним, ее глаза расширились в тревоге.

- Не страшно, - прорычал грифон. – Почему все считают меня неженкой?

Аот указал своим копьем.

- Существует два Зеленоруких, и они направились в ту сторону.

Джесри прищурилась.

- Я их не вижу.

- К счастью, я – вижу. Пока еще. Нужно догнать их.

Джесри подняла свой посох обеими руками и произнесла слова силы. Ветер завыл, поднимая Аота и волшебницу в своих объятьях.

Не потребовалось много времени, чтобы капитан понял, что ему это не нравится. Ему нравилось летать на спине грифона, но тогда он управлял процессом, и у него было что-то твердое под задницей. Сейчас же он чувствовал, что какая-то часть сознания беспричинно твердила ему, что он упадет. Конечно, даже если бы он и упал, то магия, заключенная в одной из его татуировок, позволила бы ему мягко приземлиться, но это не сильно успокаивало его.

К счастью, он был слишком сосредоточен на том, сколько всего сейчас зависело от него. Аот должен был направлять Джесри, если убийцы вдруг изменят маршрут. Тем временем, она должна была вести преследование, попутно собирая товарищей, скрывавшихся в тени дымоходов, в дверных проемах или лестничных клетках на улице.

Даже для повелительницы стихийной магии это было нелегкой задачей. Один за другим, Кхорин, Баласар, Медраш и Гаэдинн взмыли в небо. Аота немного обрадовал тот факт, что дворф и меньший из драконорожденных чувствовали себя еще более некомфортно в таких условиях, чем он. Паладин же был так увлечен своей праведной местью, что едва замечал, что летит, в то время как лучник с каштановыми волосами, как обычно, усмехался.

Постепенно они нагнали убийц. Гаэдинн попытался пару раз подстрелить их, но даже он не смог попасть по движущейся цели в таких трудных условиях. Ветер, сотворенный Джесри, был слишком сильным и непредсказуемым.

Убийцы запрыгнули на внушительного размера крышу ветхого дома на окраине города. Они метнулись к люку и, проникнув внутрь, закрыли его за собой.

- Половина пойдет через верх, половина – через низ! – прокричал Кхорин.

- Согласен! – ответил Аот.

Джесри обратилась к ветру. Лидер наемников узнал язык Хаоса, хотя он не владел им настолько свободно, чтобы понять каждое слово. К счастью, ветер – понимал. Кхорин и двое драконорожденных понеслись к земле. Аот, Джесри, и Гаэдинн залетели на крышу, после чего ветер перестал трепетать их одежду и поддерживать их.

Задыхаясь, волшебница откинула назад волосы дрожащей рукой.

- Ты в порядке? – спросил Аот.

- В порядке, - ответила она.

- Там всего два Зеленоруких, - начал Гаэдинн, доставая стрелу, - а нас – шестеро.

Если...

- Я же сказала, что в порядке, - процедила волшебница.

- Тогда – вперед, - скомандовал капитан Фезим.

В теории, они, зайдя с двух сторон, должны были зажать убийц в ловушке. Тем ни менее, Аот не хотел давать этим ублюдкам хоть сколько-нибудь времени, чтобы придумать что-то умное.

Он попытался открыть люк. Убийцы чем-то подперли его. Аот ткнул острием копья в дерево и высвободил немного силы, что была в нем. Люк взорвался осколками и щепками.

Ниже за дверцей была лестница. Аот решил не возиться с ней. Он просто прыгнул и приземлился на пыльный пол. Наемник осмотрелся, держа копьё наготове.

Кроме него на неосвещенном, увешанном паутиной чердаке никого не было. Тут пахло ветхостью и запустением. Крутая лестница спускалась куда-то вниз.

Аот отошел в сторону, и Гаэдинн прыгнул следом. Воздух взвыл, и Джесри плавно опустилась вниз, как бы развеивая опасения своих напарников, что она слишком устала, чтобы использовать магию. Она зажгла руны на своем посохе, чтобы те служили фонарем.

Гаэдинн пару раз втянул воздух.

- Я чую дым.

Аот тоже почувствовал его. Но им нужно было оставаться сосредоточенными на поимке убийц.

- Идем дальше.

Пытаясь заметить хоть какие-то признаки Зеленоруких, капитан вел своих лейтенантов вниз по шаткой лестнице. Запах гари усилился. Из того, что он мог видеть, это здание ничем не отличалось от любого другого заброшенного дома. Вероятно, дом раньше принадлежал какому-нибудь преуспевающему горожанину со слугами и учениками, живущими в маленьких комнатухах на этом этаже, и семьей – на этаже получше внизу.

Темнота вспыхнула белым, и что-то треснуло. Аот содрогнулся, его мышцы сковались, и лестница под ним рухнула. Как только он и его лейтенанты приземлились среди обломков, наемник понял, что кто-то, стоявший за лестницей,

кого не разглядели даже отмеченные магией глаза, атаковал их зарядом волшебной молнии.

К счастью, это их не убило. Защитные заклинания, сокрытые в его татуировках и доспехах, и его врожденная стойкость, или благосклонность Тиморы, спасли его; он молился, чтобы то же самое можно было сказать и о его друзьях. Начав чувствовать боль от ожогов, Аот забарахтался, пытаясь обнаружить нападавшего.

Затем, самым краем глаза он заметил мантию скрытой капюшоном фигуры, выходившей из дверного проема. Какая-то жидкость покрыла наемника и его товарищами, обжигая их в очередной раз.

Глаза Аота жгло и заливало слезами. Что-то ударило его в грудь – он почувствовал, что атака не проникла через доспех, а лишь выбила дыхание. Слепший, он не представлял, что бы это могло быть.

* * * * *

Долгое время Медрашу казалось, что он, Баласар и дворф просто падают. Но в самый последний момент ветер взмыл вверх, замедляя их спуск. Они все равно тяжело приземлились, но без травм.

Баласар выхватил свой меч.

- Забираю свои слова назад, - заявил он, - возможно, у вашей волшебницы все же есть чувство юмора.

Кхорин крутанул свой топор обычным тренировочным движением.

- Нет, она просто спустила нас самым простым способом, не особо заботясь о том, что это заставит нас думать, будто вот-вот мы встретимся с нашими предками.

Дворф подошел к двери полуразрушенного здания и вышиб ее одним ударом. Дверь врезалась в стену, и грохот прошелся эхом по всему дому.

- Почти незаметно, - прокомментировал Баласар.

- Они и так знают, что мы преследуем их, - сказал Медраш. – Я сомневаюсь, что это важно.

Стало еще темнее, когда они вошли. Паладин прошептал молитву и окутал лезвие своего меча мягким жемчужным сиянием.

Свет дал возможность рассмотреть первый этаж, который в свое время был торговой лавкой; повсюду были пустые полки, у двери стоял прилавок, а дальше – рабочие столы. Было трудно сказать, что продавал и изготавливал давно переехавший лавочник.

Драконорожденного это не особо заботило. Единственное, что имело значение – поимка Зеленорукого – точнее Зеленоруких – и придание их правосудию, которое укротило бы его праведный гнев. Кроме того, это избавило бы Лутчек от зла, укрепило узы дружбы между Чессентой и Тимантером и принесло славу клану Даардендриен в процессе.

Крыса метнулась в дыру у основания стены. Не считая этого вредителя, этаж казался пустым.

- Давайте отыщем лестницу, - предложил Медраш.

- Вон там, - указал мечом Баласар.

Они начали подниматься. Ступени прогибались под весом паладина. Красноватый свет мерцал в самом верху. Драконорожденный задался вопросом, не горит ли что-то, когда две фигуры – скорее, бесформенные силуэты – возникли на фоне свечения. Темная дымка хлынула на него.

Нос и рот Медраша опалило. Он закашлялся, согнувшись, и, судя по звукам за его спиной, его спутники испытывали то же самое.

Нужно было покинуть ядовитое облако и вступить в борьбу с атаковавшими. Несмотря на то, что он не мог восстановить дыхание, а жгучая боль спускалась вниз по горлу прямо к легким, паладин побежал по оставшимся ступеням.

Затем он запнулся и обнаружил, что просто не может продолжать бег. Его противники использовали какое-то ментальное принуждение, чтобы остановить его.

Это означало, что ему и его товарищами стоило бежать в другую сторону от ядовитого облака.

- Назад! – прохрипел Медраш.

Они повернулись и побежали вниз. И так было пока Кхорин, бывший теперь во главе, не замер на месте. Спустя мгновение, Баласар тоже замер. Медраш смог лишь разглядеть другие фигуры у подножия лестницы. Он понятия не имел, где они прятались, когда он только зашел в лавку. Но, очевидно, они были там, и теперь занимались тем же, чем и их пособники на верхнем этаже, заключая незваных гостей внутри ядовитого облака.

Бесконтрольно кашляя, Баласар рухнул.

* * * * *

Разряды молнии, падение и брызги кислоты – все это случилось в считанные мгновения, повергнув Гаэдинна в полусознательное состояние. Но какая-то его часть осознавала это и кричала, что он должен двигаться.

Он заметил движение там, откуда прилетел заряд молнии. Возможность второй такой же атаки сломала барьер внутри него. Часть, которая хотела двигаться, одержала верх.

Гаэдинн перекатился на одно колено. Благодарение Остроглазому, его зачарованный лук был по-прежнему невредим, несмотря на все надругательства, что он пережил. Казалось, лук справился со всеми испытаниями куда лучше, чем его владелец, покрывшийся уродливыми ожогами и волдырями.

Он не чувствовал боли, хвала Великому Лучнику и за это тоже. Гаэдинн не мог себе позволить чувствовать ее.

Его слезящиеся глаза едва могли разглядеть фигуру в мантии. Гаэдинн вытащил из-за спины стрелу и выпустил ее. Снаряд вонзился в туловище нападавшего, и тот упал на спину.

В тот же момент он услышал шаги. Лучник резко обернулся. Он не видел ничего, кроме размытых мерцающих движений, и на этот раз боль и слезы на глазах не были проблемой. Противники были невидимыми, по крайней мере, большую часть времени.

Они уже были слишком близко, чтобы стрелять в них из лука. Гаэдинн вскочил на ноги, скрестил руки и выхватил два коротких меча, которые он носил с собой в качестве вспомогательного оружия.

Неспособный видеть своих противников, за исключением отдельных моментов, он надеялся, что его свирепость испугает их, и отчаянно полоснул. Сначала Гаэдинн почувствовал, как лезвие в его левой руке ударило обо что-то твердое. Затем, руководствуясь лишь чистым инстинктом, он отразил атаку. Следующий удар настиг его, но не пробил доспех.

Лучник знал, что его удача не продлится долго; он был больше возмущен явной несправедливостью этой ситуации, чем испуган. Он и его напарники отважились поймать убийцу. Затем, благодаря жертве Джета, они узнали, что убийц было двое. Теперь эти двое размножились на весь дом, швыряли в них молнии и плевались кислотой, будучи при этом невидимыми.

По крайней мере, невидимость не была проблемой для Аота, который тем временем уже поднялся на ноги. Но его глаза не открывались от порезов, волдырей и ожогов на лице, поэтому человек, который мог бы видеть практически все, наносил своим копьём урон не больший, чем Гаэдинн своими мечами. Похоже, кислота навредила его глазам сильнее, чем казалось.

Аот и Гаэдинн сражались спина к спине в коридоре, куда спускалась лестница, чтобы предотвратить попытки врагов проскользнуть им за спины. Капитан прокричал слово силы, и холод соскочил с конца его копья. Это окрасило все пространство перед ними, как и нападавших, в белый.

Так как лидер наемников не стал немедленно действовать, казалось, что он все еще не может видеть, или, по крайней мере, не ясно. Но Гаэдинн видел. Он сделал выпад и ударил своим коротким мечом, вонзив лезвие в правой руке во внутренности противника.

Лучник вытащил свое оружие, и Зеленорукие исчезли.

- Еще раз! – крикнул он Аоту.

Но луч холода так и не появился. Гаэдинн оглянулся и увидел, что шлем Аота был помят и косо сидел на голове, а сам он держал копье, отражая и нанося удары стандартными защитными движениями; капитан неуверенно стоял на ногах.

Из-за безрассудности Гаэдинна, наемники больше не стояли на одной линии. Нанося режущие и колющие удары, он попытался отступить.

Позади него Джесри прохрипела заклинание. Потоки воды вылились ему на голову и на все, что было дальше в коридоре, будто сотня ведер пролилась в одно мгновение.

Это смыло остатки едкой кислоты с их кожи и из глаз Аота, выводя его из оцепенения, вызванного ударом по голове. Его глаза распахнулись достаточно широко, чтобы можно было заметить синее пламя. Он сделал шаг, нанес удар, высвободил силу в своем копье, и насаженный бедолага разлетелся на куски.

Затем Аот развернулся и метнул пару зеленых снарядов в сторону, где стоял Гаэдинн. Они остановились рядом с наемником, исчезая по мере того как впивались в тела двух невидимых противников.

Аот развернулся еще раз и один за другим швырнул три заряда молнии вниз по коридору. Вспышки ослепили лучника, а шум отдался в его ушах.

Потом лидер наемников отвернулся от застывших, дымящихся трупов и небольшого пожара, разгоревшегося от заклинаний. Очевидно, эта драка закончилась.

Гаэдинн вытер лезвия своих мечей и вернул их в ножны, и выхватил лук.

- Это было весьма... молниеносно, ну, там, в конце.

Аот хмыкнул.

- После того как Магическая Чума коснулась меня, я какое-то время был слепым. Полагаю, это тот опыт, который не проходит без следа. Все в порядке?

- Жить буду, - ответила Джесри. – У меня есть эликсир, чтобы заглушить боль и удержать нас на ногах.

Она достала маленькую оловянную бутылочку из своей поясной сумки и сделала первый глоток. Гаэдинн знал причину. Ей было бы трудно пить из пузырька после того, как остальные приложатся к нему.

Когда волшебница протянула бутылочку Гаэдинну, Аот наклонился над одним из убийц и выругался. Лучник посмотрел на тело второго и чуть сам не повторил за капитаном.

Аот обладал нечеловечески острым зрением, но все равно это был первый раз, когда он и его напарники могли внимательно рассмотреть тело одного из Зеленоруких. Теперь необычная форма капюшона была ясна. Точнее, форма головы, что была под ним.

Аот откинул капюшон в сторону.

- Нам нужно найти Кхорина, - сказала Джесри.

* * * * *

Неконтролируемый кашель не давал Медрашу прочитать ни одну из его молитв. Боль обжигала его легкие, а осознание того, что он легко может умереть, вдыхая ядовитые пары, еще больше мешало ему сосредоточиться.

Но он сфокусируется. Он должен помочь своим товарищам – в конце концов, тело и его страдания не были вечными. Вечны лишь Торм и его слава.

Медраш обратился к своему божеству, и сила, словно прохладная родниковая вода, наполнила его. Он проникся своим праведным гневом, направив его в свое оружие и взмахнул мечом. Вспышки белого света вылетели из меча, нанеся удар его противникам в нижней части лестницы.

Атака отбросила Зеленоруких в сторону. В полусознательном состоянии Медраш побрел к упавшему Баласару, пытаясь протиснуться мимо Кхорина, и снова обнаружил, что не может двигаться. Он ранил убийц, но не достаточно сильно, чтобы они потеряли контроль над псионической стеной, которую создали.

Драконорожденный направил еще силы, и в этот раз было намного труднее. Он устремил свой взгляд на одного из убийц и приказал ему подняться по лестнице и стать в пределах досягаемости меча.

Зеленорукий сделал первый шаг. Еще один. Затем, издав бессловесный крик, он остановился и отступил туда, где стоял.

Темнота закружилась в глазах Медраша. Его ноги обмякли, и ему пришлось выронить меч и ухватиться за перила, чтобы не упасть.

Слава Торма была безгранична, а вот способность смертного тела проводить ее – нет. Медраш предположил, что в лучшем случае мог бы еще раз воззвать к божеству, прежде чем рухнет без сил. Он вышел за пределы своего тела, за пределы материального мира в мир более яркий, более чистый, где его Торм дал ему последний дар.

Но как его использовать, если предыдущие попытки ничего не дали? Паладин схватил массивное плечо Кхорина, которое содрогалось, пока дворф кашлял, и использовал магическую энергию, чтобы благословить его, укрепить тело и разум.

Кхорин спустился на одну ступеньку, едва не потеряв равновесие в процессе. Затем он поднял свой топор и атаковал.

К сожалению, его легкие еще были полны яда, а кашель замедлял и делал неуклюжим. Хотя Зеленорукие были застигнуты врасплох, им удалось уклониться от первых ударов и выхватить короткие мечи.

Но, судя по всему, они не могли сражаться и поддерживать ментальный контроль одновременно. Поэтому, когда Медраш, все еще держась за поручень, попытался спуститься вниз по лестнице, то обнаружил, что теперь он это может.

Он направился к одному из убийц, чтобы Кхорину не пришлось сражаться с обоими. Зеленорукий повернулся и сделал выпад. Эта атака была полна ярости. Зачем волноваться о защите, когда твоя жертва безоружна и испытывает боль и слабость? Когда кашель мешает даже использовать его дыхание-оружие?

По крайней мере, Медраш больше не дышал ядом. Он провел всю свою жизнь за тренировками – сначала с мастерами клана Даардендриен, а затем – с паладинами-наставниками. Немоощный и неуклюжий, он все же смог улучшить момент, чтобы уклониться от выпада; он сделал шаг в сторону и полоснул когтями по горлу противника. Кровь брызнула из разорванных артерий.

Медраш обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как Кхорин отрубил оставшемуся Зеленорукому ногу и, прежде, чем тот упал, всадил топор ему в ребра. Похоже, дворф тоже мог постоять за себя даже в неблагоприятных условиях.

Кхорин и Медраш обменялись кивками, а потом топот бегущих ног напомнил им, что драка еще не окончена. Оставшиеся противники спускались вниз. Очевидно, пары яда им были не страшны.

Хуже того, перешагнув через Баласара, они остановились посреди лестницы. Паладин понял, что они снова собираются создать отравленный дым. Медраш понятия не имел, как он и Кхорин перенесут очередную дозу яда.

Но Баласар, который, казалось, лежал без сознания, поднял меч своей дрожащей рукой и полоснул по ноге одного из неприятелей. Противник упал, и его напарник в изумлении обернулся. Драконорожденный замахнулся на второго убийцу. Зеленорукий отскочил и, потеряв равновесие, покатился вниз по лестнице.

Из последних сил Баласар несколько раз вогнал меч в противника, которому до этого порезал ногу. Кхорин сделал глубокий вдох, икнул, пытаясь сдержать кашель, и вбежал назад в ядовитое облако, где разрубил череп последнего Зеленорукого.

Медраш надеялся, что вдохнул достаточно чистого воздуха, чтобы последовать его примеру. Лучше бы так и было, поскольку Баласар не мог больше ждать. Паладин поднялся по лестнице, схватил своего брата за руку и потащил вниз из облака – он еще не достаточно восстановился, чтобы поднять его.

Затем они оба рухнули на пол, кашляя и ища новые источники угрозы, хотя было большим вопросом – смогут ли они что-то сделать, если их обнаружат. Постепенно боль в груди Медраша утихла, и сила начала восстанавливаться.

- Ты пересчитал все ступени моей головой, - захрипел Баласар.

- Извини, - ответил Медраш. – В следующий раз оставлю тебя задыхаться.

Три раската грома – или что-то на них похожее – раздались где-то сверху.

- Я знаю этот шум, - заявил Кхорин. – Аот или Джесри запускают молнии.

Медраш взглянул на лестницу. Облако почти рассеялось.

- Мы должны узнать причину. Я думаю, что смогу наложить на нас всех укрепляющее благословение, чтобы мы смогли помочь им, если нужно.

- Хорошо, - согласился дворф. – Давай. Но прежде, чем мы уйдем...

Он поднялся, потянулся к капюшону одного из убийц и замер. Медраш посмотрел на тело и понял, что так удивило дворфа.

Кхорин откинул капюшон, открыв всем голову мертвого драконорожденного.

- Во имя Бдительного Ока! – прорычал он, пораженный.

Он открыл лицо другого Зеленорукого. Тот тоже оказался драконорожденным.

Дворф повернулся к своим спутникам.

- Как это понимать?

Медраш покачал своей головой.

- Мы понятия не имеем. Давай разберемся с этим после того как найдем остальных.

Паладин поднял свой амулет и начал молитву.

Приятный холодок прошелся по всему его телу, успокаивая жжение в груди и горле. Он снова поднял медальон и направил мягкий белый свет на своих напарников. Grimасы сошли с их лиц, как только свет исцелил их.

- Спасибо, - сказал Кхорин. – А теперь – пошли.

Медраш поднял свой меч, пока они поднимались по лестнице. Сверху их ждала общая комната, которая, вероятно, занимала большую часть второго этажа. Комната была в огне, хотя гниющая влажная древесина едва-едва поддавалась горению. Языки пламени скакали по части пола и на стенах, уничтожая рисунки и символы, нарисованные на них. В очаге лежала стопка обгоревших бумаг. Воздух был задымлен, едва не вызвав у Медраша новый приступ кашля.

Аот, Гаэдинн и Джесри появились в дверном проеме. Все они страдали от ожогов и по какой-то причине были насквозь промокшими. Но никто не выглядел серьезно раненым.

Медраш был рад увидеть их. Но радость сменилась на ужас, когда они наставили на них свое оружие и окружили своих союзников.

- Отойди от них, Кхорин! – выкрикнул Аот, и кончик его копья загорелся красным.

- Все в порядке, - ответил дворф. – Мы знаем, что Зеленорукие – это драконорожденные. Но эти двое не из них. Они дрались с теми, которых мы встретили внизу.

- Ты уверен? – кончик копья засиял ярче, и Медраш мог поклясться, что странный синий свет в глазах Аота – тоже. – Может, это был какой-то трюк?

- Нет, - заверил его Кхорин. – Они спасли мне жизнь и сами чуть не погибли.

Аот задумался на пару мгновений, но затем кивнул.

- Хорошо. Медраш, Баласар, прошу прощения. Джесри, можешь потушить здесь все?

- Да, - ее голос повышался и понижался, пока она колдовала. Быстрые, мягкие фразы напоминали шепот танцующего пламени. Как только она дочитала последнюю строчку, пламя погасло.

Не снимая стрелы с лука Гаэдинн обернулся и осмотрелся вокруг.

- Похоже, мы зачистили весь дом.

- Да, - согласился Кхорин. Он повернулся к Аоту. – Дракон, драконорожденный... Теперь мы начинаем понимать твое видение.

- Наверное, - ответил наемник. – К сожалению, слишком поздно, чтобы заблаговременно предупредить наших друзей их клана Даардендриен о том, что грядет.

ГЛАВА 4

7-8-е число месяца Тарсак Год Извечного (1479 ЛД)

Джесри посмотрела на Аота, чье татуированное лицо блестело от впитавшейся мази, которую он втирал в себя, чтобы быстрее залечить свои ожоги, и подумала: «Вы только поглядите. Не один – целых два злобных мага, истинных демона в людском обличье, сейчас стоят в приемных покоях Героя Войны. Полагаю, прошло немало времени с последнего такого визита. Если, конечно, вышеупомянутых магов не приводили сюда чтобы казнить или вроде того».

Ненависть захлестнула ее, и Джесри изо всех сил пыталась подавить это чувство. Она согласилась служить зулкирам, несмотря на то какими тиранами те были. Ничто не мешает ей так же служить и Чессенте. И к счастью, вопреки ее печальным мыслям, Джесри и Аот не были теми, кому сегодня светили неприятности, даже если озлобленные взгляды присутствующих могли заставить их думать иначе.

Зан-Акар не был настроен враждебно, несмотря на то, что Аот выставил его в плохом свете во время последней их встречи. Напротив, штормовой дженази подошел к ним с теплой улыбкой на своем темном узком лице, покрытом таким замысловатым узором из серебристых линий, что татуировкам Аота было до них далеко.

- Капитан, - Зан-Акар перевел взгляд на Джесри, Гаэдинна и Кхорина. – Дама и господа. От всего сердца поздравляю вас с вашим достижением.

- Благодарю, - сказал Аот.

- Я хочу, чтобы вы понимали, мы – дженази – бережем людей Чессенты как своих собственных. Таким образом, помогая им, вы также заслужили благодарность Аканула.

- Рад это слышать.

Пока они разговаривали, Джесри заметила поникших Медраша, Баласара и Перру. Волшебница едва ли могла винить их за нервозность. То, что Шала Каранок пригласила на собрание даже врагов Тимантера – плохой знак. Без сомнения, еще хуже, что упомянутый враг разговаривал со свидетелями, от которых драконорожденные ждали помощи.

Но было бы глупо со стороны Аота вести себя иначе как дружелюбно. Однажды Братство может захотеть работать на Аканул. Но это не значило, что Аот или его лейтенанты изменят свои показания, чтобы выслужиться. Джесри хотела подбодрить драконорожденных, но как раз тогда латунные горны взорвались фанфарами, и Шала вошла через дверь в задней части зала.

Мужчины склонились и стояли так, пока Герой Войны не села на трон. Женщины должны были присесть в реверансе. Как всегда, этот элегантный жест уважения заставил Джесри почувствовать себя неловко и смехотворно.

- Поднимитесь, - сказала Шала. Она оглядела толпу, выстроившуюся перед ее троном. – Сперва, давайте порадуемся нашей удаче. Зеленая Рука – или, точнее, Руки – мертвы, и за это мы должны благодарить капитана Фезима и его солдат.

Аот еще раз поклонился.

- Как вы нашли убийц? – спросили Шала.

- Мы просто искали – на спинах грифонов в основном – пока нам не повезло, - ответил Аот. Так было безопаснее чем признать, что они собрали незаконный шабаш из местных магов и наложили временное проклятие на часть города.

- Что ж, я уверена, что удача вам потребовалась не меньше, чем ваша отвага и мастерство, - продолжала герой войны. – К слову, вы просили моего доверия, и теперь оно у вас есть. Я с удовольствием отправлю вас защищать границу. При условии, конечно, что лорд Никос не возражает.

- Конечно, ваше величество, - ответил дворянин со сломанным носом. Так как он нанял Братство, их триумф отразился и на нем. Но к удивлению Джесри, он выглядел менее счастливым, чем Зан-Акар.

- Прекрасно! – воскликнула Шала. – Однако теперь мы должны разобраться с тревожным аспектом событий вчерашней ночи. Оказалось, что убийцами были драконорожденные.

- Как я и предупреждал вас, ваше величество, - подчеркнул Зан-Акар, - Тимантер друг Высшему Имаскару, а не Чессенте.

- Это ложь! – выпалила Перра. – Ваше величество, я клянусь, наше правительство к этому не причастно.

Герой войны вздохнула.

- Я бы хотела в это верить. Альтернативное объяснение было бы уместно.

- У меня его нет, - сказала Перра. – Что я точно могу вам сказать, так это то, что мое посольство отслеживает всех драконорожденных, которые посещают Лутчек. Пока что я не установила личности никого из тех, кто умер прошлой ночью.

Медраш сделал шаг вперед.

- Ваше величество, могу я сказать?

Шала одарила его легким кивком.

- Как уже сказала посол, - продолжил Медраш, - мы ничего не знаем об умерших драконорожденных. Более того, я заметил, что ни один из них не носил отличительных серьг клана, наподобие этих.

Он дотронулся когтем до одной из белых серьг на левой стороне своей шеи.

- Такие носит каждый тимантериец.

- Значит, они их сняли, - заявил Зан-Акар.

- Я сомневаюсь в этом, милорд, - ответил Медраш. - Я не смог найти шрамы, указывающие на то, что серьги сняли.

- Это явная попытка скрыть правду, - оборвал его штормовой дженази, на чьем лице вспыхнули бледные искры. - Откуда еще взяться драконорожденным, если не из Тимантера?

- Ваше величество, - сказала Перра, скрипя зубами. - Лорд Зан-Акар служит вам в качестве дознавателя?

- Нет, - ответила Шала. - Но я хочу выслушать и его. Сейчас мы разделяем схожие опасения.

- Ваше высочество, - ответила посол драконорожденных, - ваши опасения должны вызвать у вас желание понять, что на самом деле происходило в Лутчеке последние пару декад. И очевидно, мы до сих пор не до конца это понимаем.

- Почему же? - спросила Шала.

- Когда мы считали, что был лишь один убийца, - сказала старая сутулая драконорожденная, - мы могли бы списать его преступления на безумие. Но если действовала группа заговорщиков - то в чем смысл этих убийств?

- В том, чтобы создать беспорядки и подорвать доверие к власти ее величества, - ответил Зан-Акар. - В конце концов, к этому стремился бы любой враг.

Перра держала свой взгляд прикованным к Герою Войны.

- Сэр Баласар и сэр Медраш говорят, что Зеленорукие устроили пожар.

- Когда шпионов и убийц раскрывают, они часто пытаются уничтожить свои бумаги, - подытожил Зан-Акар.

- Они также попытались уничтожить эзотерические символы, нарисованные на стенах и полу, - добавила Перра.

- К некоторому испугу Джесри, Шала обратилась к ней:

- Ведьма, я так понимаю, ты видела эти символы?

Джесри перевела дыхание.

- К тому времени, как я потушила огонь, символы уже почти исчезли. Я считаю, они были магическими, но больше я ничего не могу вам сказать.

- Мы знаем, что драконорожденные использовали какой-то вид магии, - парировал дженази. - Мы можем также предположить, что у них есть свои символы веры и обряды, как и у всех. Я не вижу, чем это важно.

- Тогда задайтесь вопросом, - ответила Перра. - Если они все собирались выступить против своих преследователей, убить их или умереть, пытаясь это сделать, то зачем утруждать себя уничтожением магических символов? Неужели некоторые преступники не могли сбежать из дома, пока их друзья-убийцы

отвлекали капитана Фезима и его людей? И что заговорщики не могли сжечь свои документы и символы, чтобы не выдать личности оставшихся на свободе?

Шала повернулась к Аоту.

- Это возможно?

Хотя тот не показал этого на своем лице, Джесри практически почувствовала, как Аот поморщился. Если он признает, что убийцы все еще могут быть на свободе, то позволят ли Братству остаться в столице?

- Мы нашли подвал, - сказал Аот. - Он примыкает к туннелям, которые, вероятно, использовались для доставки провизии в те дни, когда Лутчек был портом. Кто-нибудь мог бы выскользнуть таким образом. Но мы не нашли свидетельств этому.

- Так или иначе, ваше величество, - продолжила Перра, - вы видите, сколько вопросов осталось без ответа. Позвольте мне помочь вам найти ответы.

Зан-Акар фыркнул.

- Или укрыть их.

Кхорин прочистил свое горло.

- Ваше величество?

Шала смотрела дворфа немногим теплее, чем на волшебницу. Но, когда она заговорила, тон ее был вежливым:

- Да?

- Что бы там ни осталось скрытым, - сказал Кхорин, - есть одна вещь, в которой мы не сомневаемся. Не все драконорожденные замешаны в убийствах. Сэр Медраш и сэр Баласар помогли предать Зеленоруких правосудию. Я был бы мертв, если бы не они.

- Тайным агентам вражеской страны, - заговорил Зан-Акар, - иногда приходится действовать против своих же интересов, чтобы скрыть истинные мотивы.

Джесри провела уже достаточно времени с драконорожденными, чтобы понять, как работает лицо рептилий, поэтому она предвидела, что собирается выпалить Баласар.

- А вы, похоже, более чем осведомлены, о методах шпионажа и предательства, - заметил тимантериец.

Искорки света поползли по серебряным трещинам на лице дженази.

- Мне пришлось стать осведомленным, чтобы защитить свой народ от таких как вы.

- Просто из любопытства, - продолжал Баласар. - Вот когда все эти искры начинают сыпаться у вас с лица, это что-то вроде того, когда человек теряет контроль над своим мочевым пузырем?

- Достаточно! - оборвала Перра. - Ваше величество, я прошу вас простить отсутствие манер у моего подчиненного.

Герой Войны нахмурилась и коснулась одной из накладок на ее куртке, имитировавших броню. Спустя мгновение она заговорила:

- Очевидно, что мы... - она замолчала, всматриваясь в заднюю часть зала. Джесри обернулась, что посмотреть, что приковало ее внимание.

Одна из высоких дверей, сделанных из песчаника, распахнулась. Волшебница почувствовала себя неуместно среди разодетых придворных и величественных

скульптур. Так же не вписывался в картину и взъерошенный солдат в грязных сапогах с кавалерийскими шпорами. Он приблизился и низко поклонился перед троном.

- Поднимись, - сказала Шала. – В чем дело?

- Простите, что прервал, ваше величество, - ответил новоприбывший, слегка запинаясь, - но офицер снаружи сказал, что это важно. Пираты совершили налет на Самнур.

Джесри изучала карты Чессенты и знала, что речь идет о деревне на побережье.

- Но я не думаю, что они знали о храме Амберли. Служители волн использовали свою магию, чтобы помочь нашим солдатам, и мы победили.

- Это хорошие новости, - подытожила Герой Войны, - и очевидно, что вам тяжело далась дорога сюда, чтобы доставить вести. Я благодарна. Но это могло подождать, пока я не разберусь с текущей проблемой.

- Простите, ваше величество, но это не все. Среди имаскарцев были драконорожденные.

Придворные залепетали.

- Ваше величество, - обратилась Перра, повышая свой голос, чтобы перекричать образовавшийся шум, - я клянусь честью клана Офиншталайир, покоритель никогда бы не допустил этого.

- У драконорожденных были серьги? – спросил Медраш, но его вопрос растворился в общем гаме.

- Молчать! – приказала Шала, и комната стихла. Она перевела свой взгляд на Перру. – Вы и ваши люди должны покинуть Лутчек.

Зан-Акару каким-то образом удалось непринужденное выражение лица, но Джесри подозревала, что он ликовал от радости.

- Ваше величество, - ответила Перра, - поправьте меня, если я вас неправильно поняла. Вы изгоняете нас из Чессенты и разрываете дружбу с Тимантером?

- Я отправляю вас прочь, - начала герой войны, - чтобы избежать очередного бунта, когда город услышит эту новость. Для вашей же личной безопасности, иными словами. Мне придется обдумать все и решить, разрывать ли отношения с вашим королевством.

Но Зан-Акар призывал ее сделать именно это, и никто уже не говорил в защиту Тимантера; Джесри поняла, что уже знает конечное решение Героя Войны.

Перра, скорее всего, предположила такой же исход, но, возможно, она решила, что переубедить Шалу будет просто невозможно.

- Как прикажет ваше величество, - поклонилась посол.

* * * * *

Выглядев ослепительно в своем новом костюме из шелка и парчи, Гаэдинн рассказывал историю о Кольце Ужаса в Лапендраре, пока свет свечи отражался в драгоценных узорах его нового наряда. Похоже, он разобрался со всем практически в одиночку, выпуская стрелы, каждая из которых попадала точно в сердце вампира или какой-нибудь другой нежити.

История рассказывалась на двух уровнях. Его товарищи должны были принять ее как шутку. Симпатичные молодые дамы, сидящие напротив лучника, - племянницы Никоса, или его кузины? – должны были охоть и ахать от его героизма, и они охали.

Аот был рад, что хоть кто-то наслаждался банкетом в честь победы. Джесри отпросилась: она часто избегала таких мероприятий. Кхорин становился тише с каждой новой кружкой красного сембийского. Даже хозяин дома казался подавленным.

Аот тоже, и это его раздражало. Ну и что с того, что драконорожденным не повезло? Никто не платил ему за то, чтобы он следил за их благополучием. ВО имя Черного Пламени, насколько Аот знал, Тимантер на самом деле мог быть тайным врагом Чессенты. Перра не будет первым посланцем, который не знал о том, какие цели преследовало правительство его страны.

Сидя во главе стола, Никос повернул свою голову к Аоту:

- Нуместра, ты не могла бы оставить капитана ненадолго? У нас с ним есть пара вопросов, которые нужно обсудить.

Пышногрудая веснушчатая соседка Аота играючи вела разговоры с ним на протяжении пяти блюд, но у него было ощущение, что она была рада избавиться от него. Его странные глаза, обилие татуировок и репутация кровожадного тэйского наемника интриговали некоторых женщин, остальных же – отпугивали, и эта девушка была явно из последних. Суровость капитана не особо помогла расположить даму к себе.

Никос повел его в кабинет, в котором состоялся их первый разговор. Лорд ненадолго остановился в прихожей, где клерки-полурослики работали весь день. Аот уловил кисло-сладкий запах, повисший в воздухе.

- Подожди немного, - сказал Никос. – У меня есть восхитительная абрикосовая настойка. Мы можем разделить ее, пока будем говорить.

Он махнул рукой Аоту и они продолжили свой путь.

Возможно, аристократ действительно хотел выпить. Но Аоту было интересно, не пытается ли он таким образом скрыть запах редкой ароматической резины, которую используют в некоторых ритуалах.

Хорошо. Если бы он не хотел, чтобы наемник учуял ее, он бы и не учуял. Коссут свидетель, капитан не винил аристократа за то, что тот не хотел, чтобы кто-то, даже его люди, знали, что он владеет даже толикой оккультных знаний. Только не в Чессенте.

Они пришли в комнату с одним столом для игры в кости, и другим – с волчками, уставленными на маленькие деревянные штырьки. Комната находилась на верхнем этаже, так что Аот мог слышать, как дождь барабанит по крыше.

Никос подал сладкий ликер. Наемник предположил, что он был настолько хорош, насколько и заявлял лорд. Вкус напитка был таким неразличимым, что он с удовольствием выпил бы все.

Аот ждал, пока Никос объявит тему их разговора, но тот явно не спешил. Надеясь ускорить процесс, наемник начал первым:

- Я заметил, что ни лорд Лютен, ни его доверенное лицо, Даэлрик, не сказали ни слова сегодня на собрании совета. Думаю, они поняли, что будут выглядеть

полными дураками, выступая против вас, когда вы раз и навсегда остановили убийства Зеленорукого.

Когда он подумал об этом, кое-что показалось странным. Лютен не выглядел расстроенным. На его круглом бородатом лице была улыбка.

Никос хмыкнул.

- Мы остановили убийства – или, точнее, ты и твои люди остановили. Это нужно было сделать, и ты блестяще справился с задачей, - сказал он и затих.

- Но? – поинтересовался Аот.

- Все вышло не так, как я планировал. Боюсь, провокации со стороны Трескеля и Высшего Имаскара – возмутительные и разрушительные сами по себе – лишь начало настоящих вторжений. По большому счету, именно поэтому я и хотел поймать Зеленоруких. Я хотел развеять общие страхи перед магами в той степени, чтобы Герой Войны и ее командиры согласились использовать их для нашей защиты.

Аот кивнул.

- И мы их развеяли. Но теперь Чессента потеряла драконорожденных как союзников, которые сражались бы на ее стороне. Вы боитесь, что просчитались.

- Именно.

- Хотя, если бы Тимантер действительно был вашим врагом, то вы бы все равно не дождались помощи от них.

Никос лишь пренебрежительно махнул рукой, как бы говоря, что вина Тимантера – полнейший бред. У Аота были и свои сомнения, основанные больше на интуиции, чем на фактах, но ему было интересно, почему аристократ так в этом уверен.

- В любом случае, - продолжил лорд, - наша ситуация сложнее, чем ожидалось. Шала права – Перра и ее подчиненные в настоящее время в такой же ситуации, в какой были волшебники два дня назад. Люди презирают их и могут попробовать навредить, и поэтому доверить их защиту чессентским войскам мы не можем. Братство может предоставить им эскорт, чтобы убедиться, что они безопасно добрались до Тимантера?

Аот вздохнул. Он бы с куда большим удовольствием отправил все свои силы на борьбу с Трескелем на юге.

- Я могу выделить пару человек.

- Хорошо. Есть еще кое-что. Но сперва я должен спросить тебя: ты действительно мой агент? Будешь ли ты следовать моим приказам, игнорируя все остальные?

Наемник уставился на него.

- Девять Темных Принцев! Так Лютен был прав? Вы привели нас сюда, чтобы свергнуть Героя Войны?

- Нет! Конечно, нет!

- Что ж, это радует, а то я не думаю, что в нашем текущем положении мы смогли бы это осилить. Мы могли бы убить ее или захватить, но вряд ли бы преуспели в борьбе с последствиями, которые возникнут после.

- Я не предатель!

- Очевидно, что нет, милорд. Я выражался гипотетически. А что до ответа на ваш вопрос – да, я к вашим услугам, пока вы продолжаете мне платить.

- Замечательно. В таком случае много ли ты знаешь о Чазаре?

Аот склонил голову.

- Очень мало. Я настолько стар, что, наверное, мог даже видеть его, но этого так и не случилось. Я был слегка занят в Тэе, когда его видели в последний раз.

- Полагаю, ты по крайней мере слышал о том, что он исчез во время буйств Магической Чумы.

- Да.

- Что ж, у истории есть продолжение. Он отправился в Трескель, но так и не вернулся. Возможно, он искал способ защитить Чессенту от синего пламени, хотя это никому доподлинно не известно.

- Тогда, раз он был на вражеской территории, возможно, что его величайшему врагу удалось в конце концов убить его.

- Да, но в последнее время на северо-востоке поползли слухи. Блуждая в горах, люди рассказывали, что слышали рев дракона в самые темные ночи. Некоторые даже утверждали, что видели одного растянувшимся на земле и изрыгающим из пасти и ноздрей огонь.

- В Трескеле полно драконов, верно? Где-то там живет драколич и куча живых драконов, которые платят ему дань. Уверен, некоторые из них – огнедышащие. Так почему вы считаете, что этот конкретный дракон и есть Чазар?

- В сообщениях говорится, что дракон огромен и стар, как Чазар. Также сообщается, что он истощен, искалечен или даже находится в каком-то заточении. Это могло бы объяснить, почему он так и не вернулся в Лутчек.

- Но это не объясняет, почему в течении почти столетия Аласклербанбастос так и не нашел его и не прикончил. Или почему, если он лежит там беспомощный все это время, вы слышали о нем только сейчас.

Никос насупился.

- Я не утверждаю, что дракон, о котором говорится, и есть Чазар. Но он может им быть.

- И вы хотите выяснить это наверняка?

- Да.

- И так, чтобы Шала не узнала о том, что у вас есть кто-то, кто занимается этим. В противном случае она решит, что вы не считаете ее достойным правителем.

- Да. Несмотря на то, что это было бы совершенно несправедливо, учитывая, что Чазар был живым божеством. Очевидно, что он мог бы дать своим людям то, чего не сможет смертный правитель. Он мог бы даже не захотеть возвращать себе трон. Вполне возможно, что он выше таких вещей.

«А возможно и нет, - подумал Аот, - хоть вряд ли он вообще жив».

- Должен сказать, я никогда не думал, что вы являетесь членом Церкви Чазара.

- Не являюсь. Им и не нужно быть чтобы чтить спасителя Чессенты. Или чтобы искать любой возможный источник помощи, когда наши враги так давят на нас. Ты сможешь мне?

Аот отсрочил свой ответ, сделав еще один глоток ликера. Послевкусие вдруг оказалось слишком сладким, а сам напиток обжег желудок.

У него было неприятное чувство, что его застали врасплох в делах, которые он не понимает. Было слишком много неизвестного. Без ответа остались вопросы о

Зеленоруких, очевидном предательстве драконорожденных, неожиданных мистических навыках Никоса и его заявлении о том, что, спустя почти сотню лет, слухи о выжившем Чазаре дошли до него только сейчас, когда Чессента так остро нуждалась в защитнике. Не говоря уже об этой удивительно чреде совпадений.

Но нужно ли наемнику все это понимать? Хотелось ли? Или ему просто хотелось сохранить свое... нет, не свое место. Пусть Аот с надлежащим уважением обращался с лордами, особенно если они его нанимали, он уже давно забыл об истинном подчинении кому-либо. Но роль, что он сам себе выбрал, была ролью капитана наемников, которые сражаются за золото и репутацию, не вникая в тонкости заговоров и хитросплетений, заставлявших королевства воевать.

Сейчас Аот рисковал этой ролью. Она навсегда ускользнет из его рук, если он надавит на Никоса ради дальнейших ответов и тем самым заставит лорда сомневаться в своей верности.

- Вы же понимаете, - начал капитан, - что даже если шпион найдет Чазара живым, то это не означает, что простой человек сможет справиться с тем, что удерживает его беспомощным?

- Я и не жду этого, - ответил Никос. – Ему просто нужно будет доложить о том, что он обнаружил, а затем уже я решу, что делать дальше.

Аот хмыкнул.

- Отлично. Я найду кого-нибудь, кто займется и этим поручением. Если кто-нибудь заметит, я просто скажу, что отправил разведчиков к границам для сбора сведений касательно сил Аласклербанбастоса.

* * * * *

Кхорин сидел скрестив ноги возле костра, спиной упираясь в бок Бдительной. Тепло от тела грифона не давало холоду вечернего тумана проникнуть в кости ее всадника, а то, что дворф был рядом, не давало ей приблизиться к лошадям и мулам.

Естественно, Кхорин так не поступил бы, если бы его попутчики были против того, чтобы большое, потенциально смертельное животное бродило в непосредственной близости, но драконорожденные не были. В целом они оказались искренним, практичным народом, как дворфы или наемники, и они нравились Кхорину все больше с каждым днем, проведенным вместе.

Этого было достаточно, чтобы он мог расслабиться и наслаждаться их компанией. Они двигались в хорошем темпе. Возможно, даже достаточно быстро, чтобы опередить вести о том, что Тимантер якобы предал Чессенту.

Баласар, который по праву гордился своими походными навыками повара, вручил наемнику жареное филе форели, завернутое в большой лист каких-то водных растений. Лучшая дорога из Лутчека в Тимантер шла вдоль берега озера Мет. Частые туманы были одним из неудобств. Свежая рыба – одним из преимуществ.

Кхорин откусил кусок. Слишком быстро – он обжег рот. Но блюдо было вкусным, сладким, сочным, приправленным чем-то, что он не разобрал. Бдительная издала молящий пронзительный крик, на что ей велели заткнуться.

- У тебя был твой ужин до захода солнца.

- Да, - сказал с ухмылкой Баласар. Туман размывал его черты лица, хоть он и был всего в нескольких футах. – Тише, Бдительная. Твоему хозяину нужно восстановить силы, чтобы защитить нас, бедных, беспомощных драконорожденных, от бед.

Кхорин заулыбался.

- Да ладно. Я думаю, вы понимаете, что мы идем за вами по пятам не потому, что кто-то считает вас беспомощными. Просто пара лишних копий никогда не повредит. И если мы вдруг набредем на толпу разъяренных крестьян, то это вас они ненавидят, а не нас. Так что, возможно, мы сможем убедить их отступить, без необходимости кого-либо убивать.

Медраш насупился.

- До сих пор не могу поверить, что все так обернулось. А в Тимантере у нас не будет способа выяснить правду.

- Это не твоя вина, - сказал Баласар. – К слову, возможно, стоит винить твоего бога. Если это он направил тебя на след Зеленоруких.

Паладин обозлился.

- Торм поручил мне заняться правым делом. Но я каким-то образом провалил задачу, и из-за этого союз распался.

- Как? – спросил его приятель. – Кто в здравом уме скажет, что ты не справился с заданием?

- Возможно, заданием была не поимка Зеленоруких. Может быть, я не правильно понял наставления Торма с самого начала. Я просто не знаю!

Кхорин решил, что не хочет смотреть, как двое друзей ссорятся, или как Медраш занимается самобичеванием. Надеюсь увести разговор в другое русло, он спросил:

- А как ты вообще решил стать паладином? Я всегда считал, что драконорожденные не поклоняются богам.

Медраш улыбнулся так, будто он тоже был рад, что его хотят отвлечь.

- На Абейре, где мы жили до того, как Синее Дыхание Перемен швырнуло нас через пространство, никто из нас не поклонялся. Но мы уже какое-то время находимся в Фаэруне. Мы подхватили пару ваших обычаев.

- Бессмысленная жажда новизны, развращающая старые традиции. – тон Баласара был суровым и помпезным, но затем драконорожденный заулыбался. – Ну или по крайней мере так говорят старейшины клана. Что до меня, то я считаю, что все эти поклонения - глупость. Насколько я могу судить, все, что делает вера – наполняет глупцов вроде моего брата по клану беспокойством и недовольством.

Сгусток плотного тумана прошел рядом с лицом Медраша, почти закрыв его.

- Вера дает нам цель.

- Нужна ли причина лучше, чтобы избегать ее?

И снова Кхорин вмешался.

- Хорошо, это объясняет, как некоторые из вас обрели богов. Но как именно ты откликнулся на зов стать паладином?

- Полагаю, я просто его услышал, - ответил Медраш, - ведь мне это было нужно. Будучи еще совсем молодым, я был позором для своих родителей и для всего клана Даардендриен. Слабый, неуклюжий и – что хуже всего – робкий представитель рода, который славится своими воинами.

Кхорин фыркнул.

- Верится с трудом.
- Возможно, но это правда. Все дети призирали меня. Все, кроме Баласара.
- Все дело в моей доброй душе, - вставил Баласар. – Или моем бунтарском духе.
- В любом случае, - продолжил паладин, - я был готов к жалкому существованию.

Меня могли даже изгнать из клана. Но затем я начал видеть во сне воина со стальной перчаткой. Вначале я даже не знал, что это был Торм, или бог вообще. Но я чувствовал его великолепие, и когда он попросил меня уверовать в него, что мне было терять?

- Ясность ума? – предположил Баласар.

Медраш одарил его раздраженным взглядом.

- Допустим, - сказал дворф, - и что, после того как ты посветил себя богу – или что-то в этом духе – все изменилось?

- Не все сразу, - ответил драконорожденный. – Я не перестал бояться, но я нашел в себе силу воли, чтобы продолжать несмотря ни на что. Я посвятил себя своим воинским тренировкам, ведь впервые я действительно поверил, что могу стать лучше.

- И это тот зуб, что крошит скорлупу, - вмешался второй драконорожденный. – Настрой. Уверенность. Мне не нужно верить, что какой-то бог действительно проявил интерес печальному, тщедушному ребенку, чтобы объяснить то, что произошло дальше.

- Через полгода, - заговорил Медраш, - я стал более сильным, быстрым и умелым воином, чем многие из моих товарищей. Через два года я был лучше почти всех их.

Баласар проглотил кусок фореи.

- Кроме меня. Естественно.

Паладин фыркнул.

- Ну естественно. Позже мне посчастливилось побывать в храме Торма. Я посмотрел на рисунки и статуи и узнал защитника из моих снов. Я принял учение святых поборников и попросил их научить меня быть паладином.

- А что твой клан думает об этом? – спросил Кхорин.

- Они смирились, - ответил он. – Большинство драконорожденных считают тех, кто платит дань богам, немного странными, но они не призирают нас так, как делает Чессента с их магами.

- Клан понял, - подхватил Баласар, - что не важно, откуда у Медраша появились его таланты, если они полезны. В любом случае, нельзя ненавидеть всех одновременно, да и не скоро еще наш народ обратит внимание на богов – Тимантер уже выбрал объекты для гонений.

- Я бы не стал это так называть, - оборвал паладин. – Итак, Кхорин, ты услышал мою историю без прикрас. Теперь ты ответь на вопрос. Я понимаю, почему лорд Никос захотел, чтобы Перру сопровождал эскорт. Я не понимаю, почему один из лейтенантов Аота Фезима возглавляет его. Разве ты ему не нужен в борьбе с мародерами из Трескеля?

«Похоже, - подумал Кхорин, - я не единственный, кто знает, как сменить тему. Но это справедливо. Мне не нужно знать, кому вслед плюют жители Тимантера».

- Я попросился возглавить эскорт. Во время бунта, а потом еще раз в драке с Зеленоруками вы, ребята, спасли мне жизнь.

Медраш пожал плечами.

- Мы вдвоем просто присматривали друг за другом, как и положено товарищам.

- Возможно, - ответил Кхорин, - но я почувствовал, что хочу помочь вам безопасно добраться домой. Кроме того, есть еще одна причина, почему я захотел пойти. Тимантер не так уж и далеко от Восточного Разлома. Там у меня жена, и я не видел ее пару лет. Я надеюсь спуститься вниз по Пыльной Тропе и навестить ее. На грифоне это не так уж и долго.

- Почему же ты не живешь с ней? – поинтересовался Медраш.

Кхорин хмыкнул.

- Эта история не такая счастливая, как ваша. Одна из тех, что я никому не рассказываю, кроме друзей. Когда я был так же молод, как и вы оба – что по меркам дворфов значит быть очень молодым...

Бдительная вскочила на ноги, сбросив своего хозяина. Баласар усмехнулся, но его веселье угасло, когда он видел, что грифон оглядывался по сторонам.

Кхорин поднялся на ноги.

- Что-то приближается.

Его разум судорожно перебирал мысли: «На что у меня хватит времени? Надеть кольчугу? Оседлать Бдительную? Вероятно, ни на что».

- У нас выставлены караулы, - сказал Баласар.

- Которые не видят, что к нам крадутся, - закончил дворф. Булава и ботинок - теперь, он обратил внимание, что за исключением светящихся пятен костров едва видит лагерь. Кхорин прокричал во все горло:

- В тумане что-то есть!

В ответ слышалась ругань. Он с легкостью представил себе своих товарищей, который впопыхах поднимаются и хватаются за оружие, как и сам дворф, подхватывающий ургрош.

Баласар и Медраш подняли свои щиты и обнажили мечи. Молитва слетела с уст паладина, заставляя его клинок сиять серебряным светом, а сам он скривился, от того, что это сияние не особо помогло обнаружить, что же таилось в тумане.

Затем со стороны реки раздался вопль. Один из дозорных умер еще до того как понял, что он в опасности. Спустя мгновение Бдительная, издав оглушительный визг, метнулась в ту сторону.

Кхорин побежал за ней, а Баласар и Медраш – следом, но грифон оторвался от них и растворился в тумане. Затем хлопнули крылья и слышались шипящие хрипы. Бдительная нашла врага.

Догнав ее, дворф едва не запнулся от неожиданности: грифон сражался с существами, не похожими ни на что ранее виденное им. На первый взгляд они немного напоминали людоящеров, но с конечностями и туловищем, укороченными с человеческого до размера дворфа, и гибкой, извивающейся шеей, достаточно длинной чтобы компенсировать потерю в росте. Их чешуя мерцала оранжево-желтыми цветами в свете меча Медраша.

Несмотря на их когти и клыки, они не были ровней Бдительной в ближнем бою. Она уже разорвала двоих и потрошила когтями третьего. Еще четверо, держась в стороне, плюнули в нее чем-то похожим на воду, и она содрогнулась и взвыла.

Кхорин атаковал ближайшего противника. Тварь плюнула в него. Дворф увернулся, но часть жидкости все же попала на него.

Вместо влаги он почувствовал жар. Волна слабости прошла по всему телу. Кхорин споткнулся, и его противник бросился к нему. Клыкастая голова на длинной шее ударила словно змея.

Отказываясь поддаваться слабости, независимо от того, насколько плохо он себя сейчас чувствовал, дворф махнул ургрошем и отрубил голову. Затем он повернулся и ударил второе такое же существо в грудь.

Кхорин осмотрелся и увидел, что Медраш и Баласар тоже прикончили несколько тварей. Похоже, это были все, кто находились в непосредственной близости. К его облегчению, наемник больше не чувствовал слабость, одолевавшую его мгновение назад. Лишь першило в горле, будто он весь день шагал под палящим солнцем без капли воды.

- Куда теперь? – спросил Баласар.

Это был хороший вопрос. Судя по крикам и воплям, Кхорин мог сказать, что под атакой находится весь лагерь. Но если он не видел поле битвы, как он мог понять, где он и его спутники нужны больше всего?

Он сглотнул, пытаясь прогнать сухость из горла.

- Мы пойдем к послу. Защитим ее.

Медраш резко кивнул, и они направились в центр лагеря, к костру Перры. Если удача на их стороне, то, возможно, она не ушла далеко.

Обнаружив еще шипящих длинношеих тварей, они убили их. Раз или два Бдительная одарила Кхорина явно раздраженным взглядом. Возможно, она считала, что сражаться на земле это ниже ее достоинства. Но он боялся, что будет видеть еще хуже, если поднимется с ней в воздух.

Наконец они обнаружили Перру. Атакуя и защищаясь одним из огромных мечей, которыми могли владеть лишь самые высокопоставленные тимантерцы, старая тощая драконорожденная могла за себя постоять. Как и несколько воинов из числа драконорожденных и людей, членов Братства, стоявших с ней в оборонительном кольце. Все же Кхорин решил, что было мудрым решением придти ей на выручку. Десятки длинношеих созданий атаковали их строй.

Дворф ринулся вперед, но Медраш остановил его:

- Стой.

Паладин выпустил яркую, потрескивающую молнию, а его брат по клану – струю серебристого мороза. Несколько атакованных в спину оранжево-желтых существ рухнули.

- Сейчас, - объявил Баласар.

И подмога рванула вперед. Бдительная поднялась в воздух и рухнула на двух атакующих. Ее орлиные когти пронзили их насквозь, когда она навалилась всем своим весом, а ее клюв обезглавил еще одного противника.

Кхорин поддел ногу существа и врезался в его ребра. Другой противник ухватился клыками в ургрош и попытался выдернуть его. Дворф удержал оружие и рывком крутанул его, сворачивая шею рептилии.

- Жабонюх! – завопил Баласар.

Кхорин никогда раньше не слышал такого ругательства, как и не знал, почему драконорожденные могли считать его непристойным. Но он уловил тон – шок и отвращение, перемешанные между собой. Голос Баласара звучал как у любого воина, обнаружившего неприятный сюрприз на поле боя.

Дворф-наемник обернулся как раз вовремя чтобы увидеть, как последние части тела огромного существа возникли в поле зрения. Кончики его крыльев и левая передняя лапа показались из тумана. Светящиеся золотые глаза сфокусировались на Перре; существо сделало вдох. Поскольку его чешуйки были такого же топазового цвета, как и у его шавок, Кхорин предположил, что тварь собирается извергнуться похожей жидкостью. За исключением того, что дыхание дракона будет куда более сильным, и увернуться будет на порядок труднее.

Дворф зарычал и бросился в атаку. Но напрасно. Атака не отвлекла змея. Существо выплюнуло ту странную, ослабляющую жидкость в сторону Перры и ее кольца.

Как раз перед тем, как вещество достигло своей цели, Перра исчезла, а Медраш появился на ее месте. Видимо, паладин использовал свою особую форму магии, чтобы произвести замену.

Дыхание дракона оросило Медраша и других воинов. Некоторые из них попытались заслониться щитами, но это их не спасло. Кхорин поморщился, когда они все повалились.

Клиновидная морда топазового дракона повернулась, без сомнения, ища Перру. Бдительная хлопнула крыльями, поднялась над огромной рептилией, а затем спикировала, готовая пронзить когтями горящие глаза.

Дракон предвидел нападение. Он повернул голову и широко раскрыл челюсти. Инерция атаки Бдительной теперь угрожала ей же.

К счастью, ей удалось увернуться. Дракон потянулся к ней, но зубы ухватили лишь пустоту.

Кхорин подбежал к передней лапе существа и рубанул ее, словно дерево. Когда он высвободил свой ургрош, хлынула кровь.

Он ударил еще раз. Дракон высоко поднял лапу, едва не вырвав оружие из хватки дворфа. Существо топнуло.

Наемник откатился под брюхо животного, чтобы его не раздавили. После того, как земля содрогнулась, дворф попытался нанести еще один удар по чешуйчатому животу, растянувшемуся над ним. Угол был неудобным, и лезвие отскочило, не поразив цель. Кхорин сменил хватку и уколол острием ургроша. На этот раз атака удалась. На мгновение его отчаянье сменилось ожесточенным удовлетворением.

Боль пронзила голову дворфа. Это была ментальная атака, наподобие тех, что практиковал Со-Кехур, аутарх из Анхаурза, которые он использовал, чтобы парализовать его во время битвы у реки Лапендрар.

Кхорин не собирался позволить этому случиться еще и сейчас. Почти ослепленный болью и вызванными ей слезами, дворф продолжал двигаться и колоть.

Так продолжалось, пока топазовый змей не повернулся и не разорвал дистанцию. Кхорин бросился вдогонку, но хлыстоподобный хвост возник из ниоткуда и сильно ударил его в бок.

Следующее, что он ощутил – он лежит, распластавшись на земле, а пульсация в его черепе сменилась на сильную боль во всей нижней части тела. Кхорин попытался подняться и с облегчением обнаружил, что он это может. Удар, вероятно, сломал ему ребро или два, но не раздробил ни одно из них.

Топазовый дракон все еще пытался убить Перру. Кхорин надеялся, что она отступит. Но то ли у нее не было шанса ускользнуть, то ли она, словно дворф из благородного рода, не желала этого.

По крайней мере, она не дралась в одиночку. Наемники сформировали два отряда и сражались так, как Кхорин научил их сражаться с любым огромным противником. Одна группа вонзала в существо свои копья, сохраняя при этом небольшое расстояние. Когда дракон поворачивался к ним, те отступали, а другая группа, используя преимущество, атаковала отвлеченное существо.

Стоя прямо перед щелкающей пастью и острыми когтями змея, демонстрируя потрясающее владение мечом и щитом, а также ловкость, не характерную для драконорожденных, Баласар резал, блокировал и уклонялся. Остальные тимантерцы выбежали из тумана, чтобы напасть на дракона с той же безрассудной смелостью.

Естественно, все эти навыки и смелость чего-то да стоили. Но топазовый дракон нанес удар одной лапой, затем цапнул другой. Баласару удалось отразить его когти щитом, но грубая сила прибила его к земле. Затем змей еще раз распылил свое дыхание. Попад под этот дождь, полдюжины воинов рухнули, и уже ничто не стояло между драконом и Перрой. Существо приготовилось к прыжку.

Бдительная спикировала на дракона. Судя по всему, грифон все это время кружил над его головой, ожидая второго шанса застать огромную рептилию врасплох.

И снова змей как-то предвидел нападение. Он махнул головой в сторону, спасая свои глаза. Но Бдительной по крайней мере удалось врезаться в драконью шею, сразу за черепом. Ее когти глубоко вонзились в желто-оранжевую кожу. Крючковатый клюв вырывал куски плоти.

Дракон издал оглушительный визг. Он тряс своей шеей вперед и назад, но так и не смог сбросить Бдительную. Существо попыталось вцепиться в нее лапами. По-прежнему держась за шею, грифону удалось увернуться от удара.

Для Кхорина все выглядело так, будто у дракона теперь серьезные неприятности, и он решил помочь Бдительной убить тварь. Стиснув зубы от свежего укола боли, он вскочил на ноги и побежал.

Но прежде, чем он смог сократить дистанцию, дракон рухнул на бок. Земля задрожала от его падения, и дворф пошатнулся. Затем существо перекатилось с одного бока на другой, погребая грифона под своим весом. Когда оно поднялось на ноги, Бдительная уже не цеплялась за него. Вдавленная в грязь, с неестественно согнутыми крыльями, она не двигалась. Даже не дышала, как бы пристально Кхорин ни присматривался.

Змей направился к Перре. Кхорин пробежал мимо задней лапы и рубанул его бок.

- Морадин! – проревел он.

Возможно, бог услышал и счел нужным помочь, потому что лезвие топора исчезло в жесткой плоти дракона. И когда Кхорин высвободил его, кровь залила его с головы до ног.

Дракон побежал, развернул свои крылья, прыгнул и взмыл в воздух. Он почти сразу же растворился в тумане.

Кхорин стоял, тяжело дыша, всматриваясь и прислушиваясь, ожидая, что существо решит продолжить сражение с воздуха. Видимо, нет. Приняв во внимание свои раны, особенно те, что оставила Бдительная, и последний удар, должно быть, существо решило отступить.

Когда Кхорин убедился, что дракон улетел, то вспомнил про его приспешников. Большая угроза заставила его на время позабыть о мелкой. Но они все, должно быть, были убиты или тоже сбежали. Дворф больше не слышал звуков битвы.

Кхорин заковылял к Бдительной и посмотрел на разбитое, сплющенное тело – все, что осталось от нее. Горе захлестнуло его, и он стиснул зубы, чтобы сдержаться.

Затем он проверил своих людей, и у тех дела были лучше. Наемники понесли не слишком большие потери, и даже те, кого обдало дыханием дракона, выглядели так, будто быстро смогут восстановиться.

После этого он повернулся к своим новым друзьям. Похоже, змею не удалось толком ранить Баласара – тот сидел, держа кожаный бурдюк у рта лежащего Медраша. Паладин с жадностью пил воду, и его друг забрал у него сосуд.

- По чуть-чуть, - сказал Баласар.

- Как только я немного восстановлюсь, - прохрипел Медраш, - смогу исцелить себя. Затем я могу исцелить остальных.

- Что ж, ты не восстановишься, заставляя себя блевать, - он посмотрел на Кхорина. – Сожалею о твоём грифоне и людях, что ты потерял.

- И я сожалею о ваших потерях, - ответил дворф.

- Во имя первого яйца! – взорвался Баласар. – Я бы понял, если бы тупые чессентцы устроили нам засаду. Или что проклятые дженази придут за нами. Но что, во имя задницы Арамбара, это было?

Кхорин покачал головой:

- Если бы я знал.

- Просто случайная атака? – не умолкал драконорожденный.

- Нет, - ответил наемник. – Дракон хотел убить исключительно Перру. Когда эта тварь решила принять активное участие в битве, то направилась напрямик к ней.

* * * * *

Сулабакс еще не был городом, но уже был большим торговым поселением. Не был он и неприступной крепостью, хотя стены у него были. Это сочетание сделало городок стержнем пограничной обороны Шалы Каранок и обязало Аота иметь дело с Хасосом Торой, бароном этого места и его окрестностей.

Высокий и мускулистый, с длинным носом, властными чертами лица, расхаживающий по своим владениям почти в полном доспехе, даже если ничего не происходило, Хасос был еще одним примером чессентской одержимости военным

искусством. Аот предполагал, что такой человек обрадуется подкреплению. Но пока все выглядело иначе.

- Мне никто не доложил, что вы прибудете, - объявил Хасос.

- Досадно, - ответил всадник. – Но Герой Войны приняла решение в последний момент, и никто не смог бы доставить это сообщение быстрее, чем перемещаемся мы, наездники на грифонах.

- Как много мяса едят эти животные? – поинтересовался барон.

- Много.

- А правда, что их нужно размещать подальше от лошадей?

- Зависит от того, насколько вы ими дорожите.

Барон нахмурился.

- И когда прибудут остальные ваши наемники, я буду обязан предоставить жилье и еду и им? Зима только закончилась. Еды не так уж и много. Я...

Аот поставил свое копье так, что оно уперлось в стол, отбросив тень на карты и документы, лежащие на нем. На острие оружия возникли трескучие вспышки молнии. Испугавшись, Хасос вздрогнул.

- Мне не нужно напоминать, какая сейчас пора года, - начал Аот, - или что у ваших людей такие же потребности, как и у моих. Вместе мы – вы и я – проследим за тем, чтобы у всех было полное брюхо и крыша над головой.

Барон сглотнул.

- Уверять легко, но трудно следовать своим словам.

Наемник сделал глубокий вдох.

- Милорд, я не знаю, почему вы так холодно меня принимаете. Возможно, из-за того, что я маг или тэец. Возможно, потому что вы привыкли быть единственным, кто отдает приказы внутри этих стен. Но меня не интересуют ваши причины. Мне это и не нужно. Вы видите, что я принес верительные грамоты от Героя Войны, и если вы не враг самому себе, то будете считаться с ними.

Он хотел бы, чтобы эти документы давали ему полную, неоспоримую власть над местными силами обороны. Но они не давали. Они требовали от Хасоса предоставить еду и кров Братству, но не призывали сотрудничать с капитаном Фезимом.

Было глупо так вклиниваться в систему командования, но Аот уже смирился с этим. Правители часто колебались прежде, чем дать жадным до денег чужеземцам-наемникам прямую власть над своими доморощенными рыцарями, ведь последние примут это за оскорбление. Без сомнения, чессентские лорды были бы особенно недовольны человеком с магическими способностями.

Хасос скривился.

- Конечно, я выполню приказы Шалы Каранок.

- Рад это слышать. А вы будете рады услышать, что я планирую переложить проблемы с кормлением моих людей и животных на Трескель. Проблема лишь в том, что они, - капитан провел рукой по нескольким картам, - не слишком детализированы. Я хочу, чтобы вы сказали мне, куда направить атаку.

Барон пожал плечами.

- Откуда мне знать?

Аот нахмурился.

- Вы, конечно же, тоже устраивали вылазки, милорд. Или, по меньшей мере, разведку.

- Естественно, мои следопыты следят за границей. Но мне нужна вся моя армия, чтобы просто защищать свои земли.

- Что ж, я полагаю, что защита включает в себя и преследование мародеров даже за границей.

- Конечно, - заколебался Хасос. – Но мы не заходим слишком далеко на вражескую территорию. Мы не можем рисковать и попасть в их ловушки или оставлять надолго наши собственные земли без защиты.

Аот на мгновение закрыл глаза.

- При всем уважении, милорд, вы никогда не одержите верх, ведя такую пассивную игру. Чтобы Трескель прекратил совершать набеги, вы должны наказать их. Их набеги должны прекращаться еще до того, как они начались.

Хасос рассмеялся безрадостным смехом.

- Звучит разумно. Но вы бывали в Трескеле?

- Однажды и недолго.

- Судя по всему, так недолго, что не осознали, насколько опасно это место.

- Милорд, я жил и сражался в Тэе. Сомневаюсь, что я был бы впечатлен.

- Как много драконов вы убили в Тэе?

Аот улыбнулся.

- Это справедливое замечание. Не много, признаю, и я, как любой здравомыслящий человек, уважаю их. Тем ни менее, нам необходимо принять ответные меры.

- Вполне возможно, что их налеты это начало вторжения.

- Более, чем возможно. Герой Войны и лорд Никос считают, что все идет к этому.

- Значит, нам нужно сохранить наши силы для осады.

- Нет, это дает нам еще больше причин первыми нанести удар. Мы можем собрать важные сведения. Украсть или уничтожить их запасы и убить солдат до того, как Великий Костяной Змей сможет использовать их против нас.

- Вы вправе делать все, что хотите, - объявил Хасос. – Но я не отправлю ни одного своего солдата на такую миссию.

Аот проглотил язвительный ответ.

- Я понимаю. Вы поступаете так, как считаете разумным. Хотя бы пару лошадей вы можете мне предоставить?

ГЛАВА 5

19-28-ое число месяца Тарсак, год Извечного (1479 ЛД)

Гаэдинн ненавидел ездить на лошадях. Сами лошади ему нравились, но он предпочитал не заниматься тем, что у него плохо получалось. Он так и не научился

управляться с лошадью с исключительной грацией или ловкостью. Эльфы, что похитили его, не держали таких животных, а после своего освобождения он ездил в основном на грифонах.

Но грифоны были слишком заметными животными для разведки, особенно если учесть, что всадники на грифонах собирались напасть на Трескель. Черная кобыла Гаэдинна и пятнистый мерин Джесри были куда лучшим вариантом. Даже в обедневших малонаселенных землях всадники не были такой уж редкостью, чтобы привлечь внимание, и животные помогли бы им завершить это дурацкое поручение и быстро бежать назад за границу.

Лучник изучил местность впереди, поросшую кустами и редкими деревьями. Холодный северный ветер заставил его зажмуриться, жала дождем лицо. Сбившиеся в кучу черно-серые облака и вспышки молнии дали понять, что дальше, в направлении, в котором они ехали, дождело сильнее.

Гаэдинн взглянул на Джесри. Облаченная в плотный плащ с капюшоном, который отлично скрывал ее светлые волосы, янтарные глаза и прочие экзотические черты, она вполне могла сойти за обычную путешествующую простолюдинку. Ее посох, завернутый в ткань, мог показаться центральной опорой походной палатки или даже удочкой.

- Я бы не отказался от укрытия, - сказал Гаэдинн.

Джесри не ответила. Лучник не удивился. Она не сказала ни слова с тех пор, как они выехали из Сулабакса. Но Гаэдинну наскучило ехать в тишине.

- Думаешь, мы уже пересекли границу? – спросил он и стал ждать ее ответа.

Он так и не последовал.

- Дело говоришь, - сказал Гаэдинн, будто услышал ответ. – Вероятно, нет четкой границы. Кто бы удосужился осмотреть это убогое королевство? Да и где бы нашелся чессентец с необходимыми знаниями? Если они настолько глупы, что боятся магии, то и математику они, наверное, боятся до смерти.

Он выдержал паузу. Волшебница не ответила. Лучник начал чувствовать нешуточное раздражение. Или, возможно, беспокойство.

В любом случае, это подстрекало его провоцировать напарницу, пока он не вызовет хотя бы какую-то реакцию, даже если слова заденут и его самого.

- Ты знаешь, я тут размышляю о том, что подтолкнуло Аота отправить нас двоих на эту миссию. Конечно, я помню, что он сказал. Я умею добывать информацию, будь то дикая местность или цивилизованный мир. Ты – волшебница. Вместе у нас – и только у нас – есть все необходимые навыки.

- Тем не менее, - продолжил Гаэдинн, - Кхорин отправился на юг, что оставило старика без старших офицеров вообще. При обычных обстоятельствах он бы не допустил этого, несмотря ни на что. Думаю, милая Огневласая Леди спустилась с луны и нашептала ему на ухо. Она услышала, как ты говорила, что у нас никогда не получится сбежать вместе, и она решила доказать тебе, что ты не права.

Джесри до сих пор не ответила.

Теперь Гаэдинн знал, что он скорее обеспокоен. Он стер ухмылку со своего лица и убрал насмешливые нотки из голоса.

- Что не так, лютик? Я думал, что понимаю, почему Лутчек так докучал тебе. Во имя Черного Лука, я даже не волшебник, но он и меня бесил. Но мы уже за его

пределами, а ты все равно расстроена. Что я ни скажу – ты только больше хмуришься.

- Я в порядке, - пробормотала Джесри.

- Статуя заговорила! О чудо! Но ведь очевидно же, что ты не в порядке. Скажи мне, в чем дело.

- Нет. Ты просто хочешь уговорить меня, потому что, пока я слаба, ты можешь этим воспользоваться.

Уязвленный, он улыбнулся:

- Нужен ли повод лучше?

Только после того как это слетело с его губ, Гаэдинну в голову пришла мысль, что он мог бы ответить иначе – не издевкой. Но к тому времени девушка снова погрузилась в мертвую тишину.

Лучник решил, что это к лучшему. В конце концов, его не особо волновало, что ее гложет и почему. С чего бы ему переживать? Видит Остроглазый, его никто, включая Джесри, никогда не пытался успокоить.

Небо потемнело, а дождь полил сильнее. Насколько Гаэдинн мог судить, было где-то около полудня, но казалось, будто сумерки. Из-за этого он заметил аванпост только когда они с Джесри подошли слишком близко. И еще потому, что не было никакой смотровой вышки или бастиона, просто баррикады из спутанных ветвей ежевики, перекрывавшие дорогу, с дырой в одном из холмов, между которыми и стояла преграда.

Гаэдинн притормозил свою черную кобылу.

- Разве твой проклятый ветер не должен был нас предупредить об этом?

- Это другая страна, - сказала Джесри. – Я все еще пытаюсь подружиться с ним. Но я никого не вижу. Возможно, это место заброшено.

Словно в насмешку над ее надеждами две фигуры размером с дворфа и головами рептилий показались в проходе. Это были кобольды – одна из варварских рас, которые часто прислуживают драконам.

Лучник сморщился. Заметив этот аванпост вовремя, они с Джесри могли бы объехать его. Теперь же это сложно было сделать, не вызывая подозрений.

Что ж. Как и его напарница, Гаэдинн был одет как потрепанный бродяга, который не искал ничего другого кроме шанса подстрелить, ограбить, стащить, или – при крайней необходимости – заработать себе на пропитание. Он предполагал, что их маскировка не раз подвергнется испытаниям, чем миссия подойдет к концу, и, похоже, сейчас будет первое.

Лучник оставил одну руку на вожжах, а вторую поднял, чтобы показать, что она пуста. Затем он направил свою лошадь вперед. Джесри поступила так же, за исключением того, что подняла обе руки и управляла мерином с помощью коленей. Показушница.

Они остановили скакунов перед баррикадой. На мгновение Гаэдинн задумался, как сгорбленные, мелкие кобольды с их непропорционально большими головами, длинными хлесткими хвостами и мускусной вонью могли быть одновременно так похожи и не похожи на драконорожденных, с которыми ему и его товарищам пришлось познакомиться в течении последних декад.

- Назовитесь, - прохрипел кобольд слева. Как и его напарник, он носил эмблему со скрещенными скипетром и волшебной палочкой – знак Кассур Джедеа. Кассур был номинальным королем Трескеля, хотя все знали, что он подчинялся Аласклербанбастосу как и все остальные.

- Я – Аззедар, - ответил Гаэдинн, - а это – Илзза.

Это были обычные унтерские имена; многие семьи Трескеля имели унтерские корни.

Еще два кобольда прошмыгнули под дождем. Похоже, у них было немаленькое убежище под холмом.

Черная кобыла не была боевой лошастью. Обладание таким ценным скакуном немедленно раскрыло бы маскировку Гаэдинна. Это была самая обычная кляча, которая старалась держаться подальше от рептилий. Лучник потянул за вожжи, чтобы успокоить ее.

- Едете из Чессенты? – спросил тот же кобольд. Блеск в его прищуренных глазах противоречил его небрежному тону.

- О Абисс, нет, - ответил Гаэдинн. – Или почти нет. Может, я и охотился по ту сторону от границы, но не в последнее время. Слишком много патрулей. В основном я просто разбивал лагерь немного к югу отсюда.

- Куда направляетесь?

- На ферму к моему брату. Его сука-жена не пустила бы нас перезимовать к ним, но им нужна помощь с весенней посадкой.

- Что ж, - ответил кобольд, - возможно, они ее получают. Если вы сможете заплатить пошлину.

- Пошлину? – удивился лучник.

- Возможно, ты не слышал, шляясь в глуши, но мы собираемся воевать. Костяному Змею нужны деньги.

Гаэдинн был абсолютно уверен, что ни она медная монета не попадет в казну Аласклербанбастоса из этого аванпоста. Но с его точки зрения, это едва ли было доводом.

- У меня нет денег, - сказал он.

- Но у тебя есть лошади, - ответил кобольд. – Правда, не похоже, что они много стоят, но это уже что-то. Как смотришь на то, что бы добраться до своего брата пешком?

- Подожди, - Гаэдинн стал рыть в седельной сумке. – У меня есть немного тумана грез.

Он вытащил тряпичный мешочек и протянул его.

Рептилия проскочила за баррикады, открыла сверток, и понюхала коричневые дробленые листья.

- У тебя его не особо-то и много.

- Но достаточно, чтобы ты и твои друзья немного повеселились, - ответил Гаэдинн.

- Ой, да возьми уже, и пусть идут себе, - сказал другой кобольд. - Мы промокли.

- Ладно, - ответил первый кобольд, видимо, сержант или что-то вроде того. Он махнул когтистой лапой, и его товарищи начали растаскивать ветки ежевики в стороны.

- Стоять, - загрохотал новый голос. Он был не такой шипящий и на две октавы ниже, чем у кобольдов, да и на чессентском он говорил более уверенно. Возможно, из-за того, что горло и губы этого существа были лучше приспособлены для человеческой речи.

Гаэдинн обернулся. Что-то более или менее напоминавшее человека, за исключением того, что, стоя на своих двоих, ростом оно было с самого лучника, сидящего на лошади, взглянуло на него из темноты внутри норы.

- Кто тут у нас? - зевнуло существо.

- Никто, - ответил сержант. – Простые бродяги.

Тварь вышла на свет и дождь. Возможно, она была какой-то разновидностью кобольдов. У нее были такие же когти, клыки и зеленоватая чешуйчатая кожа. Правда, магия или возможное кровосмешение породили нечто покрупнее, что-то очень напоминавшее неуклюжую родню гигантов – огров.

Большое существо взглянуло на оружие Гаэдинна, пристегнутое к седлу.

- Неплохой лук для бродяги.

Лучник склонил свою голову, проклиная себя за то, что не замаскировал и его.

- Это единственная хорошая вещь, которой я владею, сэр. Надеюсь, вы не заберете его. Это единственное, благодаря чему я и женщина выживаем, когда наступают тяжелые времена.

- Посмотрим, - хмыкнул предводитель кобольдов и обернулся к ним. - Общитесь. И их, и их сумки.

Если Джесри знала заклинание для того, чтобы заставить гиганта изменить решение, или чтобы как-то иначе помочь им выйти из этой ситуации, то сейчас было самое время применить его. До того, как кобольды обнаружат ее посох или золото и серебро, которое они везли с собой. Надеясь подтолкнуть ее к действию, Гаэдинн бросил на нее взгляд и затем почувствовал укол тревоги.

С тех пор как они подъехали к баррикадам, волшебница сидела тихо, опустив голову. Казалось, она пыталась выглядеть запуганной и покорной. Но теперь все прояснилось. Она дрожала.

Да что, во имя Девяти Адов и каждого пламени, что в них горел, с ней происходит? Гаэдинн видел, как девушка, не вздрагивая, сражалась с куда более опасными врагами чем кобольды и огры.

- Слезьте с лошадей, - приказал кобольд-сержант.

Как же Гаэдинну хотелось вонзить стрелу в длинную морду этой рептилии. Но безобидный путник не стал бы поднимать свой лук, поэтому не стал и он. Вместо этого он незаметно вытащил свой меч из-под лука и нанес удар.

Сержант отскочил назад, за пределы досягаемости оружия. Один из других кобольдов метнул копьё. Оно пролетело рядом с головой черной кобылы.

Испугавшись, она встала на дыбы. Застигнутый врасплох, Гаэдинн выпал из седла и, перелетев круп лошади, рухнул на землю.

Кобольды бросились за ним. К счастью, чтобы добраться до лучника, им нужно было преодолеть баррикаду и испуганную лошадь, которая как раз пустилась галопом вниз по тропе. Это дало Гаэдинну время вскочить на ноги и встретить первого противника ударом меча, который распорол ему живот.

Копья полетели в наемника, но он сбил их в полете. Задняя нога попала в лужу, когда он решил отступить, чтобы мелкие рептилии не смогли окружить его. Затем своим боковым зрением лучник заметил, как что-то маячит с фланга. Он повернулся в ту сторону, когда длинная, окованная медью булава кобольдообразного существа со свистом полетела ему в голову.

Инстинкты воина уберегли его от попытки парировать этот удар, который наверняка сломал бы меч и, возможно, руку. Вместо этого он уклонился и полоснул предплечье противника. Тварь взревела.

Почти сразу же, прежде чем существо смогло отвести булаву для очередного удара, наемник резанул второй раз. Последний удар был не таким точным – он прошел мимо туловища противника, но, по крайней мере, задел его ведущую ногу. Тварь пошатнулась назад, а Гаэдинн обернулся как раз вовремя, чтобы отбить летящие копья мелких кобольдов. Отразив их, он заметил, как из норы вылезли еще кобольды.

- Джесри! – прокричал он. – Проклятье, сделай уже что-нибудь!

Но она продолжала сидеть с округлившимися глазами, будто он уже сбежал, заметив слабое место в обороне противников. Волшебница даже не подняла бы голову, чтобы посмотреть на драку, из которой, похоже, Гаэдинну не выбраться.

Вожак бросил свою булаву, повернулся и побежал в сторону Джесри. Застигнутая врасплах или просто скованная ужасом, она даже не попыталась сопротивляться, когда существо схватило ее, стянуло с седла, и подняло в воздух как игрушку.

- Брось свой меч! – рявкнуло оно. – Или я ей руки оторву!

По-видимому, доблесть Гаэдинна впечатлила лидера кобольдов, и он не захотел рисковать и терять еще хоть кого-то из своих солдат или получить новые раны.

Согласиться на это было идиотизмом. И бездействие Джесри лишало ее права упрекать лучника в его решении, а попытки докричаться до нее вряд ли помогли бы, хотя Гаэдинн скорее бы ухватился бы за мизерный шанс, чем вообще не попытал удачу.

Тем ни менее, он не знал, хватит ли ему духа проигнорировать угрозу. Но пока он раздумывал, Джесри наконец пришла в себя.

Возможно, осознание того, что ее на самом деле схватили, коснулись, разбудило ее. Джесри неожиданно закричала и начала барахтаться, и хотя ее бешенство не было частью заклинания – никаких четких команд или слов силы, или плавных магических движений – магия все равно ответила ей. Лицо существа вспыхнуло огнем.

Неуклюжая тварь взревела, попятившись назад, и позволила Джесри упасть, чтобы можно было прихлопнуть пламя на лице. Туша рухнула на баррикады. Вероятность того, что шипы проколют его толстую шкуру была невелика, но Гаэдинн был рад любой помощи.

Джесри обернулась к своей лошади в тот момент, когда животное решило умчаться вслед за черной кобылой вниз по тропе. Волшебница выговорила короткое заклинание, и мерин резко затормозил, почти уткнувшись мордой в землю. Даже несмотря на то, что Гаэдинн не был целью заклинания, его мышцы точно так же сжались и замерли.

Джесри метнулась к лошади и схватила свой посох. Полоски сыромятной кожи развязались сами собой.

Пара кобольдов бросилась к Гаэдинну. Он размазал глаз первого противника по его лицу точным ударом и остановил второго, отрубив стальной наконечник его копья.

Затем наемник пробил себе путь таким образом, чтобы оказаться между Джесри и кобольдами. Теперь, когда она стала полезной, его задачей было держать противников подальше от нее, пока она накладывает заклятия.

Гаэдинн рассек бок кобольду и затем ушел в сторону от копья. Почти удачно – стальной наконечник разрезал его куртку и рубашку, пройдя вдоль ребра, потому что безобидные браконьеры, Гласия их побери, не носят кольчуги. Наемник прикончил нападавшего до того, как тот смог подтянуть оружие чтобы уколоть им еще раз.

За его спиной Джесри запела рифмами. Какое-то мгновение переливы радуги мелькали в воздухе. Дождь пошел вверх, поднимаясь из луж напрямик к облакам. Точка красного света пролетела мимо Гаэдинна и направилась прямо в нору, где с грохотом взорвалась огнем. Взрыв разорвал кобольдов, которые только вышли, на горящие дергающиеся клочки.

Джесри протараторила новое заклинание. Большие и маленькие куски земли с грохотом откололись от того, что служило крышей норе. Обвал не заполнил проход целиком, но больше кобольдов оттуда уже не появится.

Когда только что появившиеся рептилии увидели, на что способна Джесри, они заколебались. Задыхаясь, Гаэдинн задумался, сможет ли он и его напарница пройти дальше без драки с оставшимися противниками.

Затем огромное существо взревело. Лучник оглянулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как оно побежало к девушке. Его лицо превратилось в обугленную, сочащуюся массу. Огонь уже потух, забрав глаз существа.

Джесри произнесла слово силы и нанесла удар концом посоха. Желтое пламя в виде веера выпрыгнуло из волшебного оружия. Атака обожгла ее противника, но тварь продолжала наступать, занеся булаву для сокрушительного удара.

Гаэдинн был слишком далеко, чтобы встать между волшебницей и вожаком кобольдов, поэтому он метнул свой меч.

Он не был экспертом в метании ножей, как и клинок не был сбалансирован для метания. Врезавшись, оружие ударило плоской стороной, а не острием и нанесло не больше вреда, чем брошенная палка.

Но это ошеломило тварь, и она оглянулась. Возможно, именно эта запинка дала Джесри достаточно времени для последнего заклинания. Она топнула ногой, и земля разверзлась под ногами вожака. Он взвыл, упав в пропасть. Существо выкинуло булаву, чтобы ухватиться за край, но не смогло удержаться.

Выхватив охотничий нож, который он носил на своем поясе, Гаэдинн развернулся лицом к оставшимся кобольдам. Это не было лучшим оружием для человека, сражающегося с несколькими противниками, но, к его облегчению, рептилии выглядели еще менее склонными продолжать бой, чем раньше.

Один из них заговорил на их грубом, шипящем языке. Затем они отступили, сперва держа оружие наготове, а потом развернулись и бросились наутек.

Гаэдинн проследил, чтобы убедиться, что их отход не был уловкой. Похоже, что нет.

- Ты в порядке? – спросил он.

- Да, - ответила Джесри, высматривая кобольдов, как и лучник. – А ты?

- Царапины, - его взгляд начал сверлить напарницу взглядом. – Немного целебной мази будет хорошим решением. Что с тобой случилось?

- Этого не повториться.

- Я не об этом спросил.

- Но это все, что я намерена тебе сказать.

- Проклятье, женщина, моя жизнь тоже была в опасности.

- Этого не повторится! – ее голос был холодным, как лед.

- Как обнадеживающе, - вздохнул наемник. – Ты знаешь какие-нибудь чары, которые помогут нам поймать лошадей?

* * * * *

Братство провело свой первый успешный набег на территорию Трескеля. Теперь они направлялись с награбленным в Сулабакс. Нагруженные мешками муки и зерна, повозки скрипели и грохотали. Тощая овца заблеяла, и козы ответили тем же.

Наблюдая за этим с укреплений ворот, Аот вдруг подумал, что он и его люди только что обрекли кучу крестьян на лишения, если не на голод. Они не оставили бедолагам ничего из того, что можно было съесть или посадить, и единственное тому оправдание – фермеры жили не с той стороны границы.

На какое-то мгновение он почувствовал вину, что было глупо, ведь он отдавал подобные приказы много раз до этого и, если Госпожа Удача улыбнется, отдаст еще много раз. Такие грабежи – всего лишь часть войны.

Тем не менее, лучше было бы сосредоточиться на реакции людей на улице внизу. Они смотрели, улыбались, болтали друг с другом – люди казались счастливыми от того, что кто-то, наконец, навредил Трескелю так, как Трескель навредил им, даже если для этого потребовался боевой маг.

Аот обвел рукой сцену внизу:

- Видите, милорд, со всадниками, которые наблюдают с высоты, мы можем найти то, что хотим, нанести удар и скрыться до того, как драконы и им подобные даже поймут, что мы там были.

Губы Хасоса скривились.

- В первый раз вам повезло, капитан. Это не значит, что вся ваша стратегия будет выигрышной.

Барон держался еще более холодно, чем раньше. Возможно, ему казалось, что быстрый успех наемников указывал на его собственные недостатки как солдата.

Если так, то Аот был согласен с ним. Но он не хотел, чтобы Хасос затаил обиду на него. Это усложнит работу. К сожалению, наемник не знал, что с этим можно поделать, кроме как продолжить предлагать барону шанс поучаствовать в его начинаниях, чтобы разделить успех.

- Как бы то ни было, - сказала Цера Иуртос, - мне кажется, что это начало великих последующих побед.

Невысокая, курносая и привлекательно пухленькая, Цера была одной из немногих высокопоставленных лиц, которые решили подняться на вершину врат, чтобы посмотреть, как в город ввозят награбленное. Ее вьющиеся волосы, желтые, как и ее облачение, выдавали в ней верховную жрицу бога солнца.

У нее была теплая сияющая улыбка, хотя после знакомства с Даэлриком Апатосом Аот удивился, обнаружив, что она направлена ему.

Хасос склонил голову.

- При всем уважении, повелительница солнца, возможно именно поэтому вы и жрица, а не солдат.

- О, весьма вероятно, милорд. Капитан, теперь, когда ваше присутствие в нашем сонном городок становится все более заметным, я думаю, нам стоит познакомиться поближе.

Аот поклонился:

- Сочту за честь.

- Возможно, мы могли бы начать с прогулки вдоль этой стены.

Наемник выглянул за край колоны и дальше, убеждаясь, что там никого нет.

- Звучит неплохо.

Хозяйка храма казалась скорее кокетливой, чем величавой; она подошла, чтобы взять его под руку, а затем неловко улыбнулась, когда заметила то, что было у нее на пути. Аот взял копье в другую руку, и они начали свою прогулку вдоль стены. Наемник поймал себя на мысли, что чувствует, как взгляд Хасоса сверлит его затылок.

Цера взглянула на синее небо над полями, испещренными ростками молодой зеленой травы.

- Здесь, в Чессенте, у нас есть выражение: «Драгоценный, как солнечный день в Тарсак».

Аот улыбнулся.

- Боги знают, у наемников есть причины не любить это время года. Нужно выйти из своей берлоги и начать зарабатывать деньги. Конечно, тебе в любом случае придется этим заняться. Ты обезумеешь от скуки, сидя в четырех стенах. Но в итоге всегда заканчиваешь тем, что будешь идти через бурю и грязь.

- Прямо как мужчина и женщина, которые уехали на следующий день после вашего приезда.

Наемник начал хмуриться, но сразу же взял себя в руки. Его инстинкты подсказали, что лучше всего будет продолжить разговор не выдавая эмоций:

- Вы следите за нами?

- За вами все следят, капитан. Вы – объект всеобщего любопытства. Так будьте же галантны и удовлетворите мое. Кем были те люди?

- Просто разведчики.

- На лошадях. После того как я наслушалась, как вы превозносите преимущества разведки с воздуха.

- С высоты можно увидеть то, что не увидишь с земли, но иногда и обратное тоже верно.

Они поднялись к караульному. Он был одним из людей Хасоса и выглядел так, будто не мог решить, сколько почтения он должен проявлять к Аоту. В конце концов, караульный решил отсалютовать, и наемник повторил его жест копьем.

- Интересно, - подытожила Цера. Аоту было трудно сказать, что она имела в виду - его объяснение по поводу шпионов или реакцию караульного на него. - Знаете, вы кажитесь очень... практичным человеком. Если бы пришлось угадывать, то я бы сказала, что вы не интересуетесь ни одной религией, не говоря уже о безумном культе вроде Церкви Чазара.

- Что ж, это ответ на один из моих вопросов. Дазлрик отправил вам сообщение, выражающее его мнение обо мне.

- Одно из моих величайших благословений - то, что мой настоятель пишет мне так часто и подробно свои наблюдения и инструкции.

- Что ж, он ошибся на мой счет. Мне нет дела до Церкви Чазара. Я не дал ему поджарить болванов на том параде, потому что боялся, что это приведет к бунту, - он улыбнулся. - Правда, прежде чем мы уехали, Лутчек все равно взбунтовался. Но, по крайней мере, я старался.

Внизу под ними наемники погнали коз и овец в загон мясников. Прочие телеги направились в сторону пекарей.

- Приятно это слышать, - ответила Цера. - В небезопасные времена людям нужно верить в истинных богов и правителей, которых боги назначили, чтобы присматривать за ними.

- А вы уверены, что Чазар не истинный бог? - спросил Аот, чтобы увидеть ее реакцию. - Определенно, вы знаете куда больше меня о таких вещах. Но насколько я понимаю, он не первое существо, которое сперва было смертным, а затем возвысилось до бога.

- Если бы он был истинным богом, то не исчез бы.

- А разве Амонатор не исчезал? На много столетий? Когда я был молод, он был лишь далеким воспоминанием без почитателей или алтарей с его именем.

Жрица улыбнулась:

- Когда вы были молоды, надо же! Вы не кажетесь мне таким уж дряхлым и усохшим. Но, что до Хранителя Желтого Солнца, мы знаем, что он был с нами все то время в облике Латандера, Повелителя Утра.

- В таком случае, не мог ли и Чазар сменить свой облик? Истории говорят, что он всегда был оборотнем - иногда мужчина, иногда змей.

- А вы уверены, что вы не сектант?

- Клянусь. Если я и молюсь, то только Коссуту.

Цера склонила голову.

- Не Темпусу или какому-нибудь другому богу войны?

- Во время войны с зулкирами, когда мы с товарищами сражались против некромантов и нежити, что они насылали на нас, жрецы огня были нашими верными союзниками. Я этого никогда не забуду.

Ему пришлось признать, что даже спустя все это время, он так и не забыл Чати, жрицу Повелителя Огня. На мгновение печаль бросила на его лицо тень.

Голубые глаза Церы сузились. Видимо, она заметила эти мимолетные изменения в его настроении. Вместо того, чтобы спросить в чем дело, она сказала:

- Это понятно, и Коссут – законный объект для почитания, поэтому я не буду докучать вам прочими теологическими аргументами, объясняя, что технически он тоже не бог.

- Повелительница солнца столь милосерда, сколь и мудра.

- Благодарю, - улыбнулась Цера. – А вы почти не выглядите таким диким и растленным, какими обычно кажутся тэйские маги и наемники.

- Я пытался научиться откусывать головы котят и щенкам, но у меня больные зубы.

- Возможно, я устрою банкет, чтобы остальные увидели то же, что вижу я. Это может помочь облегчить вам работу здесь.

- Если они готовы есть за одним столом с заклинателем, то звучит неплохо.

- О, они придут, если я их приглашу. Тем более, мы все боимся Великого Костяного Змея, а вы здесь, чтобы защитить нас. Итак, давайте вернемся? Мне вскоре нужно быть в храме: будет не очень хорошо, если верховная жрица хранителя времени опоздает.

Пока они прогуливались назад тем же путем, Цера рассказывала о людях, которых Аот может встретить на предстоящем мероприятии. Забавная, полная сплетен, а иногда и непристойностей дискуссия длилась достаточно долго, чтобы они снова оказались на верху врат.

Хасоса и его спутников уже не было. Аот подвел Церу к ступенькам, которые вели на землю.

Хотя Сулабак едва ли был одним из крупнейших городов-крепостей на востоке, сами ворота впечатляли. Деревянная лестница по спирали спускалась вниз в закрытой башне, у которой была лишь пара узких окон, похожих на бойницы, чтобы осветить путь.

Тусклый свет не создавал неудобств поцелованным пламенем глазам Аота. Однако теснота вынуждала спутников прекратить идти под руку. Жрица жестом предложила ему идти первым.

Они преодолели где-то треть пути, когда наемник заметил нечто, из-за чего он резко остановился. Цера врезалась в его спину, и он был рад, что толчок был слабым. Ему не хотелось бы, чтобы жрица столкнула его на ступени ниже.

Он не только мог видеть в темноте и даже дальше, чем грифоны: мир открывался Аоту в мельчайших деталях. И когда он был уже готов перенести свой вес на следующую ступень, то заметил паутину из крошечных трещин, пронизывающую полдюжины ступеней сразу под ним.

- Что-то не так? – поинтересовалась Цера.

Аот вытянул свое копье и дотронулся острием до первой ступени под ним. Большая ее часть рассыпалась. Затем он коснулся следующей. Она тоже распалась. Осколки застучали по неповрежденной части лестницы под ними.

- Они были в порядке, когда мы поднимались, - сказала жрица.

- Были.

Какое-то заклинание или алхимический состав ослабило лестницу в тот короткий промежуток времени, когда спустился Хасос и начали спускаться они.

Если бы не его нечеловечески острое зрение, которое Аот так любил скрывать от мира, ловушка могла бы сработать. Правда, у него была татуировка, которая

могла обеспечить мягкое приземление, если он упадет, но на активацию магии нужно время. Застигнутый врасплох и упав с относительно небольшой высоты, он мог бы разбить голову или сломать ногу прежде, чем справился с татуировкой.

Послышался стук шагов вниз по лестнице. Кто-то сидел в засаде, ожидая, чтобы прикончить Аота, если падение не убило бы его. Теперь, когда стало ясно, что цель не упадет, убийца пытался уйти.

Как же наемнику хотелось, чтобы он смог разглядеть ублюдка. Но даже заколдованные глаза не могли видеть сквозь дощатую лестницу, заграждающую обзор.

Зато Аот мог отправиться в погоню. Он активировал татуировку и прыгнул в дыру, образованную рассыпавшимися ступенями, и побежал вниз.

Наемник спустился в самый низ и выбежал на улицу, что шла параллельно стене. Разного рода люди шли по своим делам – все ахнули и отпрянули, когда он выскочил в их толпу с копьем наготове.

- Кто-нибудь выбегал из этой двери передо мной? – спросил Аот.

На протяжении мгновения, которое показалось вечностью, все только глазели на него. Затем женщина с ногами мертвого цыпленка, торчащими из ее плетеной корзины, отрицательно покачала головой.

- Замечательно, - вздохнул Аот.

Неудавшийся убийца, видимо, вышел из дверей невидимым либо использовал заклинание или талисман, чтобы переместиться в пространстве и успешно сбежать.

Наемник зашагал назад и поднялся по лестнице; теплый желтый свет окутал его. Цера по-прежнему стояла там, где он ее оставил, но теперь она светилась. Она воззвала к своим силам на случай, если бы пришлось защищаться, а ее решительное выражение лица заметно контрастировало с обычным беззаботным видом.

- Все в порядке, - объявил Аот. – Ну, не совсем. Я хотел узнать, кем был тот сукин сын. Но в любом случае, он ушел.

* * * * *

- Видишь дракона? – спросила Джесри.

- Что? – удивился Гаэдинн, заерзав в седле. – Где?

Это был один из тех моментов, когда он казался искренне смущенным. Несмотря на потенциальную угрозу и паршивое настроение волшебницы, это дало девушке возможность позлорадствовать над тем, как мастер разведки растерялся, проглядев такую серьезную угрозу.

Хотя, по правде говоря, ей пришлось признать, что было на удивление легко проглядеть синего дракона, летящего на фоне голубого неба. К счастью, ветер в этих фермерских землях теперь был ее другом, и в результате ей не нужны были глаза, чтобы узнать о приближении существа.

- Просто скачи дальше, - сказал Гаэдинн. – В Трескеле драконы что-то вроде дворян, а не хищные звери. Похоже, они нас не беспокоят, пока мы не будем делать ничего подозрительного.

Видимо, он подумал, что замечание поможет, если Джесри вдруг снова на грани паники. В свете ее поведения у заставы кобольдов, у него было полное право, но это все равно раздражало девушку.

- Я знаю, что делать, - отрезала она. Джесри подтвердила это, прищипорив лошадь и отправив ее рысью вверх по грязной дороге в Морктар.

С расстояния Морктар выглядел довольно впечатляющим городом с многочисленными башнями, возвышавшимися над зданиями, сгрудившимися вокруг них. Джесри предположила, что со стороны моря город покажется еще более величественным. Поскольку Морктар – единственный глубоководный порт Трескеля в море Аламбер, то, судя по всему, самым оживленным местом были доки и склады, прилегающие к ним.

Хотя у волшебницы не было причин переживать об этом. До тех пор, пока она не поддастся искушению подняться на борт отплывающего корабля и сбежать. Она и Гаэдинн были здесь среди разведчиков, охотников и прочих, кто пытается сколотить состояние в холмах и горах, называемых Небесными Всадниками, и часто проходит через Морктар на своем пути.

Синий дракон полетел в сторону города, а затем второе такое же существо показалось над зданиями. Удивленная, девушка остановила лошадь. Гаэдинн догнал ее и встал рядом.

Драконы начали летать по кругу друг за другом. Спустя мгновение, Джесри заговорила:

- Я не могу их услышать с такого расстояния, но, думаю, они разговаривают.

- Уверен, что так и есть, - ответил Гаэдинн. – Судя по всему, драконы – болтливые существа. Но они не только этим занимаются. Я видел нечто подобное раньше и теперь никогда не забуду. Каждый змей пытается подняться выше другого. Учитывая твою близость с воздухом, если ты просто поищешь течения и восходящие потоки, то увидишь это четче, чем я.

Волшебница обратилась к своему восприятию. Оно отчасти было зрением и отчасти – ощущением на расстоянии.

- Да. Ты прав.

- И обрати внимание на запах вокруг – будто гроза приближается. Посмотри на мерцание у них во рту. Даже отсюда видно вспышки, будто мерцающая звезда. Сомневаюсь, что в этом есть смысл. Трудно навредить дракону той же стихией, с которой он сам делит родство. Но это их инстинкт – приготовить оружие, несмотря ни на что.

- Выходит, они готовятся к дуэли. Интересно, почему.

- Понятия не имею. Но что я точно знаю – я бы не хотел оказаться в городе под ними, пока они выясняют отношения. Давай посмотрим отсюда.

Так они и поступили – наблюдали за рептилиями еще какое-то время. Затем драконы нырнули в сторону зданий вниз. Один скрылся в улицах в северной части Морктара, а второй – в южной.

Гаэдинн пожал плечами:

- Ну, что бы они ни делили, похоже, все улажено.

- Видимо, - ответила Джесри. Она была немного разочарована. Как часто выпадает шанс посмотреть, как драконы сражаются друг с другом?

- Тогда вперед? – лучник провел рукой. Волшебница кивнула, и они отправились дальше.

К тому времени как они добрались до окраины города, ясное небо затянуло серыми облаками, пришедшими со стороны моря. Улицы кишели представителями самых разных рас. Люди. Кобольды. Гоблины, ростом не выше Кхорина, с заостренными ушами и красноватой кожей, и орки со свиными клыками, а иногда и с одним выколотым глазом в честь своего божества-покровителя Груумша.

Независимо от своей расы, если создание было хорошо вооружено и вело себя как воин, то часто носило значок, изображавший скипетр и волшебную палочку. Морктар был полон солдат, некоторые из которых, вероятно, были наемниками, прибывшими морем. Все это лишний раз подтверждало, что Трескель действительно готовится к вторжению.

Джесри подумала, что в более благоразумном мире она и Гаэдинн уже мчались бы назад к Братству, чтобы донести эту ценную информацию. Но это был не такой мир: они должны продолжить их бессмысленное поручение – найти существо, которое наверняка погибло в катаклизме, который уничтожил даже более могущественных созданий и изменил лик всего Фаэруна.

Они медленно продвигались по битком набитым улицам, и волшебница начала беспокоиться, что они не найдут стойло для лошадей или ночлег для себя. Гаэдинн решил эту проблему. Серебряная монета и обещание, что он получит еще, убедило трактирщика позаботиться о двух двух скакунах, и что нет ничего плохого, если два усталых путника переночуют на сеновале.

К тому времени солнце уже село. Они поужинали рыбным рагу с ржаным хлебом и элем в общей комнате в таверне, а затем отправились назад на улицу. Джесри напряглась от толкотни. Пока она ехала верхом, было достаточно неприятно, когда люди всего лишь задевали и сдавливали ее ноги. Теперь, когда она была в самой толпе, было еще хуже.

Но девушка стерпела это – ей пришлось. Джесри поймала на себя взгляд Гаэдинна, который частенько поглядывал на нее, наблюдая за ее состоянием. Она одарила его угрюмым выражением лица.

Возможно, он этого и не заслужил, ведь он не терял времени, ведя ее по узкой, извилистой улице, где названия таверн были чем-то вроде «Пять Кусков» или «Блаженство Горняка», а торговцы продавали лопаты, кастрюли, промывочные лотки, ловушки, луки и рогатины. Хоть лучник тоже никогда раньше не был в Морктаре, Джесри понятия не имела, как он нашел нужную часть города так быстро. Казалось несправедливым, что человек, выросший в лесу, чувствовал себя как дома и в городах. Особенно если учитывать, что сама она редко чувствовала себя так непринужденно хоть где-нибудь.

Пока они брели от одной прокуренной шумной таверны к другой, Гаэдинн представлялся лесником и охотником, кем он собственно и являлся, и горняки приняли его за своего. Джесри молча смотрела, как он заказал всем выпивку, пару раз нелепо похвастался, отпустил несколько грязных шуток и плавно перевел разговор на странные истории и слухи из глуши. Наверное, только потому что она оставалась в стороне от разговора, она единственная заметила, что за ними кто-то наблюдал.

Невысокий мужчина сидел в одиночестве в темном, ближайшем к двери углу. На нем была такая же грязная, залатанная, рваная одежда, как и у всех, кто был в комнате, но судя по его бледному лицу и рукам, он не провел много времени под солнцем и дождем. Он не то чтобы пиялся на Гаэдинна, Джесри или горняков за их столом, но его темные глаза с подглазинами все время возвращались к ним.

Девушка задумалась, как бы получше выяснить, кто он и чего хочет. Она все еще размышляла, когда незнакомец резко поднялся и вышел на ночную улицу.

Джесри схватила за свой посох, который по-прежнему был закутан в ткань, чтобы скрыть редкое и ценное черное дерево с вырезанными золотыми рунами. Обертка ослабляла ее магическую связь с артефактом, но не делала его бесполезным. Волшебница немного выждала, а затем поднялась и направилась к двери. Гаэдинн вопросительно уставился на нее. Она подняла свою руку, говоря ему оставаться на месте.

Хоть Джесри лишь незначительно отставала от наблюдателя, к тому времени как она вышла за дверь, его нигде не было видно. Она шепнула ветру, который принес как вонь городского мусора, так и соленый запах моря. К сожалению, он не обнаружил никакого бледного мужчину.

- Что происходит? – спросил Гаэдинн.

Испугавшись, Джесри резко обернулась, обнаружив его позади себя.

- Я же дала знак оставаться, - сказала она. Но лучник не остался, потому что больше не доверял ее состоянию и суждениям.

- Мы все равно здесь закончили, - ответил он. – Ты чего вскочила со стула?

- Кто-то наблюдал за нашим столом. Я хотела выяснить почему, но он каким-то образом скрылся от меня.

Гаэдинн осмотрелся.

- Что ж, он мог прошмыгнуть в любую из этих дверей, да и до поворота улицы не так далеко. Кто, по-твоему, это был?

Девушка пожала плечами.

- Кто-то, кто пытался сойти за горняка. Больше ничего не могу сказать. Надеюсь, он не был шпионом, который ищет вражеских лазутчиков к югу от границы.

- Даже если и так, мы не сделали ничего выходящего за рамки. Думаю, он скорее всего был осведомителем местной гильдии воров. Я немного подсорил деньгами. И даже, несмотря на капюшон, затеняющий твоё лицо, и плащ, скрывающий фигуру, любой наблюдательный человек скажет, что у тебя достаточно монет для любого из местных заведений.

Джесри сердито уставилась на него.

Гаэдинн усмехнулся в ответ.

- Факты – есть факты, лютик. Суть в том, что если мы и дальше будем настороже, то сможем справиться с кучкой головорезов, - наемник запнулся. – Сможем же?

- Да, - ответила волшебница, скрипя зубами. – По-твоему мы узнали что-то?

- Полагаю, ты и сама слышала почти все. У многих есть истории о драконе, рычащем в ночи. Проблема в том, что эти рассказы неточны: одни говорят о склоне, другие – о верхушке горы, где он рычит. Но я только что узнал имя парня, который собирает информацию о Небесных Всадниках, а затем продает ее звероловам,

которые ищут исключительно дорогие шкуры, или старателям, ищущим золотые жилы.

- Другими словами, жулик.

Гаэдинн заулыбался.

- Ставлю на это свою жизнь. Или, по крайней мере, чью-нибудь жизнь. Но я также держу пари, что он собирает и правдивую информацию, чтобы его ложь звучала убедительнее. И поэтому он не против продать и ее, когда есть спрос. Так что, сходим и узнаем?

Джесри продолжала высматривать бледного мужчину и любых таящихся бандитов, пока лучник вел ее в захудалую тупиковую улицу. Она не заметила никого подозрительного, как и ветер, с которым она переговаривалась. Возможно, наблюдатель осознал их силу и решил поискать более легкую добычу.

Волшебница обратила внимание, что здания здесь были меньше обычных, с окнами, расположенными ниже к земле. Какой-то строитель наклепал с десяток жилых домов для тех, кто был ниже людей.

Гаэдинн постучал в одну из низких дверей и стал ждать. Через некоторое время в двери со скрипом открылась щель, из темноты которой выглянул полурослик.

- Добрый вечер, - поздоровался лучник. – Я и моя спутница направляемся к Небесным Всадникам. Нам нужна информация, чтобы обеспечить успешное путешествие.

- А мне нужно серебро, чтобы открыть эту дверь, - ответил полурослик. Из-за своего размера их раса, как правило, обладала более высоким голосом, чем люди, а от возраста голос их собеседника стал еще тоньше. Тем не менее, она была более чем уверена, что с ними говорил мужчина.

Гаэдинн достал монету и эффектно продемонстрировал ее. Она исчезла в щели, и дверь открылась. Несмотря на то, что раны и шрамы были для Джесри не в новинку, ей пришлось подавить желание уставиться или вздрогнуть от вида того, кто стоял с другой стороны.

Полурослику не доставало глаза, уха и части белых волос с правой стороны его головы. На их месте были глубокие багровые горизонтальные рубцы. Правой ладони и части предплечья тоже не было, и хотя правая нога была на месте, она была короче левой, из-за чего тело бедолаги клонило в сторону.

Он повернулся и, прихрамывая, повел своих гостей по комнате с низким потолком, освещая путь свечей. Медвежьи и волчьи шкуры, стеллажи с рогами и оружие, подогнанное под размеры полурослика, висели на стене. Несколько карт лежало на столе вместе с крючками и кожаными манжетами, которые хозяин дома, по-видимому, носил, когда ощущал потребность в протезе.

Джесри почувствовала какое-то воодушевление. Судя по всему, этот полурослик мог на самом деле хорошо знать Небесные Всадники в те дни, когда какой-то зверь еще не искалечил его.

Она махнул своей оставшейся рукой на скамейку с отслоившейся и облупленной краской, которая выглядела так, будто он притащил ее из городской свалки.

- Это единственная достаточно большая вещь, чтобы люди могли на ней сидеть.

- Спасибо, - ответил Гаэдинн.

Полурослик плюхнулся на стул.

- Что конкретно вам нужно?

- Мы слышали истории, - начал лучник, - о драконьих рыках ночью где-то высоко в горах.

- И?

- Драконьи логова полны сокровищ, - улыбнулся Гаэдинн.

- И ты думаешь, что вы сможете их унести? Вдвоем? – фыркнул калека.

- Истории говорят, что этот самый змей испытывает некие неудобства.

- Но это по-прежнему дракон.

- Мы не намерены с ним сражаться. Просто хотим проскользнуть в его логово, набить карманы парой увесистых самоцветов и жить как лорды остаток своих дней. Полурослик ерзал на своем стуле, будто не мог сесть удобно.

- Звучит так, будто у вас уже все схвачено. Зачем же вам я?

- Истории либо неясно, либо противоречиво говорят о месте нахождения этого дракона.

Изувеченный охотник ухмыльнулся, демонстрируя свои редкие, потемневшие зубы.

- Оно и понятно, если существо появляется только ночью. И учитывая то, что дураки вечно теряются в Небесных Всадниках. Люди, которые видели или слышали змея – если такие и вправду есть – возможно даже не знали, где они находились.

- Думаете, кому-то это удалось? – спросила Джесри. – Я имею в виду, увидеть его.

- А какая разница? – полурослик снова заерзал. – Ты и твой мужчина уже решили, что они видели змея, в противном случае вы бы не пришли сюда. Не похоже, что мои слова смогут переубедить вас.

- Наверное, вы правы, - ответил Гаэдинн. – Так, вы поможете нам?

- Возможно, - сказал охотник. – Я слышал все те же истории, что и вы, и даже больше, и знаю горную местность, могу распознать детали, которые вам ничего бы не сказали. Я могу выдвинуть отличную догадку, где вам стоит начать поиски, но только если вы убедите меня, что это стоит моего времени.

- Я уже дал вам серебряную монету. Как насчет еще четырех?

- Это мизерная цена за информацию, которая сделает вас богачами – это ваши слова. Как насчет десяти золотых?

- Если бы у нас были такие деньги, нам не нужно было бы гоняться за драконами. Как насчет этого? Мы отдадим десятую часть улова?

- Звучит прекрасно! Я ведь уверен, что вы вернетесь нагруженные бриллиантами и рубинами, так же как уверен, что вы сдержите свое слово.

- Я вас понял. Мы заплатим три золотых, но клянусь Подругой Торговца, больше мы не можем дать.

- Давай их сюда, - забурчал полурослик.

Гаэдинн выудил кошелек из куртки, которую после стычки с кобольдами он залатал кривыми крупными стежками. – Но вам нужно понимать одну вещь.

- Какую?

Лучник вытрусил монеты в ладонь.

- Моя напарница – волшебница. Она наложит на вас заклятие, которое предупредит ее, если вы попытаетесь нас обмануть.

Это была ложь. Джесри освоила десятки заклинаний, но ни одного, которое могло бы послужить этой цели. Но остальные люди не знали этого, и они с Гаэдинном уже использовали эту ложь несколько раз, чтобы услышать правду от легионеров.

Взяв монеты, полурослик сплюнул:

– До тех пор, пока она не превратит меня в крысу или заставит не мое хозяйство отвалиться, пусть делает, что хочет.

Джесри зашептала слова силы. В комнате похолодало. На мгновение свечи загорелись зеленым, а ветер зашелестел пергаментом на столе. Похоже, этого было достаточно чтобы создать впечатление, будто были наложены некие полезные чары.

- Что ж, - сказал Гаэдинн, - начнем.

Полурослик наклонился над столом и пролистал карты, пока не нашел нужную, нарисованную на пергаменте. Он обвел круг своим пальцем.

- Где-то в этой области. И я думаю, если это и правда то самое место, то вы найдете его на западной стороне холма.

Поддерживая легенду, будто Джесри могла сказать, врет ли информатор, наемник посмотрел на девушку. Она кивнула.

Рыжеволосый лучник протянул руку:

– Спасибо за помощь.

Охотник моргнул, будто не привык к вежливости или благодарности.

- Есть еще одна вещь, которую я могу вам сказать. Люди видели или слышали дракона только в новолуние.

- Это осложняет дело, - подытожил Гаэдинн, - но, по крайней мере, долго ждать не придется. У нас есть время добраться до нужного места. Спасибо еще раз.

После того как калека выпроводил их, Джесри заговорила:

- Ты мог бы просто дать бедняге десять золотых.

- Это показалось бы подозрительным. Он ожидал, что я буду торговаться.

- И это плохая примета – давать ложную клятву именем любого божества.

- О, думаю, Вокин простит меня, - ухмыльнулся наемник. – Ты же лучше остальных знаешь, ни одна блондинка с золотыми глазами не в силах устоять предо мной.

Девушка нахмурилась.

- Куда теперь? Назад в таверну?

- Если хочешь. Мы получили то, за чем пришли.

Они отправились в том направлении. К облегчению волшебницы, толпы на улицах поредели. Более того, вскоре напарники оказались совсем одни на темной улице, где окна всех расположенных на первом этаже магазинов были закрыты ставнями. В тишине даже железный обод на посохе Джесри, стучащий по рельефной земле, казался шумным. Она подняла оружие и понесла его на плече.

Затем ветер зашептал ей. Девушка велела ремешкам на ее посохе развязаться, и ткань спала. Джесри подняла посох в защитной стойке и пробудила силу, покоящуюся внутри оружия. Золотые руны засияли.

К тому времени Гаэдинн заметил, что она делает, и наложил стрелу.

- Что? – спросил он.

- Нас преследуют, - ответила волшебница.

- Где они?

- Повсюду вокруг нас. Наверное. Они используют магию, которая мешает даже способностям ветра к обнаружению, и...

- И в любом случае, морктарский ветер еще не воспылал к тебе любовью, - лучник сдвинулся, чтобы они стояли спина к спине. – Я уже играл в эту игру. Если эти ублюдки просто воры, то теперь, когда они видят, что мы готовы к встрече с ними, возможно, они уйдут.

- Сомневаюсь, что обычные воры владеют такими мощными чарами.

- Дай мне насладиться моим заблуждением.

Ветер завыл, предупреждая волшебницу.

- Над нами! – выкрикнула она.

Оба посмотрели вверх; что-то широкое и темное падало на них. Они отпрыгнули каждый в свою сторону, иначе у них не было бы времени выкарабкаться из-под этой штуки. Утяжеленная сетка глухо приземлилась между ними.

Некто с белым лицом и руками спрыгнул с крыши вслед за сеткой, словно падение с четвертого этажа это пустяк. Видимо, для него так и было. Он приземлился как кот, и Гаэдинн пустил стрелу ему в грудь.

Это тоже должно было убить или, по крайней мере, вывести противника из строя. Но тот лишь отшатнулся на шаг, а затем напал. В тот момент Джесри узнала в нем низкорослого мужчину из таверны. Также она обнаружила его обнаженные клыки.

К счастью, Гаэдинн тоже их заметил – после кошмарной кампании в Тэе он знал, как сражаться с вампирами. Его следующая стрела вошла в сердце существа, где она отлично послужит в качестве кола. Парализованная нежить рухнула.

Джесри осмотрелась. Другие бледные фигуры стали выползать из-за домов. Девушка швырнула огненный заряд и подожгла двух ближайших противников.

Затем она обернулась, ища следующую цель. Как она ни пыталась избежать этого, волшебница все же взглянула в глаза вампира.

Принуждающая сила нежити врезалась в ее сознание. Неожиданно Джесри не смогла двигаться. Она хотела, но будто бы забыла как. Девушку охватило такое пугающее чувство, что она даже перестала дышать.

Волшебница напряглась, чтобы высвободиться. Мысленно она произнесла слова силы и высвобождения, которым не нужно было слетать с ее губ. Внезапно, не осознавая, что это должно было произойти, Джесри, задыхаясь, отвела взгляд.

Ее паралич, хоть и краткий, дал противникам шанс приблизиться. Волшебница заговорила с ветром, и он отшвырнул вампира назад за мгновение до того, как его вытянутые руки смогли схватить ее.

Позади нее вспыхнул свет, на мгновение окрасив мир в бело-синий. Раздался мощный раскат грома, и Гаэдинн коротко хохотнул от удовольствия. Он использовал одну из особых стрел, которые Джесри заколдовала для него, и, судя по всему, удачно.

Даже сравнительно слабые вампиры – а эти казались ей одними из самых слабых – были грозными противниками, но пока складывалось ощущение, что она и

лучник сдерживали их. Надеясь снова встать спина к спине, девушка отступила на шаг, и тогда другие фигуры вышли из мрака вслед за нежитью.

«Новенькие» не были бледными как кость, и Джесри не заметила никаких сверкающих клыков или светящихся глаз. Значит, это люди, закутавшиеся в бесформенные плащи с капюшонами, наподобие ее собственного.

Волшебница сделала вдох, чтобы сотворить заклинание против новых врагов, а затем поняла, что некоторые из них уже сами колдовали. Двое с невероятной змеиной ловкостью крутили предметы, напоминавшие кирки, хотя оружие явно было тяжелым.

Джесри прервала свою наступательную магию, чтобы выпалить более короткое заклинание. Диск сияющего золотого света появился перед ней в воздухе.

Внезапно перед ее магической защитой появилось несколько кирок, тоже словно состоящих из света, но постоянно менявших цвета. Магическое оружие полетело в девушку, и хотя ее янтарный щит перемещался то туда, то сюда, он не смог заблокировать все. Одна красная как пламя кирка обогнула край диска. Джесри парировала ее своим посохом, но в тот же момент вторая такая атака ужалила ее в спину.

Перекосившись от боли и ужасного холода, девушка обмякла. Кирка, ударившая ее, сменила свой цвет с белого на зеленый и ударила ее еще раз прежде, чем она успела упасть. В носу, рту и горле волшебницы стало жечь, и Джесри начала бесконтрольно кашлять.

Очевидно осознав, что она более не представляет угрозы для них, противники направили свои летающие кирки мимо нее, целясь в спину Гаэдинна. Все еще кашляя и барахтаясь в собственной крови, Джесри перевернулась, чтобы увидеть неизбежное.

Гаэдинн крутанулся и выпустил еще одну стрелу. Затем светящиеся кирки осадили его словно рой ос. Он рухнул, истекая кровью.

Между приступами кашля Джесри уловила вонь обугленной плоти. Чьи-то руки схватили ее и перевернули на спину. Вампир с обгоревшей дочерна кожей упал на колени и склонился над ней.

Один из завернутых в плащи людей появился в поле зрения Джесри. Теперь, когда он подошел достаточно близко, она смогла разглядеть узор из чешуек на мантии, видимый через прорезь между лапами его верхней одежды. Ей даже удалось различить, как складки этого переливчатого облачения меняли цвет, когда мужчина двигался, хотя в темноте девушка не смогла разглядеть сами цвета.

Но Джесри не нужно было видеть их, чтобы узнать жреца пятиголовой Тиамат, Королевы Драконов.

- Отойди от нее, - сказал он.

Вампир посмотрел на него снизу вверх.

- Она обожгла меня, - запротестовала нежить искаженным голосом из-за недостающих губ, которые уничтожило пламя. – Будет справедливо, если ее кровь поможет мне восстановиться.

- Если мы еще сильнее ей навредим, то она, скорее всего, умрет. Нам и так придется наложить исцеление на нее и на лучника, чтобы они были в состоянии перемещаться.

Кашляя уже меньше и не дрожа так сильно от холода, но все еще слишком слабая, чтобы сопротивляться, Джесри молча поблагодарила Крушителя Врагов за то, что Гаэдинн был жив.

- Вы... смертные, - прорычал вампир, будто это было самым гнусным оскорблением, какое только можно представить. – Жрецы. Вы отправляете нас на величайший риск...

- И вы подчиняетесь, - оборвал хранитель змеев, - потому что наш хозяин дал нам власть над вами.

«Хозяин, - отметила Джесри, - не хозяйка. О ком бы он ни говорил, это была не богиня».

- И потому что вы знаете, что мы располагаем силой принудить вас – или, по крайней мере, я так думаю, что вы это знаете. Если необходимо, я могу устроить демонстрацию.

По-прежнему глядя исподлобья и с выставленными клыками, нежить встала и отступила назад.

- Благодарю, - сказал жрец. Он нагнулся и выдернул посох из ослабнувшей хватки Джесри. Руны потухли. Мужчина изучил инструмент понимающим взором. – Неплохо. Весьма неплохо. А теперь мы вставим вам кляпы и свяжем руки. Затем я сделаю что-нибудь, что восстановит ваши силы, и исцелю худшие ...

- Смотрите! – крикнул кто-то.

Хранитель змеев обернулся и огляделся.

- На что?

Один из мужчин, вооруженных кирками из обычной стали и дерева, указал на крышу.

- Теперь его уже нет, но он был там! Кто-то шпионит!

Жрец повернулся лицом туда, где толпились трое вампиров.

- Кто бы это ни был, привести его.

Бледнолицие фигуры растворились в воздухе, начиная с ног, словно тающие сосульки. Обратившись в летучих мышей со сморщенными мордами и глазами, блестящими как чернила, они закружили друг вокруг друга, взмыли вверх и скрылись в ночном небе.

Человек в мантии связал Джесри, лишив всякой надежды на использование магии. Затем жрец помолился над ней. Мурашки пробежали по ее коже от его противных, свистящих слов. Но, как и было обещано, эти слова залечили ее раны, приглушили боль и вернули толику сил. Затем хранитель змеев подошел к Гаэдинну и проделал то же и для него.

Вскоре после этого трое вампиров, снова в человеческом облики, показались в поле зрения. У одного из них в руках было обмякшее тело. Когда вампир бросил его на землю, капюшон слетел с мертвеца. Джесри удивилась, увидев, что под верхней одеждой труп скрывалось то же одеяние с переливающимися чешуйками.

- Хвала Темной Леди, - произнес Хранитель.

- Что нам с ним делать? – спросил мужчина, который первым заметил слежку.

- Будет лучше, если он исчезнет, чем его обнаружат, - заявил жрец. – Так что, думаю, нам придется тащить его с собой. Поднимите их.

Противники подняли Джесри и Гаэдинна на ноги, и она увидела, что они разоружили и связали лучника, как и ее. Хранитель змеев потерял черное кольцо в форме маски на пальце, и девушка почувствовала, как мощное заклинание – без сомнения, заклинание невидимости – охватило всю компанию, пленителей и плененных разом.

Затем они все прошли какое-то расстояние по городу. Благодаря восстанавливающей магии Хранителя змеев Джесри надеялась, что она продолжит восстанавливаться со сверхъестественной скоростью. Но пока что она была еще слишком слаба и истощена, да и прогулка ее порядком изнурила. Она могла бы обрадоваться, когда ее похитители указали ей на развалины старого склада, если бы у нее не было причин опасаться того, что могло ждать ее внутри.

Сперва она уловила запах, характерный для надвигающейся грозы, прямо как тот, что она учуяла вечером. Затем волшебница увидела скачущие и трещащие искры на теле, кажущемся большой бесформенной массой в темноте. Глаза, огромные как поднос для посуды, засветились белым в верхней части этой темной фигуры.

- Вижу, вы поймали их, - сказала существо голосом похожим на грохочущее шипение.

- Да, милорд, - ответил Хранитель змеев. – К сожалению, шпион, верный одному из ваших братьев, застал нас за работой. Но он уже никому не расскажет, что видел.

- Тогда все в порядке. Привяжите пленников к моей спине.

Джесри почувствовала укол страха и попыталась избавиться от него. Утешало хотя бы то, что дракон не собирался пытаться или убить ее и Гаэдинна на месте.

Кто-то достал большой моток веревки, и почитатели Расплаты Богов принялись выполнять приказ змея. Тем временем Джесри заметила, что хоть с улицы и не было видно, большая часть заброшенного здания была открыта небу. Существо с крыльями не будет слишком трудно войти сверху.

Или выйти тем же путем – синий дракон доказал это, расправив свои кожистые крылья, и взлетев, неся Гаэдинна и Джесри. Спустя сотню ударов сердца – или около того – Морктар был позади.

ГЛАВА 6

29-е число месяца Тарсак – День Зеленой травы, год Извечного (1479 ЛД)

На юго-западе горел огонь. Кхорин не смог разглядеть пламя, но никто не смог бы проглядеть черные клубы дыма, даже на фоне серого неба.

Наемник хмыкнул и направил свою пятнистую кобылу вперед. Драконорожденные разводили больших, сильных лошадей, чтобы те могли справляться с их весом, и хотя Перра предложила ему самое мелкое животное, оно

все равно было огромным для дворфа. Но Кхорин объездил все виды скакунов с тех пор, как покинул Восточный Разлом, и неплохо справлялся.

Дворф поравнялся с Медрашем и Баласаром, которые сидели молча, глядя на дым как и все остальные.

- Что это? – спросил он.

- Война, - ответил паладин.

«Замечательно», - подумал Кхорин. Война отделяла его от жены и дома, а после смерти Бдительной он не мог ее просто перелететь.

- Прибавить шагу! – скомандовала Перра.

Похоже, вид дыма заставил ее сильнее желать встречи со своим правителем.

Они поехали и зашагали быстрее, и к концу утра Джерад Тимар появился на горизонте. Какое-то время после этого Кхорин еще продолжал пялиться на него. Он был уверен, что какой-то фокус с перспективой заставлял это место казаться больше, чем оно есть на самом деле.

Но это было не так. Чем ближе они подходили, тем очевиднее становилось, что драконорожденные построили себе самый настоящий город-гигант. Строение стояло на блоке гранита, колоссального размера. Сверху сотни огромных колонн упирались в пирамиду с плоской вершиной. В целом сооружение возвышалось больше чем на сотню футов.

С того момента, когда все увидели дым, посол и ее подчиненные хранили молчание. Но Баласар заметил, как Кхорин таращится, и засиял улыбкой хищной рептилии.

- Впечатлен?

- Вынужден сказать «да», - ответил дворф.

- Я слышал, что вы, дворфы, строите не менее великие строения.

- Сроим, но мы начинаем с пещер, а затем копаем и высекаем. Но чтоб вот так начать на открытом воздухе, не имея ничего кроме участка земли, а потом добыть эти большие, тяжелые куски камня, таскать их через всю территорию, складывать друг на друга, слой за слоем... - наемник покачал головой. – Да ваши предки, должно быть, из ума выжили.

Медраш посмотрел через свое плечо.

- Не отставайте, - сказал он.

Резкий тон паладина напомнил Кхорину, что в Тимантере наступили мрачные времена, хоть наемник и не забывал. Признаки этого он видел повсюду, пока пересекал прилегающие к городу поля. Дворф заметил несколько патрулей воздушной кавалерии, взлетающих с платформы на верхушке усеченной пирамиды, но так и не смог понять, на каких животных те были верхом. Тем временем из открытого пространства под основанием сооружения ритмично застучали барабаны. Кхорин решил, что этот звук был призывом к оружию или частью погребального ритуала, а может, и тем, и другим.

Широкий пандус выходил на наружную часть плиты. Фермеры, солдаты и остальной народ подошел к краям, чтобы проводить взглядом окружение посла. Наверху Кхорин и его компаньоны вошли в тень. Пирамида возвышалась над ними, закрывая большую часть неба.

Перед ними открылась площадь с кольцами из магазинов вокруг нее. Путники шли вдоль края торговой зоны, между крайними лавками и рядом из колонн, пока не достигли прямоугольного здания, которое явно было стойлом, но служило также и для других целей.

Конюхи, отмеченные нефритовыми кольцами клана Офиншталайир, принялись ухаживать за лошадьми и приветствовать гостей. Перра радушно ответила, но вежливо дала понять, что у нее нет времени на болтовню.

- Полагаю, я могу пока остаться здесь, - сказал Кхорин, когда все спешились.

- Пожалуйста, пойдите с нами, - попросила Перра. – Вы были в самой гуще событий, как и Медраш с Баласаром. Покоритель может захотеть расспросить вас.

- Как пожелаете, - ответил он.

Посол повела троих воинов мимо конюшен в склады амуниции, пахнувшей кожей и маслом, которое делало ее гибкой.

- Поскольку мы спешим, я доверю вам троим секрет моего клана. Маленький, но я надеюсь, что вы сохраните его, - используя кончик когтя, она нарисовала прямоугольный треугольник на пустой части стены.

Казалось, мир вспыхнул и покосился, а затем они уже стояли в другой комнате. Кхорин понял, что магия перенесла их в пространстве. Вверх, в пирамиду, как он полагал.

Они зашагали через богато обставленное поместье, где прочие драконорожденные с нефритовыми кольцами приветствовали Перру с еще большим удивлением. Как и до этого, она не позволила никому задержать ее дольше, чем на минуту или две, попрощавшись с последним из доброжелателей, посол проскочила между часовыми в проход к оживленной улице.

Она в свою очередь вела к площади, атриуму, который поднимался от пола пирамиды до самой ее верхушки, где висели огромные летучие мыши, завернутые в собственные крылья. Узкий мост петлял между ними, давая понять, что животные были не вредителями, а ездовыми животными, которых Кхорин и видел парящими в небе снаружи.

Бесчисленные балконы выступали из стен, а на полу – к удивлению дворфа – стояли клумбы цветущих растений, которые наполняли воздух ароматом свежести. Очевидно, волшебный свет, освещавший пространство, питал их не хуже солнечного.

- Успеешь еще поглазеть, - буркнул Медраш. Затем, вероятно, осознав, как грубо это прозвучало, он смягчил тон. – Я понимаю твой интерес. Я вел себе так же, когда впервые попал в Лутчек. Мы с Баласаром проведем тебе экскурсию позже.

Они проследовали дальше к секции покоев, которые, исходя из их вместительности, общего великолепия, кучи охранников и шумной прислуги, подсказали Кхорину, что это и есть резиденция правителя. Перра переговорила с должностным лицом, поспешно удалившимся прочь и вскоре вернувшимся назад, после чего он провел гостей в зал для приемов.

Первым, что заметил дворф – зал тимантерского монарха, как и у Шалы Каранок, восхваляет войну. Но здесь место скульптур занимали стенды с доспехами, а потрескавшиеся, выцветшие фрески изображали героическую борьбу с драконами. Также на стенах в качестве трофеев висели головы змеев и старые пожелтевшие когти размером с короткий меч.

Тархан был самым крупным драконорожденным из всех, что Кхорину удалось повидать, с огромным мечом, покоящимся в его руках и служившим символом власти. Квадратные кусочки золота, словно слезы, усеивали его зеленую кожу под глазами.

- Перра! – прогремел он. – Как это понимать?

Перра, Медраш и Баласар поклонились, разведя руки в стороны. Кхорин повторил приветствие так хорошо, как смог.

- Герой Войны изгнала нас из Чессенты, - ответила посол. – Я беру на себя всю ответственность.

Тархан хмыкнул.

- Прежде чем начнем искать виновных, возможно, тебе стоит объяснить, как именно это произошло.

- Да, ваше величество.

Перра пересказала ему всю историю так четко и лаконично, насколько, по мнению Кхорина, тот кавардак вообще было возможно передать.

Когда она закончила, глаза Тархана переключились на Кхорина. В них было видно любопытство и расчетливость и ни капли подозрительности или неприязни, которые дворф так часто встречал в глазах чессентцев.

- А ты, должно быть, тот самый наемник, который помог моим подчиненным в Лутчеке, а затем еще раз – по пути домой, - сказал покоритель.

- Да, ваше величество, - ответил Кхорин.

- За это, - начал Тархан, - Тимантер благодарит тебя. Ты и твои копейщики останетесь у меня на службе на сезон или на год? Я знаю, как использовать ваши навыки, и я хорошо заплачу.

- Благодарю вас. Но мы состоим в Братстве Грифона, а у Братства уже есть контракт.

Тархан сморщился.

- Что значит, что в следующий раз, когда мы увидимся, мы можем быть по разные стороны поля битвы.

- Может и нет, ваше величество. Шала Каранок рассчитывает бросить все свои силы против Великого Костяного Змея.

- Против врага, с которым мы, драконорожденные, с радостью ей поможем, если... - монарх покачал головой. Несмотря на показную силу покорителя, в тот миг в его действиях проскользнуло чувство, близкое к отчаянию.

- Ваше величество, - вмешался Медраш, - если позволите сказать, судя по дыму в небе, как я понимаю, у нас своя война.

- Да, - ответил Тархан. – С пепельными гигантами.

- Они устраивали налеты на протяжении многих поколений, - вспомнил паладин. – Но насколько я знаю, никто не достаивал их боем в барабаны войны до этого.

- Теперь все иначе. Они наступают большим количеством и более организованно. Кто-то объединил племена. Они определенно стали драться умнее, хотя детали нам не ясны. Многие из тех, кто вступил с ними в бой, так и не вернулись, чтобы рассказать нам о них, - покоритель издал невеселый смешок. – Я знаю, я только что сказал, что помог бы Чессенте, но по правде мы нуждаемся в ее

помощи не меньше. И если Шала на самом деле решит напасть на нас, да даже если она просто разрешит дженази пройти по ее территории и напасть, нам придется сражаться с двумя противниками одновременно.

- Ваше величество, - сказала Перра, - мне нужно убедиться, что я правильно понимаю происходящее, чтобы быть хоть сколько-нибудь полезной вам. И хотя я не хочу оскорбить вас, но спрошу напрямую: вы отправляли всадников в Аканул и просто не сказали мне об этом?

- Конечно, нет, - сердито ответил Тархан.

- Вы посылали убийц в Лутчек?

- И снова, нет. Если отбросить бесчестие, то какие на это могут быть причины?

- Вы предоставляли воинов Высшему Имаскару, чтобы те служили на борту их кораблей?

- Ты лучше остальных знаешь, как мне пришлось вытанцовывать, чтобы остаться нейтральным в ссоре между Чессентой и имаскарцами. И даже если бы моя политика изменилась, то мне нужен каждый солдат, что у меня есть, чтобы сражаться с гигантами.

- Знаете, - протянул Баласар, - если ничего не изменилось, у имаскарцев есть посол в Джерад Тимаре. Кто-нибудь мог бы спросить его, что происходит в их флоте и, возможно, распутать один маленький участок этого клубка.

- Это, - заявил Тархан, - разумная мысль. Определенно, более разумная, чем то, что обычно вылетает из твоего рта, бездельник. Привести Нэллisa Сарадексму.

Им не пришлось ждать долго. Имаскарский посол, видимо, жил в апартаментах неподалеку от королевской резиденции. Высокий и худой, с высоким и широким лбом, что делало его залысину более заметной.

Его кожа была покрыта россыпью серых прожилок. Кхорин мог бы принять их за шрамы или следы, которые остаются на жертвах какой-нибудь болезни, вроде оспы, если бы у спутников Нэллisa не было таких же. Похоже, эти отметки были характерной чертой их расы, чем-то вроде резных узоров на телах дженази.

Посланник был одет в плащ с высоким воротником и трехслойной накидкой. Серебристая ткань блестела и переливалась на свету. Рубашка, пояс и штаны под плащом были черными, как и пара колец на его пальцах. Под мышкой посланник держал сферу волшебника.

Ему пришлось придержать хрустальный шар ладонью одной из своих долгопалых рук, чтобы поклониться так же, как это сделали драконорожденные на входе перед своим правителем, и он ловко с этим справился.

- Ваше величество. Чем могу быть полезен?

- Ты можешь рассказать мне, - начал Тархан, - об имаскарских военно-морских операциях против Чессенты.

Нэллис нахмурился.

- Как вашему величеству известно, Чессента устраивает набеги на Высший Имаскар на протяжении многих лет, не имея иного оправдания, кроме ненависти тысячелетней давности. Мы просто платим им той же монетой. Я рискну сказать, что на нашем месте Тимантер поступил бы так же, по меньшей мере.

- Возможно, - ответил Тархан. - Но Герой Войны уверена, что у вас на борту служат драконорожденные. Мне нужно знать, правда ли это, прежде чем я окажусь в центре ваших разбирательств.

Посланник запнулся.

- Насколько мне известно, ваше величество, это не так.

- Как это понимать? - спросил покоритель. - Насколько вам известно?

- У меня есть предположение, - вмешался Медраш, - если вы хотите его услышать.

Тархан кивнул ему.

- Высший Имаскар никогда не обладал большой военно-морской силой, - продолжил паладин. - Вот почему чессентские капитаны были такой большой проблемой. Подозреваю, что у имаскарцев по-прежнему не так много военных кораблей, которые они могли бы назвать своими собственными. Кто-то другой наносит ответный удар по Чессенте от их имени, и именно поэтому даже высокопоставленный представитель, такой как лорд Нэллис, не знает подробностей.

Покоритель перевел взгляд назад на Нэллиса.

- Это так?

Посланник перевел дыхание.

- В основном. Как уже сказал сэр Медраш, мой народ не богат на мореходные традиции. Тем не менее, мы строим планы по защите себя от пиратов Героя Войны. В то же время огромные черви и прочие твари начали атаковать нас со стороны Багровых Песков. У нас всегда были определенные проблемы с ними, но раньше горы Пояса Великана и Драконьего Меча служили нам естественной защитой и сдерживали большую их часть. Неожиданно оказалось, что это больше не так. Это значит, что теперь мы вынуждены сражаться со множеством угроз, а не с одной. И тогда эмиссары из Мургома явились к нам с предложением.

- Мургом, - повторил Тархан. Он не скрывал своего отвращения, как и на лица прочих драконорожденных в зале.

- Да, - сказал Нэллис. К его чести, его голос оставался спокойным, несмотря на неожиданную враждебность драконорожденных. - Но не весь, как вы могли подумать, - лишь некоторые княжества объединились для общей выгоды. Они предложили помощь в обороне в обмен на золото, свободный доступ к Аламберу и пару торговых привилегий.

Кхорин никогда не посещал Высший Имаскар - как и Мургом - но он представил себе карту Востока, которую хранил у себя в голове, и тогда до него дошло. При желании имаскарцы могли бы закрыть торговым судам Мургома доступ вниз к Раусенфлоу и к морю или обложить их пошлиной на пересечение реки.

- Я понимаю вашу нужду, - ответил Тархан, - но все равно у меня вызывает отвращение то, что ваша императрица торгуется с драконами. Я был лучшего мнения о вашем народе.

- Ваше величество, мне жаль, что мы упали в ваших глазах. Но нам нужна помощь, и ни вы, ни... кто-либо еще не присоединится к нам в нашей борьбе с Чессентой. Мы принимаем любую помощь, какую только можем. И ранее я ссылался на распри и предрассудки, которые сохранились даже после того, как в них отпал всякий смысл. Я с уважением рекомендую вам рассмотреть тот факт, что драконы-

князя Мургома - это не те змеи, что угнетали ваших предков в далеком крае, где вы когда-то жили. Это абсолютно разные драконы.

- Дракон есть дракон, - заявил драконорожденный. - Ваш народ еще поймет это, и я надеюсь, вам не придется заплатить слишком высокую цену за этот урок. А теперь, раз уж ваши люди помогли отравить отношения Тимантера с Чессентой...

- Ваше величество, как я уже объяснил, это не так. На тех кораблях не может быть драконорожденных, ведь они есть только в Тимантере. А если бы значительное их количество отправилось в Мургом служить дракону, то вы бы определенно знали об этом.

Тархан запнулся - без сомнений, Неллис привел разумный довод. Если предположить, что довод был правдивым, то это объясняло, почему неопознанные драконорожденные не должны были совершать бесчинства ни в Лутчеке, ни в Акануле. Даже несмотря на то, что Кхорин лицом к лицу встретился с первыми и начинал верить в существование вторых.

Покоритель продолжил:

- Как бы там ни было, милорд, Высший Имаскар открыто признает дружбу с Тимантером. Вы встанете на нашу сторону, если Чессента атакует?

Нэллис переместил свою сверкающую сферу из-под одной руки в другую.

- Ваше величество, мы и так уже сражаемся с Чессентой на море, и я уверен, что сражения продолжатся. Я не могу вверить сухопутные войска Тимантеру без согласия императрицы. Я знаю, она хотела бы их отправить, но это может оказаться невозможным, пока мы противостоям угрозе со стороны Багровой Песков.

- Захочет ли она отправить войска, если Шала Каранок откроет путь для армии дженази?

Теперь уже Нэллис запнулся.

- Я избавлю лорда Нэллиса от неловкости отвечать на этот вопрос, - встряла Перра. - В мои последние часы в Лутчеке открылось, что Аканул и Высший Имаскар заключили альянс.

- Это... преувеличение, - ответил посланник. - Естественно, мы, имаскарцы, хотим торговать с как можно большим количеством...

- Драконы и дженази? - прорычал Тархан. - Покиньте зал, милорд. Я пошлю за вами снова, когда буду уверен в своей способности ответить вам, как послу, в должной манере.

Имаскарцы поклонились и удалились.

Свет рябью пробежал по изумрудной чешуе правителя, когда он повернулся к Кхорину, Медрашу и Баласару:

- Господа, простите и вы меня. Без сомнения, вы хотели бы отдохнуть после путешествия. Нам с Перрой и моими заместителями предстоит долгий разговор.

* * * * *

Гаэдинн пришел в себя в абсолютной темноте. Какое-то время он был сбит с толку, но затем воспоминания вернулись.

Последнее, что он помнил, было как он летел привязанным к спине синего дракона. Раны пульсировали и вызывали слабость. Веревки нарушали циркуляцию

крови. Горный воздух морозил лучника. В какой-то момент все это стало чересчур, и Гаэдинн потерял сознание.

И теперь он лежал на каменном полу. Благодаря магии хранителя змеев раны лучника болели лишь слегка. Но он был обезвожен и скован, а когда попытался сесть, почувствовал оковы на запястьях и вес гремучих цепей, присоединенных к ним.

- Гаэдинн? – спросила Джесри где-то слева от него.

Наемник проглотил комок в горле.

- Да.

- Ты в порядке?

- Более или менее, насколько могу судить. А ты?

- Да.

- Итак, теперь, когда я проснулся, предлагаю тебе избавить нас от цепей, зажечь свет и вывести в безопасное место. Попутно вырезая всех врагов, которых встретим.

- Я не могу. Кто-то зачаровал кандалы, чтобы заблокировать колдовство. Если бы у меня был мой посох, я могла бы пересилить эффект, но его у меня нет.

Гаэдинн вздохнул.

- Уму непостижимо. Ты знаешь, где мы?

- В пещере внутри горы Тулбэйн.

Он скривился. Вулкан был логовом Джаксанедегора, зеленого дракона-вампира, правой руки Великого Костяного Змея.

- Должен сказать, я немного оскорблен таким радушным приемом от самого Аласклербанбастоса.

- Ты можешь что-то сделать?

- В данный момент? Ждать подходящего шанса. А еще отвлекать тебя остроумным и эрудированным разговором. Я назвал Аласклербанбастоса «тем самым», как думаешь, это правильно? Я так понимаю, он когда-то был мужской особью, но фактически от него ничего не осталось кроме скелета. Остается ли мужчина мужчиной, если его самые мужественные части сгнили?

Джесри не ответила.

- Полагаю, тот же вопрос можно адресовать и Сзассу Тэму, - продолжил Гаэдинн. – Последний раз, когда Аот его видел, от него не осталось ничего, кроме костей и огня. Хотя сейчас он, вероятно, выглядит поживее. В этом и заключается одно из преимуществ быть и личем, и некромантом, правда? Если нужно себя подлатать, то просто идешь и ищешь или делаешь свежий труп и отрезаешь...

- Я не замерла, - сказала она.

Лучник запнулся.

- Что?

- Драка на улице. Нас победили и взяли в плен не потому что я не сделала все зависящее от меня.

- Я знаю, - ответил Гаэдинн. – Это произошло, потому что нас было меньше, а Госпожа Удача была где-то занята.

Волшебница молчала какое-то время, а затем сказала:

- Я решила, что ты мог подумать, это моя вина, из-за того, что произошло с кобольдами. И из-за того как я вела себя с тех пор, как мы приехали в Лутчек.

- Я переживал и волновался за тебе. Как и Кхорин.

- А что Аот?

- Ну, могу точно сказать, что он не был удивлен. Он знает, что тебя грызет, хотя, к моему недовольству, он продолжает хранить твой секрет. Но он переживал. Думаю, это одна из причин, почему он захотел, чтобы мы отправились куда-то помимо Чессенты.

Опять тишина. Наконец, девушка заговорила:

- Я родилась в Лутчеке. С ранних лет я начала подавать знаки, что обладаю талантом к колдовству.

- Родители тоже были магами?

- Нет. Они были уважаемыми купцами, которые разделяли общие предубеждения насчет волшебников. Они боялись, что я начну призывать демонов в их дом или вырасту и совершу ужасные преступления. Больше всего они беспокоились, что остальные узнают, что я была выродком, и это навредит их репутации. Так что они запретили мне пользоваться моим даром и молились Чонтии, чтобы она отняла его.

Чонтия была богиней, приглядывавшей за естественным, здоровым развитием, вспомнил Гаэдинн.

- Разумеется, это не сработало.

- Нет. Я пыталась быть хорошей и подчинялась, но я не могла удержаться от экспериментов со своим талантом, как и ты не смог бы сдержаться, чтобы не поднять лук, после того как увидел своих друзей-эльфов, практикующихся в стрельбе. Таким образом, мои мать и отец стали бояться меня все больше, а любить – все меньше и меньше.

- А потом, - продолжила Джесри по-прежнему странным, отстраненным и безразличным голосом, - они вели караван на Север. Это было в то редкое время, когда Чессента и Трескель находились якобы в состоянии мира. Но северная часть страны все еще кишела разбойниками людьми – и не только – и группами стихийных магов, которые и подкараулили нас.

Стихийные маги были ограми, которые – как и дженази – обладали врожденным родством с огнем, землей или воздухом.

- Когда взглянула на ту огромную кобольдо-тварь, стоящую в темноте, ты приняла его за стихийного мага, да? Вот что... напугало тебя.

- Да. Но дай мне закончить мою историю. Караван был готов ко встрече с разбойниками лучше, чем они ожидали, и охрана отбила первую атаку. Но маги по-прежнему представляли угрозу, и они знали это. Огры потребовали дань, чтобы мои родители могли продолжить путь.

Гаэдинну сдавило горло.

- И этой данью была ты, так? Или частью ее.

- Да, - голос Джесри, который до этого был мягким и спокойным, наполнился горечью. – Элементарным магам понравилась идея иметь человеческого ребенка в качестве раба, и к тому моменту мои родители уже не считали меня своей дочерью. Я была проблемой, а это – решением.

Девушка вздохнула.

- Следующие несколько лет были нерадостными. Великаны издевались надо мной всеми возможными способами. Когда их шаман обнаружил мой дар, они научили меня своей магии, но даже это, хоть и звучит красиво, было ужасно. Отчасти потому что они заставляли меня нападать на других путешественников.

- Зная тебя, полагаю, они приняли меры предосторожности, чтобы ты не напала на них.

- Да. Не знаю, где они взяли его, но у них был старый кожаный ошейник с зачарованием на подчинение. И они надели его на меня. Да даже если бы и не надели, я не знаю, хватило ли бы мне смелости восстать. Я их так боялась! В какой-то степени, этот страх начал понемногу возвращаться, как только я узнала, что у нас контракт с Лутчеком, и он стал сильнее, когда Аот попросил нас отправиться в Трескель.

- Левистус побери его за это, и за то, что притащил тебя в это гнусное королевство.

- Он должен был поступить на благо Братства. Всего Братства. И я должна была выполнять обязанности, свалившиеся на меня, в противном случае, мне просто не стоило бы присоединяться к наемникам. И я выполняла их, за исключением того случая с кобольдами.

- Ты и тогда их выполнила, - усмехнулся он. – Просто это заняло у тебя чуть больше времени, чем я посчитал комфортным. Тем не менее, за то, что Аот отправил на это конкретное задание...

- Ему был нужен маг, и он, наверное, подумал будто то, что я годами скиталась по дебрям Трескеля, будет полезно. Не злись на него, пожалуйста. Если бы он меня не спас, я бы до сих пор была рабом.

- Чего?

- Это была чистая случайность, Тимора улыбнулась мне или Ильматер, наконец, сжалился надо мной. Братство приплыло, чтобы выполнить новое поручение, а штормы повредили корабли. Они были вынуждены причалить в порту к югу от Предела Волшебника для ремонта, и пока они застряли там, какой-то младший родич Джедии захотел нанять парочку наемников для дела. Аоту было скучно, так что он лично решил поучаствовать. Когда элементарные маги со мной напали, он и остальное Братство убили огров, но оставили в живых меня. Потому что его глаза увидели, что ошейник принуждал меня нападать. Он снял его с меня и предложил мне место среди наемников. Возможно, потому что Аот понял, что мне некуда было больше идти.

- Или, возможно, он понял, что такой могущественный волшебник будет весьма полезен, особенно если его как следует поднатаскать. Тем не менее, ты привела свой довод. Возможно, я не пристрелю его, когда мы встретимся с ним.

Девушка снова замолчала.

- Джесри? – позвал он.

Ее цепи зазвенели.

- Возможно, теперь ты поймешь.

- Понимаю.

- Не только о кобольдах и тому подобном. Обо всем до этого и о нас. Я решила, что если с кем-то у меня и может получиться - то это с тобой. Но когда мы

попытались, все, о чем я могла думать – были огры. Они были такими уродливыми, жестокими и большими, а я - такой маленькой. Даже их вонь... - всхлипнула она.

Чувство вины скрутило Гаэдинна внутри, что было абсолютно несправедливо, ведь он не знал о магах и, определенно, не собирался подвергать ее таким суровым испытаниям, но, тем не менее, чувство не отступило.

- Прости меня.

- Нет. Ты – прости.

- Не извиняйся. По крайней мере, мы остались друзьями, и я, наконец, понял, что мне не стоит принимать эти резкие скачки настроения на свой счет. Что касается остального – это я могу получить в любой таверне, - лучник сделал паузу. – Пожалуй, прозвучало не так, как я задумывал.

Джесри рассмеялась. Гаэдинн не смог вспомнить, когда в последний раз слышал ее смех, и было странно услышать его из темноты их темницы, особенно с учетом того, как трудно ей было раскрыться.

- Теперь понятно, почему ты стараешься избегать разговоров о своих истинных чувствах. Ты ужасно их выражаешь.

Возражение тут же возникло у него в голове. Но прежде, чем он смог его озвучить, холодная рука схватила его за плечо.

* * * * *

Апартаменты клана Даардендриен находились высоко на южной стене пирамиды, так что Кхорину и его товарищам пришлось долго подниматься по лестницам и пандусам, чтобы добраться туда. Но ужин из жаренного фазана того стоил. Как и терпкое белое вино.

После, вдоволь наевшись и слегка навеселе, с полными бокалами в руках и приготовленной полной бутылкой, ожидающей своей очереди, Кхорин, Медраш и Баласар развалились на балконе, разглядывая атриум. Магическое свечение померкло, чтобы соответствовать ночи снаружи. В пустом пространстве лампы в домах драконорожденных сияли как звезды. Где-то лютнист наполнял воздух грустной мелодией.

Баласар отхлебнул из своего бокала.

- Нравится вид?

- Да, - ответил Кхорин. – Теперь, когда свет не такой яркий, очень похоже на определенные части Восточного Разлома.

Произнеся название своего дома, дворф ощутит укол тоски.

Видимо, Медраш почувствовал это.

- Должен быть способ добраться туда, - сказал он.

- Не похоже на то, - Кхорин осушил свой бокал и потянулся за новой бутылкой. – Ваша война закрыла Пыльную Тропу. Каким-то образом она остановила даже судоходство на озерах, хотя мне говорили, что гиганты никогда раньше не мешали этому.

Баласар пожал плечами:

- Если взять под контроль территорию, где озеро Лани сужается и впадает в озеро Золы, то тебе будет не так уж и трудно попасть домой.

- Похоже, что так, - согласился дворф.

- Уверен, что не хочешь попытаться пойти долгим обходным путем?

- Через Шаарскую Пустошь? Хотел бы я думать, что смогу пережить сам путь, но путешествие пустыней займет куда больше времени, чем дорогой. И я не могу отсутствовать в Братстве вечно, только не тогда, когда Чессента и Трескель готовятся к войне. На самом деле, единственное решение, которое я могу представить, - покоритель дает мне одну из этих летучих мышей. Но, несмотря на теплый прием, который он мне оказал, вы говорите, что он ее не даст.

- Прости, - извинился Медраш. – Летучие мыши – животные Защитников Копья, основы нашей армии. Я ни разу не слышал, чтобы кому-то доверили одну из них, какими бы ни были обстоятельства. Во время войны это тем более невозможно, – паладин отхлебнул из своего бокала.

- Если только мы не украдем одну из них, - заявил Баласар.

Медраш поперхнулся и выплюнул вино.

- Тише, - засмеялся воин. – Я не сказал, что нам нужно это сделать или что мы сделаем это. Я говорил гипотетически.

Паладин протер рот тыльной стороной своей чешуйчатой руки.

- Хорошо, поскольку такая кража будет считаться изменой.

- И я бы все равно не принял бы в этом участие, - сказал Кхорин. – Мне просто придется смириться, что я не увижусь со своей девочкой в этот раз.

В темноте лютнист закончил свою песню, выдержал паузу и начал новую мелодию, такую же грустную.

Спустя какое-то время Баласар заговорил:

- Похоже, весь мир внезапно приуныл. Плохие вещи происходят, куда ни посмотри.

Кхорин заметил, что когда драконорожденные напивались до отказа, то у них начинал заплетаться язык прямо как у дворфов или людей.

- Ненавижу чувствовать общую картину, - заявил Медраш, - не имея возможности видеть ее. Это – то, из-за чего мы так беспомощны.

- Не все должно быть связано между собой, - ответил Баласар. – Только не так, как ты это видишь. Возможно, просто звезды сошлись или вроде того.

- Нет, есть причина получше, чем эта. Если бы Неистовая Верность снова меня направил, возможно, я бы понял. Но, учитывая мой провал в Лутчеке, наверное, он решил найти себе более толкового последователя.

- Да брось, - застонал меньший драконорожденный. - Молю тебя древом и камнем, не начинай снова ныть об этом.

Кхорин решил сменить тему:

- Чем вы оба займетесь теперь, когда Перра больше не нуждается в ваших услугах?

Баласар ухмыльнулся так, что отблеск его острых зубов было видно даже в темноте.

- Ты уже смотришь на это. Крепкий напиток и мягкий стул. Добавь еще любвеобильную самку или двух – и я готов.

Медраш одарил его раздраженным взглядом.

- Не только Защитники Копья активно сражаются с гигантами. Каждый клан уже отправил или еще отправит собственные отряды. Я пойду с ними, и, думаю, как бы он ни притворялся, этот клоун тоже не останется в стороне.

- О, я подумаю об этом, - ответил Баласар.

- Как скоро вы отправитесь? – поинтересовался Кхорин.

Коричневый драконорожденный заулыбался.

- У меня есть ужасное предчувствие, что этот зануда даже не даст мне протрезветь.

- В таком случае, я бы хотел пойти с вами, если возьмете меня. Только меня. Остальных наемников мне нужно отправить Аоту.

- Конечно, мы возьмем тебя, - ответил Медраш. – Но зачем тебе это?

- Если Тимора мне улыбнется, возможно, вам, драконорожденным, не понадобится много времени, чтобы одержать уверенную победу. И тогда Пыльная Тропа снова откроется, и я окажусь в правильном месте, чтобы этим воспользоваться.

Это действительно было главной причиной. Но также верными были и мрачные рассуждения Медраша об общей картине, которые задели нужные струны в дворфе.

Возможно ли, что паладин был прав? Может есть общая причина у всех несчастий, что поразили королевства вокруг моря Аламбера? Если так, тогда в интересах Братства это понять. И, возможно, если Кхорин задержится с Медрашем и Баласаром и узнает больше о проблемах Тимантера, то у него появятся определенные представления.

Хотя вряд ли. Но, так или иначе, стоило провести здесь еще десять или двадцать дней на всякий случай.

* * * * *

Судя по ледяным прикосновениям и тому, что у них не было проблем с передвижением в темноте, Джесри сделала вывод, что похитители, держащие ее за предплечья и направлявшие, были вампирами. Как только она это поняла, их прикосновения показались ей еще более отталкивающими, но все, что она могла сделать – собраться и терпеть это, пока они шли дальше. Вампиры сняли оковы, подавлявшие ее магию, но было маловероятно, что ее силы помогут ей, когда она ничего не видит, а двое этих существ держат ее.

- Ты все еще в порядке, Лютик? – спросил Гаэдинн откуда-то сзади нее. Несмотря на их тяжелое положение, его тон уже не был печальным и нежным, как это было до прихода вампиров. Теперь голос звучал беспечно, как обычно.

- Все хорошо, - ответила она.

Впереди появился свет, вырвав из мрака пространство туннеля, по которому они шли. Волшебница отметила, что освещение было магическим, серебристым и мягким, но после проведенного времени в темноте ей пришлось прищуриться, будто это было летнее солнце.

Когда ее глаза приспособились, бледные тощие охранники провели ее и Гаэдинна в широкую пещеру с высоким потолком, где сияющие белые шары парили в воздухе и медленно дрейфовали с места на место. Их сияние открыло взору

сокровища под ними. Золотые и серебряные монеты наполняли открытые сундуки или же просто лежали кучками и горками на полу. Изумруды, бриллианты, сапфиры, водные звезды и красные слезы лежали разбросанными среди груд драгоценного металла – некоторые свободно, а некоторые – вставленными в ожерелья, кольца и броши.

Это могло бы быть зрелищем достойным того, чтобы вызвать улыбку до ушей на лице у смотрящего или даже заставить глотать слюни жадности, если бы не одно «но». Тела – людей, полуросликов, орков, гоблинов и прочих – разбросанные среди всех богатств. Некоторые были старыми и сгнившими, а другие – достаточно свежими, чтобы кормить шныряющих крыс. Все тела были разорванными и с оторванными головами. От запаха гнили Джесри начало подташнивать.

Внезапно из задней части пещеры появилась фигура. Она была такой огромной, что девушка не могла понять, как она не заметила ее раньше, но действительно словно возникла из ниоткуда. Пораженная, Джесри попыталась отпрянуть, но холодные руки вампиров помешали ей это сделать. У Гаэдинна отвисла челюсть.

Джаксанедегор был настолько огромным, что синий дракон, перенесший узников сюда, казался крошечным по сравнению с ним. Его когтистые лапы размером с телегу тихо шелестели зелеными чешуйками светлого и темного оттенков. Колючий гребень, что тянулся от верхушки его клиновидной морды по всей длине тела дракона, был в высоту почти с человеческий рост.

Тем не менее, самой устрашающей его частью были его бледные неестественно сверкающие желтые глаза, выражавшие неутолимый голод и безграничную злобу нежити. Джесри узнала этот взгляд благодаря проведенному в Тэе времени, но девушка никогда до этого не видела его наделенным глубоким интеллектом и чудовищной мощью древнего змея.

Пока волшебница изо всех сил пыталась сдержать свой страх, охранники Гаэдинна подвели его ближе, выровняв узников. Лучник обвел взглядом ближайшие трупы и сказал:

- Вы бы задумались немного над уборкой.

Джаксанедегор смотрел на него какое-то время, которое, казалось, длилось вечность, щекоча нервы Джесри. Затем мелкие вампиры отпустили пленников и отступили назад. Девушка предположила, что их хозяин дал им какой-то беззвучный сигнал.

Это было не важно. Если бы у нее был ее посох, а у Гаэдинна – его лук или хотя бы какое-то оружие и доспехи, то у них мог бы быть бесконечно малый шанс с боем выбраться из этой ситуации. Иначе им не на что было надеяться.

- Я знаю вас, - сказал дракон. – Джесри Колдкрик и Гаэдинн Улраес. Лейтенанты Аота Фезима.

Джесри попытался не выдать удивления, показавшегося на лице.

- Кто? – ответил Гаэдинн. – Меня зовут Аззедар, а мою женщину - Илзза. Мы...

Быстро, как атакующая змея, Джаксанедегор подался вперед. Взмах его передней лапы отбросил Гаэдинна назад, и тот плюхнулся на старый мешок. Тот треснул от удара, и из него со звоном посыпались монеты.

Тем временем, та же лапа схватила Джесри и придавила ее к полу. Чешуя Джаксанедегора была такой же холодной как и кожа его прислужников, а его туша выдавила дыхание из волшебницы.

Девушка прохрипела слова силы. Змей посмотрел вниз на нее. Сила его воли врезалась в голову волшебницы и заставила ее пульсировать, но не смогла парализовать. Джесри силой выдавила из себя следующее слово заклинания, и дракон изменил позу, перенесся вес, чтобы сильнее прижать девушку.

- Мне стоит лишь надавить, - сказал он, - и я раздавлю тебя в фарш.

Джесри оставила заклинание недосказанным. Нерожденная магия растворилась со щелчком.

Гаэдинн вскочил и направился к Джаксанедегору. Голова дракона ринулась в его сторону. Завитки желто-зеленого пара хлынули из ноздрей и между клыков существа. Джесри вдохнула их. Пар обжег ей нос и горло, заставив закашляться.

Гаэдинн остановился.

- Так-то лучше, - сказал Джаксанедегор.

- Отпусти ее, - потребовал лучник.

- Ты закончил врать?

- Да.

- Тебе же лучше, если так, - змей поднял свою лапу.

Джесри втянула воздух, затем поднялась и поспешила встать рядом с Гаэдинном. Она понимала, что несколько шагов между драконом и ею ничуть не спасут. Но так девушка чувствовала себя лучше, чем находясь на расстоянии вытянутой лапы.

- Могу я узнать, - начал Гаэдинн, - как так вышло, что ты знаешь нас?

- По понятным причинам, - ответил Джаксанедегор, - мы здесь, на севере, очень интересуемся солдатами, которых Герой Войны направляет против нас. – Его дыхание перестало отравлять воздух, хотя того количества, что он успел выдохнуть, было достаточно, чтобы наполнить пещеру слезоточивой дымкой. – У меня есть информатор в Сулабаксе, и когда он потерял ваш след, я приказал моим людям по всему Трескелю держать ухо востро. Ведь не могли же вы испариться.

Джесри это казалось если не ложным объяснением, то определенно не полным. Она могла понять, что лорд Трескеля следил за Братством Грифона в целом или капитаном в частности. Но ее по-прежнему удивляло, что змей так сильно заинтересовался ими, что знал двух младших офицеров поименно.

- Что ж, - сказал Гаэдинн, - мы почтены, что привлекли внимание ужаса горы Тулбэйн.

- Это может сыграть вам на пользу, - заявил Джаксанедегор. – Вы могли бы познать вечную жизнь.

- В качестве вечных рабов, вечно ползающих вокруг дыры в земле, как эти? – Гаэдинн обвел рукой нежить, стоявшую у входа в пещеру.

- Слуги с незначительными талантами, - пояснил дракон, - должны довольствоваться незначительными ролями. Но ты – опытный воин, а твоя подруга сведуща в элементарном чародействе. Я бы мог подумать о том, чтобы передать вам истинный Темный Дар Нежити. Дать вам власть над вампирами и рыцарями королевства.

Джесри сделала вдох.

- У нас был товарищ из нежити по имени Барерис Анскулд. Мы видели, что с ним сделало его состояние. Нам не интересно твое предложение.

- Ты говоришь так, будто у вас есть выбор.

- Я не думаю, что смогу навредить тебе или отбиваться от тебя долго. Но я уверена, что смогу вызвать достаточное количество огня, чтобы сжечь нас с Гаэдинном дотла.

На самом же деле – вряд ли, только не без ее посоха. Но вполне вероятно, что, несмотря на его хитрость, Джаксанедегор не мог знать этого.

- Хм, не поджигай никого пока что, - заворчал дракон. – Я все еще думаю, что делать с вами. Расскажите правду, и я, возможно, проявлю больше милосердия, чем заслуживают шпионы. Что вы ищите в Морктаре?

Гаэдинн повернул голову.

- А разве твой шпион не доложил тебе?

- Он сказал, что вы расспрашивали о слухах касательно дракона где-то в Небесных Всадниках. Я хочу знать, зачем.

- В историях говорится, что змей находится в своего рода заточении. Мы надеялись, что сможем обворовать его.

- И как это помогло бы Чессенте?

- Никак. Мы с Джесри отделились от Братства Грифона. Предали его, если тебе так больше нравится. Мы просто хотели заграбастать себе достаточно золота, чтобы комфортно жить остаток наших дней.

- В это с трудом верится. По слухам, вы оба – ты и волшебница – были преданными членами команды наемников Аота Фезима на протяжении многих лет.

Гаэдинн ухмыльнулся.

- Не знаю, какие слухи ты там слышал, но я никогда не был преданным никому, кроме себя. А что до Джесри, то полагаю, что она более склонна к этому недугу. Но не до бездумности. Капитан Фезим практически привел нас к гибели в Тэе, а потом снова – в Импилтуре. Теперь он завел нас в королевство, где маги, вроде нее, - изгой. Она больше не доверяет ему и хочет уйти, как и я.

Джаксанедегор бросился на них еще раз. Только на этот раз он отбросил Джесри, а Гаэдинн оказался зажатым под его лапой.

Как только девушка поднялась на ноги, дракон посмотрел на нее.

- Твой друг почти такой же изворотливый, как дракон, - отметил змей. – К его несчастью, я – настоящий дракон, и мои инстинкты говорят мне, что он по-прежнему лжет. Возможно, ты потрудишься поведать мне правду.

- Гаэдинн уже сказал ее, - ответила она.

- Не думаю, что хочу, чтобы он был моим рабом, - начал Джаксанедегор. – Подозреваю, что даже будучи подчиненным моей воле, он найдет способ выкрутиться. Но в этом и есть прелесть оторванных голов - они не бунтуют, – дракон открыл пасть, и два передних клыка удлинились.

- Стой! – закричала Джесри. – Я скажу. Никос Кориниан, наниматель Братства, считает, что дракон на холмах – Чазар.

- Чазар! – повторил Джаксанедегор. – С чего, во имя Темной Леди, он это взял?

- Я не уверена, что мы знаем наверняка. Лорд Никос мог оставить что-то недосказанным. Но в последний раз в Чессенте видели Чазара направляющимся в Трескель. А змей в горах, предположительно, является огнедышащим.

- И если это Чазар, вы должны вернуть его, чтобы он сражался за Чессету в час ее нужды.

- Мы с Гаэдинном должны были просто разведать все и доложить. Но если бы это и вправду оказался Чазар, то полагаю, кто-то должен был бы попытаться вернуть его. А теперь, пожалуйста, я дала тебе, что ты хотел. Отпусти Гаэдинна.

- Что ж, я выполню твою просьбу, - ответил дракон. - Я уже достаточно напился сегодня. Имеет смысл оставить вас двоих, пока меня снова не замучает жажда.

Меньшие вампиры начали приближаться к Джесри. Она воззвала к камням, окружавшим ее, подняв одну руку вверх и сжав пальцы так, будто схватила что-то, и махнула рукой вниз. Куски гранита посыпались вниз с высокого потолка пещеры.

Но этого было достаточно лишь для того, чтобы расплющить одного живого мертвеца. Остальные бросились вперед и спустя мгновение были на расстоянии удара. Один из вампиров хлестнул ее по лицу тыльной стороной ладони и выбил из нее всю силу и большую часть сознания. Внезапно мир показался далеким и бессмысленным местом, и это удержало ее от дальнейшего сопротивления приспешникам дракона, потащившим их с Гаэдинном назад в темноту.

* * * * *

Цера Иуртос махнула рукой, и солнечный свет разогнал ночь, осветив кусты и деревья синелиста с молодыми побегами, а также вымощенную камнем дорогу, мраморную скамью и то, что показалось Аоту солнечными часами.

- Вам нравится? - спросила Цера.

- Да, - ответил он, но не стал упоминать, что его отмеченные огнем глаза отлично видели весь сад и до того, как она решила осветить его магией.

Золотистое свечение погасло, и ночь вернулась.

- Боюсь, я не очень усердно ухаживаю за своим садом. Я занимаюсь им под настроение.

Они присели на скамейку. Аот заметил, что жрица не оставила между ними много свободного места, и положил свое копьё на росистую траву. Он не был уверен, чем для него обернется остаток вечера, но ничего страшного не случится, если убрать оружие.

- Как, по-вашему, прошел банкет? - поинтересовался наемник.

- Вы были самым настоящим образцом солдатской обходительности, - сказала она.

Аот криво улыбнулся.

- Если и так, это не уберегло меня от их жестов, отгоняющих сглаз, когда они думали, что я не смотрю на них.

- Не все так делали.

- Что ж, надеюсь, что нет.

- Поверьте. Некоторых вы очаровали.

- Но, видимо, не тех, кто послал убийцу, чтобы прикончить меня у ворот.

Жрица нахмурилась.

- Вы действительно считаете, что кто-то из старейшин города в ответе за это?

- Честно? Да кто его знает? Хасос недоволен мной из-за того, что я отнял часть его полномочий и тем принижаю его значимость. Остальные могут подумать, что я принесу беду просто потому, что я боевой маг. Но есть и другие варианты. Вы вполне можете быть уверенной, что у Трескеля есть один-два агента, живущих в городе. А даже если и нет, то насколько трудно будет убийце проникнуть в город, смешавшись с честными фермерами и торговцами, когда открываются ворота? Тем более, если они владеют чарами?

- Не похоже, что вас это сильно беспокоит.

Аот пожал плечами.

- Не скажу, что я привык к такому, но иногда покушения – лишь часть войны.

- Что ж, я думаю, вы храбрец. Не говоря уже о том, как наблюдательны. Я бы упала с той лестницы, если бы вас не было со мной.

Он мог бы сказать, что не будь его тогда с ней, лестницу не повредили бы, но, учитывая его надежды, это показалось неуместным. Аот погладил ее щеку. Немного неуверенно – это ведь верховная жрица, как-никак, а он отчасти по-прежнему чувствовал себя муланом, проводившим свое детство в постоянных напоминаниях о том, что он страшный и уродливый рашеми.

Она улыбнулась и под села ближе, и тогда наемник убедился, что они хотят одного и того же. Аот поцеловал ее. Губы жрицы согревали его прямо как солнечный свет.

Вскоре им надоела твердая узкая скамейка, и они легли на землю. Аот расстегнул верхнюю часть ее желтого одеяния и просунул свою руку внутрь, чтобы ласкать ее через рубашку.

Затем, на какое-то мгновение, наемник учуял что-то неприятное и едкое сквозь смесь ароматов растительности, мокрой почвы и духов жрицы с запахом сирени.

Он начал подниматься, чтобы оглянуться вокруг, но Цера усилием опустила его назад. Аот практически поддался, но затем осознал, что новый аромат пах точно так же, как кислота драконорожденных, которой те плевались в Лутчеке.

Наемник вырвался из объятий Церы, и она удивленно вскрикнула. Драконорожденные, завернутые в плащи с капюшонами, приближались к нему и его спутнице. Мерцание магии обозначило контуры их тел. Скорее всего, это означало, что они были в той или иной мере невидимыми. Конечно, не для Аота, но поскольку все его внимание было сфокусировано на Цере, у драконорожденных отлично получилось подкрасться к нему.

Двое ближайших противников сделали глубокий вдох.

Присев, наемник схватился за копьё, прицелился и прорычал слово силы, чтобы высвободить одно из заклинаний, хранившихся внутри. Облако зеленого пара возникло вокруг драконорожденных. Их скрутило и вырвало внутри облака – какое-то время они не смогут использовать свое дыхательное оружие.

К сожалению, было еще много противников за пределами тумана, а Аот был без доспеха. На банкеты в них не ходят.

Он вскочил на ноги, как и Цера. Наемник не был уверен, много ли видят люди с обычными глазами в подобных ситуациях. Судя по выражению лица жрицы и ее

стойке, она заметила признаки угрозы - возможно, невнятные силуэты мерцающие на границе поля зрения.

- Я могу снова призвать свет Амонатора... - начала девушка.

- Я и так их вижу, - оборвал Аот. – А еще я вооружен, а ты – нет. Приведи помощь!

Жрица развернулась и побежала к арочной желтой двери, ведущей к дому Хранителя. Драконорожденный метнулся за ней. Наемник сделал выпад, чтобы перехватить его.

Рептилия, стоявшая во главе, опустила меч на голову Аота. Он отразил удар древком копья, крутанул свое оружие и вонзил его в горло противника. Как только наемник опрокинул его, то заметил еще одного драконорожденного, собиравшегося плюнуть едкой жидкостью.

Не было времени сократить дистанцию или попытаться остановить рептилию заклинанием. Он мог только уклониться; немного кислоты расплылось ему на левую руку и плечо. Дымящая и шипящая жидкость жгла подобно гневу Коссута.

Аот не мог позволить ей замедлить себя, иначе противники его наверняка сокрушат. Он пробудил магию татуировок, чтобы приглушить боль и нанести ответный удар громopodobным взрывом звука. Магия сбила драконорожденного с ног и, если Аоту повезло, раздробила его кости и внутренние органы.

Времени убедиться в этом не было. Он повернулся и сбил следующую пару драконорожденных взрывом алого пламени.

Боль обожгла спину Аота, и он еще раз пробудил магию болеутоляющей татуировки. Она сработала, но не так хорошо как в прошлый раз. Наемник развернулся, выпалил слова силы и превратил врага, который только что плюнул на него, в горстку пыли.

Ни один из драконорожденных не был ровней Аоту, но их было много, и они не атаквали по одному, как и не были слишком глупы, чтобы сбиваться в кучи – так боевой маг смог бы поразить их каким-нибудь массовым заклинанием, чтобы уничтожить сразу нескольких противников. Постепенно, несмотря на все его усилия, наемника окружили.

Еще больше кислоты попало ему на спину. Он взревел и рванул вперед. Драконорожденный сделал выпад, чтобы рубануть и уколоть, пока Аот потерял равновесие.

Затем боевой маг почувствовал, как кто-то проник в его разум и воспользовался его глазами. Черная, как ночное небо над головой, фигура вынырнула сверху начала рвать рептилий когтями и давить своим весом. Джет повернул голову и обезглавил очередного противника своим острым клювом. Испугавшись, остальные драконорожденные отпрянули.

Аот попробовал использовать татуировку снова и обнаружил, что еще немного обезболивающего в ней осталось.

- Ты следил за мной? – выдохнул наемник.

- Нет, - ответил Джет. – Я просто упражнялся, и так вышло, что пролетал над тобой. Но, видимо, мне стоило следить. Почему ты никогда не можешь спариться, не влезая в неприятности?

Драконорожденный оправился от шока и напал. Аот нырнул под его топором и вонзил копьё во внутренности рептилии. Тогда остальные противники рванули

вперед, и уже не хватало ни времени, ни дыхания на разговоры. До тех пор, пока все рептилии не лежали разорванные, почерневшие, обугленные, покрытые ледяной коркой или как-то иначе убитыми на земле.

- Проклятье, - прорычал Аот. – Можно же было захватить и допросить пленника. Джет хмыкнул.

- А я-то думал, что хорошо поступаю, спасая твою шкуру.

- Поверь, я благодарен. Просто досадно, - сетовал всадник, изучая тела.

- Я тоже заметил, - сказал грифон. – Никаких серьг, прямо как в Лутчеке.

- Ты прав, - ответил Аот, - но я заметил кое-что еще. В прошлый раз драконорожденные были разных цветов, а эти – все до единого - черные. Совпадение?

- Возможно, они все принадлежат к какой-то секте или обществу, куда принимают только черных.

- Отлично. Но они все плевались в нас кислотой, точно так же, как черные драконы. Но цвет чешуи драконорожденных не имеет никакого отношения к природе их дыхания. Так совпадение?

- Не похоже. Но что это значит?

Аот вздохнул.

- Понятия не имею, - его ожоги пульсировали, и он втянул воздух сквозь зубы.

Затем желтая дверь распахнулась, и Цера вылетела из нее с булавой и щитом, которые были сделаны будто из золота или, что более вероятно, просто так выглядели. Жрецы и стражники, толпившиеся за ней, были вооружены похожим образом. Все они ненадолго остановились при виде этой кровавой резни.

- Свала богам, что вы здесь, - съязвил Джет.

Цера виновато посмотрела на Аота.

- Прошло всего ничего. Я привела остальных так быстро, как только смогла.

- Я знаю, - успокоил Аот, - и вы не опоздали, чтобы помочь нам. Нас обоих обожгло. И вообще-то, болит довольно сильно.

Жрица бросила свое оружие и щит и принялась осматривать раны. Она пробормотала молитву и нежно коснулась рукой обожженных мест – успокаивающее тепло облегчило боль.

- Ты знала, что в Сулабаксе так много драконорожденных? – спросил Аот.

Цера покачала головой.

- Это никак не укладывается в моей голове. Их здесь вообще нет.

- Что ж, - сказал Джет, пока друзья жрицы осторожно приближались к грозному животному с окровавленными клювом и когтями, чтобы заняться его ожогами, - видимо, теперь есть.

* * * * *

Гаэдинн стучал кандалами об пол. Они били его по запястьям и вскоре вызвали боль, но он все равно продолжил. Лучник уже пытался сжать пальцы вместе и вытащить руку или схватиться за цепь и вырвать ее из крепления в стене, но не смог. Он не знал, что еще ему попробовать.

Слева от него Джесри читала одна заклинание за другим. Иногда это звучало так, будто она отдает команды, иногда – будто упрасивает, а иногда – угрожает. Но как бы она ни пыталась, ни разу не вышло ничего серьезнее, чем щелчок сжатого воздуха или мимолетный привкус горечи на языке Гаэдинна.

В конце концов, он перестал стучать, чтобы перевести дыхание. Это вдохновило на паузу и Джесри. Темнота казалась еще темнее без этих звуков, что наполняли камеру.

Наемник изучил свои кандалы на ощупь. Если его старания и повредили замок или сбили петли, он не мог сказать наверняка. Он выругался.

- У меня тоже ничего не выходит, - сказала Джесри.

Лучник попытался говорить со своей обычной самоуверенностью.

- Ну и ладно, цепи – лишь временное неудобство. Наши сопровождающие снимут их, чтобы отвести назад к Джаксанедегору. Затем твои силы вернуться и ты подожжешь одну из этих тварей, а свет даст мне возможность стрелять по остальным.

Девушка выдержала паузу, а затем сказала:

- Да, уверена, что именно так все и будет. Но на случай, если это вдруг не...

- То?

Еще одна пауза.

- Не знаю. Мне в любом случае не стоит думать в таком ключе. Мы должны верить, что мы сможем что-то сделать.

В темноте послышались шаги.

Джесри испуганно втянула воздух, а Гаэдинн, почувствовав, как натянулись его мышцы, выдохнул, чтобы снять напряжение.

Он слышал, как приближается лишь кто-то один. Лучнику никогда не удавалось услышать вампиров, пока те хватали его. Неужели у них с Джесри и правда есть шанс?

Шаги затихли перед ним. Затем что-то клацнуло об пол.

- Еда и вода, - прохрипел голос с варварским акцентом. – Дракон хочет, чтобы вы набрались сил. – хихикнул стражник. – Хочет, чтобы ваша кровь набралась сил.

Надежда ускользнула от Гаэдинна так же быстро, как и возникла. Ведь это был не конвой, который бы снял оковы.

Тем ни менее, ему было необходимо утолить жажду и наполнить желудок. Ползком нащупал себе путь вперед так далеко, насколько позволяла цепь. Там он нашел то, что показалось ему керамической миской с отколовшимся ободком. В ней была вода и ломоть хлеба. Хлеб был твердым как камень и сырым там, где вода успела впитаться.

Гаэдинн силой заставил себя пить медленно. Вода была теплой и отдавала серой. Обезвоженное тело наемника содрогнулось от облегчения, когда жидкость потекла в желудок.

Тем временем прислужник Джаксанедегора подался вперед. Очередной клацающий звук означал, что он опустил миску для Джесри.

Затем – ничего. Ни единого звука, свидетельствующего о дальнейших передвижениях. Очевидно, стражник все еще стоял напротив волшебницы.

Не будучи глупой, она, наверняка, поняла это, и это встревожило ее, как и Гаэдинна. Но ей была нужна вода так же, как и ему. Цепь волшебницы зазвенела, когда она подалась вперед.

Кожа скрипнула. Стражник двигался. Цепь загремела, когда Джесри отступила назад.

- Ты быть красивая, - сказал охранник. Он подошел к ней. Было чудовищно легко представить, как он прижимает ее к стене.

Раскинув руки, Гаэдинн переместился влево на всю длину цепи. В пределах досягаемости ничего не было.

За пределами его вытянутых рук донеслось хрюканье, звон цепей, звук удара по лицу и о твердую плоть. Затем охранник взвыл. Что-то большое и тяжелое врезалось в руки Гаэдинна.

Лучник думал, что готов действовать, если ему выпадет такой шанс, но неожиданный удар из темноты застал его врасплох. Охранник отбивался, чтобы выйти за пределы досягаемости Гаэдинна, до того, как тот схватит его. Лучник отчаянно ухватился за то, что напоминало доспехи и тело внутри него.

Он до сих пор не знал, с каким существом борется. Но несостоявшийся насильник определенно мог видеть в темноте, а это означало, что он быстро разберется со своим противником, если Гаэдинн даст ему такой шанс. Лучник лишил охранника равновесия, бросил на пол и рухнул на него сверху.

Он держал противника одной рукой и колотил другой, сложив цепь, чтобы использовать ее как кистень. После первого такого удара, что-то порезало кожу на костяшках Гаэдинна. Видимо, размахивая кулаком, он напоролся на клык или бивень.

В то же время охранник лупил его в ответ, пытаясь вырваться из захвата, извиваясь под лучником. Внезапно удары прекратились.

Вероятно, охранник решил взяться за нож. Что-то в том, как двигалось тело противника, подсказало наемнику, какой рукой тот пытается дотянуться до оружия. Он изогнулся. Рука неприятеля прошла в районе груди – первая атака промахнулась.

Не похоже, что вторая атака пройдет мимо. Взревев, Гаэдинн вложил всю свою силу и вес в следующий удар по лицу. Кость треснула и охранник обмяк.

Но лучник все еще мог слышать дыхание противника. Он пошарил, нашел шею охранника и двумя руками сдал ее.

- Ты в порядке? – спросила Джесри.

- Нормально, - задыхаясь, ответил он. – Вот заканчиваю тут. А ты?

- Только царапины и синяки, кажется. Я решила, что моей единственной надеждой будет толкнуть его туда, где бы ты смог достать, но потом я уже не могла дотянуться до него.

- Не волнуйся об этом. Ты достаточно мне помогла, - Гаэдинн ослабил хватку. Свист не возобновился. – Давай узнаем, какие подарки нам принес твой поклонник.

Он обшарил тело охранника. Наемник обнаружил нож, саблю, которую его противник был не в состоянии использовать на таком близком расстоянии, а затем и металлическое кольцо, подвязанное к поясу. Когда Гаэдинн нащупал то, что было прикреплено к нему, он затаил дыхание.

- Что такое?

Лучник вставил ключ в скважину на левом запястье и провернул его. Замок щелкнул, и тяжелое металлическое кольцо раскрылось.

- Доказательство того, что Госпожа Удача, возможно, на самом деле любит меня так сильно, как я того заслуживаю, - он избавился от остальных оков. – Говори, чтобы я смог найти тебя, не врезавшись.

- Меня зовут Джесри Колдкрик. Я волшебница и офицер в Братстве Грифона. Моего грифона зовут...

- Достаточно, - Гаэдинн протянул руку и обнаружил ее вытянутые руки. Ключ подошел и к ее кандалам.

Она пробормотала слова силы и наколдовала сияющий янтарный шар у себя в ладони. Сперва он ослепил лучника и заставил зажмуриться, но затем его глаза приспособились. Теперь он лично мог увидеть, что она была невредима, хоть потрепана. Гаэдинн ощутил желание обнять ее, но вовремя одумался.

На свету стало видно, что охранник был орком. По правде говоря, одно такое существо не должно быть проблемой для солдата, который в одиночку сражался с призраками, ночными ходоками и стальными скорпионами Анхаурза, и Гаэдинн усмехнулся при мысли, что именно этот противник подарил ему самую отчаянную схватку из всех, в которых ему довелось поучаствовать.

- Чего ухмыляешься? – поинтересовалась Джесри.

- Потом расскажу. Смотри, каким-то образом нам удалось потанцевать с нашим охранником, не перевернув ни одну миску. Так что прошу к столу. Нам это пригодится.

После того, как они закончили трапезу, Гаэдинн присвоил себе оружие орка и – скривив рот от отвращения – доспехи. Утолщенная кожа воняла потом зверообразного воина, но защита есть защита.

Застегнув его, лучник обнаружил, что не может затянуть ремни достаточно сильно, чтобы броня аккуратно сидела на его тощем теле, и спросил:

- Ты сможешь замаскировать нас?

- В некоторой степени, - ответила Джесри. – Но мы не найдем отсюда выход без света.

- Я знаю. Но так как Джаксанедегор в определенной мере правитель королевства, возможно, у него есть прислужники или посетители, которым нужен свет так же, как и нам. Если это так, то использование света не обязательно разоблачит нас.

- Будем надеяться.

Волшебница установила светящуюся сферу так, чтобы она парила в воздухе, будто ее поставили на полку. Затем она пробормотала рифмованное заклинание и провела кончиками пальцев от центра лица к его краям, как бы разукрашивая. Когда она сделала то же с Гаэдинном, его щеки и лоб начало покалывать.

- Вот, - сказала девушка.

Лучник посмотрел на свои руки. Они оказались чистыми, бледными и абсолютно безволосыми. Татуировки выглядывали из-под рукавов того, что теперь оказалось кольчугой тонкой работы с коваными медными рунами и символами, вплетенными в звенья.

Джесри тоже была в татуировках и без волос, даже ее брови и ресницы исчезли, оставляя голову голой, как яйцо. Ее золотые глаза сменились менее заметными серыми, а залатанные, рваные тряпки бродяги Илззы превратились в малиновую мантию.

- Мы тэйцы, - объявил Гаэдинн.

- Думаю, Сзасс Тэм иногда отправлял гонцов к лордам Трескеля. Если это правда, тогда низшие слуги Джаксанедегора научены кланяться и пресмыкаться перед ними. Кроме того, они не ожидают, что гонцы будут знать округу. Оба эти факта играют нам на руку. Итак, я – красная волшебница, а ты – мой рыцарь.

Гаэдинн улыбнулся.

- Почти как в жизни.

Благодаря золотому сиянию стало ясно, что прислужники Джаксанедегора заточили их во впадине, где десятки комплектов оков свисали со стен. Из темноты вел лишь один проход. Джесри послала сферу света дрейфовать в том направлении, и они с Гаэдинном последовали за ней.

Пока они шли, лучник надеялся, что дальше проход разветвляется, поскольку впереди находился пост охраны, бараки или что-то вроде того. Ему ничего не удалось рассмотреть в темноте, но наемник слышал гул голосов, когда вампиры вели их с Джесри туда и назад.

Но, казалось, переменчивая Тимора снова забыла о нем. По правде, возможно, было чересчур просить ее вернуться назад во времени, вмешаться в дела Коссута и Грамбара и изменить трещины в вулкане, вырезанные лавой, просто чтобы облегчить ему путь. В любом случае, никакого запасного пути видно не было до того, как Гаэдинн услышал голоса еще раз и учуял запах древесного дыма и жареного мяса. Его ломоть черствого хлеба не был ни большим, ни сытным, и вскоре от запаха его рот наполнился слюной.

- Они посчитают странным, что два тэйца выходят из темницы, - прошептала Джесри.

- Особенно учитывая, что они не видели, как два тэйца туда входили, - продолжил Гаэдинн. - Похоже, они могут задуматься об этом. А может и нет. Но если вдруг такое случится, что ж, ты маг и слишком важная и высокомерная фигура, чтобы любезно отвечать на вопросы таких, как они.

- Точно.

Они продолжили путь. Проход расширился, уводя тропу к смежным камерам по обе стороны. В целом, помещение было достаточно большим для гарнизона из десятков солдат, но Гаэдинн был рад увидеть, что сейчас их тут было куда меньше.

По крайней мере, один здесь был точно. Одноглазый орк, нахмурившись, выглянул в проход. Гаэдинн уставился на него, и тот отступил в темноту. Но как только предполагаемые тэйцы прошли мимо, охранник выкрикнул что-то на своем языке. Лучник не разговаривал на нем, но предположил, что фраза относилась к нему и Джесри.

Другие голоса откликнулись и послышались шаги. Еще пять орков появилось из помещения впереди, затем они сгруппировались.

Было не похоже, что они собираются атаковать. По крайней мере, пока. Однако орки определенно не собирались пропускать незнакомцев без пары слов, объясняющих происходящее.

Тем ни менее, ситуация не казалась такой уж плачевной, пока сфера не пролетела достаточно близко чтобы осветить охранников полностью. Тогда Гаэдинн увидел, что четверо из них были воинами, а пятый был одет в объемную мантию и держал посох. Он был каким-то чародеем или шаманом, и, видимо, более хитрым – обмануть его будет труднее, чем его дружков.

Ну и ладно. Гаэдинну нужно просто выстрелить парой метких фраз, словно стрелами Остроглазого.

Когда они с Джесри подошли достаточно близко, чтобы общаться без труда, лучник грубо кивнул.

- Мы возвращаемся к себе.

- К себе? – спросил шаман. Он говорил на чессентском без акцента, и хотя его посох был вырезан из теневого дерева, а не из черного, и рунные узоры, полосами покрывавшее его, были изготовлены из какого-то редкого красного металла вместо золота, оружие выглядело красиво и аккуратно, как то, что отобрали у Джесри в Морктаре.

- Покои, которые лорд Джаксанедегор предоставил леди Ажир, - объяснил наемник.

Один из солдат-орков повернулся, чтобы пробормотать что-то в остроконечное ухо чародея. Это дало Гаэдинну возможность получше осмотреть лук, который весел на спине воина. Оружие было так же великолепно изготовлено, как и посох, и его оно влекло так же сильно, как и запах жареного мяса.

- Мы понимаем, - произнес чародей. – Но как вы попали в камеру?

Гаэдинн усмехнулся так, будто это был глупейший вопрос.

- Моей госпоже не нужно передвигаться как обычным людям.

Не будем углубляться в тот факт, что ни один волшебник в здравом уме не будет вслепую перемещаться по незнакомым системам тоннелей без веской причины.

- Но зачем вообще идти в камеру вообще? – не останавливался шаман. – Я бы не спрашивал, если бы не отвечал за пленников.

- Мы не навредили им, - ответил лучник. – Когда господин Джаксанедегор упомянул их, моя госпожа обнаружила сходство с парой наемников, которые вызвали немало проблем в Тэе в прошлом году. Ей стало интересно, ни те ли это бандиты. Оказалось, что нет. А теперь, орк, я утолил твое любопытство или ты продержишь нас тут, пока дракону не станет интересно, что это за назойливый прихвостень задерживает его гостей?

- Вы, конечно же, можете проходить, - сказал орк - Простите, если я оскорбил вас. Он и остальные орки расступились по бокам прохода.

Когда Джесри и Гаэдинн шагнули вперед, наемник заметил движение боковым зрением. Он посмотрел в том направлении, пытаясь сделать это незаметно.

Безглазая черная крыса вылезла из капюшона шамана и села у него на плече. Там она втянула воздух несколько раз как ищайка.

Сможет ли маскировка Джесри обмануть нос так же, как обманула глаза? Гаэдинн понятия не имел.

Он вытащил саблю, повернулся и нанес удар. Чародей упал на спину с рассеченным горлом. Питомец свалился с его плеча.

Наемник развернулся, полоснул, и еще один орк рухнул. С легкой частью покончено. Оставшиеся трое стояли с оружием наготове.

Они бросились в атаку, и Гаэдинн упал на землю перед ними. Джесри махнула рукой справа налево, окатив их волной огня. Одного орка охватило пламя, и он завертелся. Хотя двух других едва опалило, они замешкались. Пользуясь тем, что противники отвлеклись, лучник набросился на них и уложил обоих.

Горящий орк тоже рухнул. Гаэдинн улыбнулся Джесри. Глядя туда, откуда они пришли, девушка вытянула руку и произнесла слова силы. Заряды желтого света слетели с кончиков ее пальцев. Они вонзились в тело орка, который позвал остальных, - и о котором наемник совсем забыл бы, если бы не волшебница.

Орк подался вперед. Его пальцы все еще держались на спусковом крючке его арбалета, но болт просто упал на пол в паре шагов перед ним.

- Я думала, мы пытаемся пройти хитростью, - сказала Джесри. - Все могло получиться.

- Возможно, - ответил Гаэдинн, - но я не хотел терять преимущество ради того, чтобы узнать это. Кроме того, тебе нужен посох, а мне - лук. И нам обоим нужно вот то мясо.

Как оказалось, это был козел. Он все еще был полусырой, но у них не было времени медлить и крутить вертел. Они наполнили желудки и отправились дальше.

Спустя некоторое время они нашли выход к широкой площадке, достаточно высокой, чтобы вместить каменные здания и невысокие башни. Над ними было серое небо.

Вид любого неба обрадовал бы Гаэдинна, но такое - особенно подняло ему настроение. Сейчас был день, и испарения вулкана не могли скрыть солнце. Ни один вампир не сможет преследовать их под таким небом, и даже живым, но ночным существам, таким как орки, будет не очень комфортно.

- И какой план? - Джесри позволила парящей сфере исчезнуть. - Просто попытаемся выйти, будто у нас есть на это право?

Лучник усмехнулся.

- А почему бы и нет? В конце концов, кого-то мы должны оставить в дураках.

Они направились к скоплению зданий. Гаэдинн попытался выглядеть как надменный воин-тэец, осматривая все презренным взглядом. Совсем не как дерганный беглец, чьи нервы на пределе после путешествия темным лабиринтом из тоннелей.

Сутулый испачканный мужчина преградил путь наемникам, заметил их и запнулся, пытаясь понять, достаточно ли они близко, чтобы ему нужно было поклониться или преклонить колено, а затем успокоился и поспешил по своим делам. Часовой, тоже человек, наблюдал за их передвижением с высоты зубчатых стен одной из башен, но без явных признаков подозрения или капли любопытства.

За пределами площадки горный скат переходил в более пологий склон, что позволило заниматься там возделыванием земли. Рабы, согнувшись над

свежевспаханнми полями, высаживали горох или бобы в канавки и злаки на гребнях. Среди них прогуливались надзиратели с хлыстами.

Рядом стоял сарай и загон с лошадьми. Гаэдинн повел Джесри в том направлении.

- Конюхи! – выкрикнул он.

Двое рабов появились в поле зрения. У них была такая же угодливая манера поведения, как и у того мужчины на площадке, и по паре скверных колотых ран на шее.

- Мы с госпожой собираемся на прогулку, - сказал Гаэдинн. – Седлайте лошадей.

Мужчины запнулись. Затем один заговорил:

- Сельская местность может быть опасной. Я могу позвать солдат в башне, чтобы...

- Немедленно! – рявкнул наемник.

Рабы вздрогнули и поспешили выполнить приказ. Могло бы показаться, что седлают лошадей бесконечно, если бы Гаэдинн не видел, что рабы действительно спешили. Но, в конце концов, он и Джесри сидели в седлах и, спустя мгновение, мчали рысью вниз по извивающейся между полей тропе.

Джесри покачала головой.

- Странно.

- Что? – спросил Гаэдинн.

- Я бы не сказала этого раньше, но теперь, когда мы выбрались, побег кажется каким-то уж слишком легким.

Наемник рассмеялся.

- По моим подсчетам, у нас есть около половины дня, чтобы увеличить расстояние между нами и горой Тулбэйн. Прежде чем ты будешь рассуждать, насколько легко было сбежать, давай посмотрим, как мы переживем наступление сумерек.

ГЛАВА 7

День Зеленой Травы – 7-ое число месяца Миртул, год Извечного (1479 ЛД)

Воздух наполнял запах цветов. Молитвы друидов и жрецов солнца помогли взрастить их как раз к празднику весны. Обычно цветами украшали общественные места или отдавали прихожанам, чтобы те использовали их как подношение, но Цера оставила себе два букета, которые теперь стояли в вазах в ее спальне.

Верховная жрица лежала на животе под спутанными покрывалами, которые лишь слегка прикрывали ее обнаженную спину. Аот изучал спящую Церу, пока она слегка посапывала.

Наемник аккуратно встал, накинул одежду, брошенную на полу, и взял свое копье, которое стояло прислоненным у стула. Жрица все еще сопела.

Пока все складывается неплохо, но что дальше?

Аот мог бы начать рыться в ее личных вещах, но будет плохо, если Цера проснется и застучает его. В любом случае, если то, что он ищет, действительно находится здесь, то признаки он может отыскать где угодно. Наемник пересек спальню и выглянул в коридор. Его обрадовало, что какая-то экономная душа затушила масляную лампу. Мрак скроет Аота, не мешая его собственному зрению.

Он прокрался мимо комнат подчиненных Церы. Из одной из них слышался стон, ритмичные шлепки – из другой. На мгновение Аот улыбнулся. Когда он был молод, жрицы Латандера были знатными любовницами, и хотя Амонатор должен был быть более сдержанным и возвышенным божеством, похоже, что его последователи унаследовали те же склонности.

Или, возможно, просто День Зеленой Травы разжег во всех жажду плотских утех.

Капитан выскользнул из монастыря в святилище, где было почти так же темно. В некоторых местах горели ритуальные огни. Луна и звезды сияли сквозь стеклянную крышу. Аот не особо много знал об обычаях почитателей Амонатора и, учитывая, что он мог потревожить какой-нибудь поздний ночной ритуал одного из жрецов, а, возможно, и церемониальную охрану, он стал красться еще осторожнее. Не похоже, чтобы кто-то находился поблизости.

Наемник был уверен, что его отмеченные огнем глаза заметят наличие скрытых дверей, но и тех, похоже, тут тоже не было. Была лишь каменная лестница, упирающаяся прямо в пол. Он спустился и подошел к двери в виде кованой решетки. Аот надавил на нее. Заперто.

Наемник нахмурился. Джесри наверняка смогла бы открыть замок, не сломав его. Гаэдинн, наверное, тоже справился бы с дверью. Они оба были лучше приспособлены к шпионажу, чем их командир, именно поэтому Аоту и пришлось отправить их в Трескель. Сейчас он жалел об их отсутствии.

Что ж, придется ему самому показать все, на что он способен. Капитан вставил острие копья в трещину над защелкой, затем надавил высвобождая немного энергии, хранящейся внутри оружия, чтобы увеличить усилие. Решетка со щелчком открылась.

Аот прикрыл ее за собой. Если повезет, никто и не заметит взломанного замка до самого утра. Наемник спустился по оставшимся ступенькам.

Они привели его в затхлую комнату с кирпичными стенами и несколькими старыми коробками, разбросанными вокруг. Он прошел через арку в следующее прямоугольное помещение, похожее на то, что только что видел.

Еще одна решетчатая дверь отделяла вторую комнату от третьей. По ту сторону стояли сундуки, банки, урны и иконы, изображавшие Повелителя Утра, а следовательно, не подходящие более для почитания – богатства храма, запертые для сохранности.

Аот взломал новую преграду и изучил хранилище. Как бы тщательно наемник ни всматривался в содержимое комнаты, ее потолок, стены и пол, он по-прежнему не видел следов того, что искал. А больше смотреть было негде, только не здесь.

Теплый золотистый свет возник у него за спиной. Когда Аот повернулся к дверному проему, сияние стало ярче. Казалось, он смотрит прямо на солнце.

К сожалению, яркий свет был одной из вещей, способных ухудшить его зрение. Закрыв сияние одной рукой, Аот поднял копье:

- Прекрати это. Мне не нужно тебя видеть, чтобы навредить.

- Я поручилась за тебя, - слышался голос Церы то ли изнутри ослепительного света, то ли позади его. – Я сказала всем, что ты благородный, что ты пришел защитить нас. А ты выскользнул из моей постели и проник сюда, чтобы украсть сокровища Амонатора!

Наемнику стало интересно, верит ли она сама в свои слова.

- Ты ошибаешься. Это не то, чем я занимаюсь.

- Тогда брось копье и сдайся, а потом – разберемся.

- Я не могу этого сделать.

Она может убить его, как только он останется без оружия.

- Что ж, тогда ты сам виноват.

Свет в дверном проеме будто прыгнул на него, обвился вокруг, сковав болью. Аот обратился к татуировке, пробудив ее, и чары заглушили агонию. Возможно даже, не дав ему вспыхнуть пламенем.

Наемник прорычал слово силы, и грохот пронесся по подвалу. В надежде, что это хотя бы пошатнуло Церу, Аот бросился к двери. И врезался в решетку. Он ведь оставил ее открытой; похоже, жрица закрыла дверь, а яркий свет не дал ему этого заметить.

Наемник отлетел и рухнул на задницу. Петли решетки звякнули, ударившись о стену. В сторону Аота направились шаги.

Цера, видимо, надеялась, что удар оставил его ошеломленным или дезориентированным, но, хотя его голова и гудела, этого не произошло. Боевой маг примерно представлял, где она находится и он поднял копье, пытаясь оттеснить жрицу. Но затем метнулся в сторону вместо этого. Что-то, скорее всего золотая булава жрицы, ударило об пол.

Аот вскочил и повернулся спиной к Цере и ослепительному свету. Наемник все еще был отчасти слепым – пятна по-прежнему плавали перед глазами – но, по крайней мере, теперь он мог видеть ее силуэт и то, что она действительно вооружилась своей булавой и щитом.

Встав на ноги, Аот сделал обманный выпад копьем Цере в лицо. Круглый щит метнулся вверх, чтобы отразить атаку, что несколько закрыло ей обзор. Жрица была находчивой и владела мощной магией, но она не была экспертом в рукопашном бою.

Наемник отвел копье и поддел ноги девушки тупым концом своего оружия. Она рухнула на пол. Аот еще раз крутнул копьем и коснулся острием ее горла.

- Опусть булаву и щит, - сказал он.

Девушка подчинилась.

- Теперь оттолкни их.

Слышался лязг метала.

- И потуши свет у двери.

- Но я ничего не смогу видеть, - моргнула Цера.

- Ничего страшного. Я смогу.

Свет погас.

- Это еще не конец, - процедила она.

- Конец, если я убью тебя, и никто не узнает, кто это сделал.

- И ты так поступишь? – ее голос дрогнул, но лишь слегка.

Он вздохнул и коснулся ушибленного лба:

- Еще не знаю. Я брожу здесь, потому что ничего не знаю об этом месте. Поначалу меня это устраивало. Я решил позволить знати плести свои заговоры и секреты. Пусть погрузят весь Восток в войну из-за какой-нибудь дурацкой причины или без нее вообще. С точки зрения наемника, нет ничего лучше.

- Но после двух покушений на твою жизнь, ты передумал.

- Вроде того. Как я уже сказал, убийство – это лишь ход в игре, в которую мы, солдаты, играем. Но убийцы-драконорожденные в городе, где драконорожденных никогда и не было? Еще и особого вида к тому же? Это уже слишком странно. Даже если отбросить мою личную безопасность, становится очевидно, что происходит слишком много того, чего я не понимаю. А это уже может привести к проблемам на поле битвы.

Цера нахмурилась, видимо, размышляя над услышанным, и спросила:

- Учитывая магию, которой они пользуются, разве они не смогли бы проникнуть в город извне?

- Возможно, - ответил Аот, - но откуда «извне»? Трескель? Насколько нам известно, там их тоже нет. Из самого Тимантера? Да и с чего бы этим проклятым рептилиям охотиться на меня? Я хороший солдат, но не настолько уж важный. Проклятье, да если бы ты слышала, как я разорвал контракт с Агларондом, отправился в Тэй, понес тяжелые потери и отступил, ничего не достигнув – не говоря уже об очередном поражении в Импилтуре – ты бы даже не посчитала меня хорошим солдатом.

- Это загадка, - сказала жрица, - но что заставило тебя искать ответы в подвалах моего храма?

- Как бы глупо это ни звучало, я работаю над теорией, что кто-то в Сулабаксе скрывает у себя драконорожденных и помогает им. А теперь внимание: кто был со мной удивительно дружелюбным и приветливым с самого начала?

- Я, но не для того, чтобы отвести от себя подозрения или ослабить твою бдительность. Ты заинтриговал меня. Я выросла в Лутчеке, а не в тихом и мирном городке. Мне понравился местных, но честно говоря, они часто мне наскучивают. А ты был экзотичным незнакомцем, который общался с королями и архимагами и с боем вырывал свое по всему миру.

- Когда ты пригласила меня на прогулку по стене, это дало первому убийце возможность испортить ступени. А когда я замер, ты врезалась в меня сзади. Я чуть не упал.

- «Чуть не упал», потому, что я и не старалась столкнуть тебя. А что до остального, что ж, это был не первый раз, когда ты поднялся на ворота осмотреть окрестности. Тот драконорожденный просто скрывался неподалеку и ждал своего часа.

- Ему и его друзьям выпал второй шанс, когда ты устроила прием, а затем вывела меня в сад. Ты даже уложила меня, чтобы я не увидел, как они приближаются. А потом, когда я отправил тебя за помощью, ты и остальные жрецы так и не появились, пока драка не закончилась.

- Все потому, что Джет тебе помог, вдвоем вы быстро с ними расправились. А что до остального, то клянусь Желтым Солнцем, это просто совпадение или же рептилии просто наблюдали и выжидали удобного момента. Банкет не был секретом, как и твой визит на стену.

- Что бы ты ни говорила, это не меняет того факта, что драконорожденные уже дважды нападали на меня, и оба раза ты была рядом.

- И если бы я использовала свою магию против тебя, то они бы уже точно убили тебя.

- Не точно. Если бы я выжил, то знал бы, что ты – мой враг.

Цера нахмурилась:

- Послушай-ка, идиот. Я жрица Повелителя Вечного Солнца. Одной из высших сил праведности. Я бы не сделала ничего злого или коварного.

- Могла бы, если бы внушила себе, что служишь высшей цели. Прямо как твой наставник, считающий своим долгом преследовать волшебников и накладывать проклятия на шествующих прямо на улице.

- Разве ранее этой ночью ты не почувствовал, насколько на самом деле мне понравился?

У жрицы наверное закончились доказательства, ведь это было самым слабым. Любой мужчина, проживший сотню лет, должен знать, сколь многие женщины могут убедительно изображать привязанность.

И все же, собранные воедино, ее аргументы имели смысл, особенно учитывая, что его поиски ничем не увенчались. И кто знает, возможно, наемник действительно ощущал какую-то связь между ними, просто недостаточно сильную, чтобы побороть его подозрения.

- Хорошо, - Аот убрал копьё от ее горла и пробудил магию, заставив наконечник сиять. – Полагаю, кто бы ни хотел добраться до меня, это не ты.

Наемник протянул Цере руку, чтобы помочь подняться.

Жрица оттолкнула ее и поднялась самостоятельно.

Аот нахмурился:

- А я-то думал, что «на самом деле понравился» тебе.

- Нравился. Пока не соблазнил меня, чтобы получить возможность обыскать Дом Амонатора.

- Я тебя соблазнил?

Ее губы дрогнули. Улыбка, которая попыталась прорваться через сердитое выражение лица?

- Наверное, это несправедливое обвинение. Но ты все равно обманул меня!

Аот вздохнул:

- Справедливости ради, ты тоже мне нравилась, пока я не начал волноваться на твой счет. Если хочешь мне отомстить, то можешь пожаловаться Хасосу или написать Никосу, Даэлрику, или Герою Войны.

- А если это вынудит тебя и твоих головорезов убраться из Сулабакса, или вообще из Чессенты, то как это поможет нам, если Трескель нападет?

- Что ж, так это и работает.

Она смахнула локон светлых кудрей, закрывавших глаза.

- У тебя есть собственная небольшая армия. Вместо того, чтобы самолично искать драконорожденных здесь, почему бы не использовать свое войско, чтобы обыскать весь город, дом за домом.

- Враги могут заметить нас и скрыться. Или они изначально могут находиться не здесь. И если ничего не получится, я разозлю тех людей, кто и так не доверяет мне.

- Хм. Я поняла тебя.

- Кроме того, когда я со своими товарищами выследил Зеленоруких убийц в Лутчеке, эти ублюдки сожгли свои бумаги и мистические символы. Я не хочу, чтобы драконорожденным в Сулабаксе выпала такая же возможность.

- Я уже сказала, что поняла, и я помогу тебе. Это мой долг как жрицы и защитницы города.

- Я ценю твое предложение, но если ты подразумеваешь какое-то прорицание, то мы уже испытывали его в Лутчеке, и это не сработало.

- С помощью Хранителя мы что-нибудь придумаем. Только не подумай, что я так пытаюсь удержать тебя. Ты все испортил раз и навсегда.

- Я понимаю.

Взгляд жрицы стал еще более хмурым. Обернувшись, девушка приказала возникнуть золотистому свету, как бы отвергая то сияние, что Аот вызвал для ее удобства.

* * * * *

Глаза кобылы закатились. Гаэдинн успокаивающе шептал ей, держа одну руку на животе животного, а вторую – на шее.

Они с Джесри загнали своих украденных скакунов. Волшебница наложила на них чары спокойствия и послушания. После этого они должны были лежать смирно, как пара камней, но они не подчинялись. Только не в сложившейся ситуации. Стоило им издать хоть звук или выскочить из-под дуба, скрывавшего их, Джаксанедегор непременно заметил бы это.

Он и так мог их обнаружить. У драконов острые чувства, а у драконов-вампиров, как считал Гаэдинн, и подавно. Пожалуй, даже достаточно острые, чтобы заклинание сокрытия Джесри оказалось бесполезным.

Лучник внезапно осознал, что змей снова находится над ними. Сквозь спутанные ветви дерева ему показалось, что он заметил, как потухла звезда, скрывшись за парящей нежитью. Но сильнее всего Гаэдинн ощущал присутствие зла, причем достаточно остро, чтобы у него пересохло во рту и началась дрожь.

Лошадь наемника тоже дрожала. Она попыталась поднять голову, а затем заржала. Лучник задавался вопросом, стоит ли убить ее, или это вызовет только больше шума.

Затем кожаные крылья хлопнули в небе словно хлыст. Всеохватывающее мерзкое чувство исчезло. Либо Джаксанедегор был слегка глуховат по меркам драконов, либо магия Джесри все же не дала ему услышать ржание. Так или иначе, змей улетел.

Наемники не издавали ни звука. Если дракон все еще искал их, то он мог снова пролететь рядом, в зависимости от его методов поиска. Но Джаксанедегор не вернулся, и Гаэдинн решил, что он больше не появится.

- Должен признать, - сказал наемник, - бывают моменты, когда кажется, что ты научилась колдовать.

Джесри хмыкнула.

- Нам повезло. Сможешь раздобыть нам что-нибудь поесть?

- Если присмотришь за моей лошадью, с радостью попробую.

- Тебе нужен свет?

- Давай не будем так сильно надеяться на эту нашу удачу.

То склонившись, то выпрямившись во весь рост, лучник изучал корни, кустарники и ветви деревьев рядом с ними, жалея, что сейчас не более позднее время года.

- А дальше что? – неожиданно спросила Джесри.

Гаэдинн оглянулся на нее:

- Я думал, ты просила только о позднем ужине.

- Я имею в виду завтрашний день.

- Будем бежать назад в Сулабакс, наверное.

- А что насчет нашей миссии?

Лучнику показалось, что он заметил круглые бледные шляпки грибов, сделал шаг ближе и увидел, что это были поганки. Проклятье.

- Наша миссия теперь куда более опасна, когда Джаксанедегор знает о ней.

- Не похоже, что он считает дракона в Небесных Всадниках Чазаром. К тому же он вряд ли посчитает нас настолько безрассудными, чтобы продолжить туда путь.

Лучник заулыбался, но не от ее слов, а потому, что заметил шипастый виноград. Он сделал еще шаг и, как и надеялся, увидел ягоды. Они были еще недозревшими, не до конца сменившими зеленый цвет на индиго, но их все равно уже можно было есть.

Гаэдинн начал срывать и складывать виноград в сумку на орочьем ремне, пытаясь не напороться на длинные черные шипы: у него уже была рана на руке.

- В таком случае Джаксанедегор прав по обоим пунктам. Дракон, даже если он там и есть, не Чазар, а я недостаточно безумен, чтобы продолжать его поиски.

- Давай, представим худшее.

- Запросто, раз уж только это и происходит.

Девушку раздражало то, что ее перебили – лучник понял это по ее тону.

- Джаксанедегор будет искать этого дракона или пошлет за ним кого-то. Но он так и не узнал от нас, где именно в Небесных Всадниках его искать. Это значит, что мы можем выяснить правду и скрыться до того, как кто-то появится.

Когда Гаэдинн закончил собирать ягоды, он заметил еще кое-что интересное и потянулся туда.

- Это до безумия оптимистично, но давай продолжим в том же ключе и посмотрим, куда нас это приведет. Предположим, мы и вправду найдем Чазара. Предположим, ему все еще есть дело до Чессенты. Ты правда считаешь, что лорд Никос или кто-нибудь еще сможет освободить древнего дракона от того, что настолько сильно, чтобы сдерживать его?

- Не знаю. Зато я знаю, что Аот поручил нам задание.

- А ты уверена, что не пытаешься испытать себя из-за Трескеля? Не пытаешься доказать свою смелость и навыки именно тут? Ведь ты уже это показала, в Морктаре и еще раз внутри вулкана.

Джесри сохраняла тишину еще какое-то время, но когда она заговорила, ее голос был холоден:

- Это никак не связано.

Лучник вздохнул.

- Конечно, нет. И мы отправимся к Небесным Всадникам, если ты считаешь, что так будет лучше, - Гаэдинн выпрямился и, держа одну руку за спиной, подошел к волшебнице. – Я нашел шипастый виноград. И еще вот это.

Наемник поклонился и протянул девушке несколько фиалок.

- Я точно не знаю, как долго мы были в цепях, но думаю, что сегодня ночь Зеленой Травы.

Убедившись, что ее руки не коснутся его, Джесри взяла цветы.

- Тебе никак не надоест позерствовать.

- Ну, как ты сама заметила, это мне дается лучше, чем искренность, - усмехнулся Гаэдинн.

* * * * *

Гиганты вторглись глубоко на территорию Тимантера, сжигая деревни и поля, дым от которых Кхорин со своими спутниками заметил по пути в Джерад Тимар. Но – по крайней мере, пока – налетчики продолжали отступать назад к равнине Черной Золы, поэтому воины покорителя отправились искать их там.

Они направлялись к серой пустоши, где росли только редкая трава и скрученные кусты, а из трещин в земле поднимался дым. Воздух наполнял запах гари, а плавающие в воздухе частички пепла жалили глаза. По обе стороны возвышались колонны из затвердевшей золы. Кхорин, будучи дворфом, имел обширные знания о земле, камнях и огне, но он не мог представить себе, что за естественные процессы могли создать подобные вещи. Или установить дальше пару таких же колонн так, чтобы они скользили, как фишки в настольной игре, не опрокидываясь и не ломаясь. Это не мог быть ветер. Ведь они двигались в противоположные стороны.

Баласар, ехавший слева от дворфа, повернул голову и улыбнулся:

- Нравится пейзаж?

- Я уже видел его, - ответил Кхорин, и это было близко к правде. Наемник путешествовал по Пыльной Тропе. Но было ясно, что если придерживаться только дороги, никогда не увидишь, насколько странными и неприветливыми эти бесплодные земли могут быть на самом деле.

Защитники Копья держались дороги или около нее, где они надеялись вступить в бой с самой большой ордой пепельных гигантов. Как и большинство отрядов того или иного клана, тридцать воинов Даардендриен и их товарищ-дворф продвигались по самому сердцу пустоши, чтобы перехватывать более мелкие группы вражеских налетчиков прежде, чем те достигнут территорий драконорожденных.

Медраш, ехавший по другую сторону от Баласара, был в черном сюрко с узором из шести белых колец клана Даардендриен, но его щит украшало изображение правой латной перчатки, символа Торма.

- Жалеешь, что поехал? - спросил он.

Кхорин предположил, что вопрос был вызван ноткой мрачности и горечи в его голосе.

- Не пожалей, если мы победим гигантов достаточно быстро, чтобы я успел попасть домой.

Но дворф подозревал, что это маловероятно. А что касательно того, чтобы вывести зловещие секреты, скрытые от остальных, то это казалось более правдоподобным, пока он был слегка пьяным в Джерад Тимаре. Теперь же, когда он протрезвел, это казалось нелепым, и не только потому, что о кознях и заговорах мало узнаешь, находясь посреди проклятой богами пустоши.

Кхорин был далеко не глупцом. Он понимал военное дело и искусство осады лучше, чем все, кого он встречал. Наемник мог придумать умную уловку, когда ситуация того требовала. Но в основном он мыслил прямолинейно, что плохо подходило для распутывания интриг.

«Ну и в Бездну это все, - подумал Кхорин. – Я останусь с Медрашем и Баласаром до конца этой вылазки. Но потом, если я только не найду лучшую причину остаться, то вернусь в Чессенту.»

- Смотрите, - указал Баласар.

Пятно скользило по туманному небу. Наемник прищурился и понял, что это был Защитник Копья верхом на одной из тех огромных летучих мышей. Вероятно, разведчик или посланник. От этого зрелища он ощутил свежий укол горечи от потери своего собственного крылатого зверя.

Защитник Копья спикировал к земле.

- Он что, садится? – спросил Баласар.

- Нет, - ответил Кхорин. Летучие мыши не летали точно так же как грифоны, но дворф был уверен, что знает, как объяснить то, что он видел. – Его мышь ранена. Похоже, подстрелили снизу. Она пока не мертва, но не может оставаться в воздухе. Всадник пытается посадить зверя, пока силы его не покинули.

Видимо, у всадника получалось. Кхорин обратил внимание, что летучая мышь не падала камнем, когда исчезла за низкой грядой.

- Мы должны добраться до него, - Медраш пустил свою лошадь галопом, и остальные последовали за ним.

Большую часть пути до гряды они преодолели верхом, но дальше шли пешком. Оставив пару воинов позади для охраны лошадей, отряд спустился по склону. Кхорин, выяснил, что драконорожденные при возможности редко сражаются верхом, и его спутники, вероятно, надеются, что их тихое приближение застанет врагов врасплох.

О чем бы они ни думали, наемник был рад снова оказаться на своих двоих. Он отлично управлялся со своей огромной лошадью в нормальных условиях, но попытайся он это сделать посреди битвы, наверняка погубил бы обоих.

Кхорин посмотрел за грядой. Летучая мышь лежала распластавшись за спуском по другую сторону от возвышенности. Стрела размером с копьё торчала из брюха

животного. Ни оно, ни драконорожденный, раскинувшийся на спине, не двигались. Как и три колонны из золы, стоявшие полукругом за ними.

- Он жив? – тихо спросил Баласар.

Медраш зашептал молитву. Какое-то время сила согревала воздух.

- Да. Я слышу его мысли. Но думаю, его сильно ранило.

- Где этот трусливый сын жабы, стрелявший в него?

- Этого я не могу сказать.

- Даже гигант может спрятаться за одним из этих шпилей, - заметил Кхорин. – Но это лишь догадка. Враги могут быть где угодно, а, может, это был просто лучник-одиночка.

- Не важно, - сказал Медраш. – Я должен спуститься туда, если у Защитника Копья есть хотя бы шанс выжить.

Паладин выпрямился и направился вниз по склону.

- А как насчет моих шансов выжить? – кинул своему брату по клану Баласар, но без капли сомнения последовал за ним. Кхорин и остальные поступили так же.

Вглядываясь то в одну, то в другую сторону с оружием наготове, они преодолели половину пути вниз по склону. Затем колонна из золы справа от них содрогнулась. Огромные куски породы отвалились и полетели вниз, а затем заскользили вперед.

- Здесь адепт! - крикнул Медраш. Он имел в виду гиганта-шамана, способного магией передвигать шпиль, служившие ему тяжелым, но мощным оружием.

И хотя лишь немногие драконорожденные обладали способностями к колдовству, Даардендриен взяли с собой одного из таких – старика с покрытой шрамами мордой и бронзовой чешуей, на чьем поясе, словно набор ножей, весело шесть палочек. Он вытащил одну, заостренную и закрученную, словно рог единорога, вырезанную из александрита, которая из-за местного освещения выглядела зеленоватой. Маг ткнул палочкой в направлении колонны и прорычал слова силы.

Шпиль продолжил свое движение. «Готов поспорить, что Джесри смогла бы его остановить» - подумал Кхорин, пока пытался предсказать курс движения шпиля и возможные пути уклонения в случае необходимости.

В этот самый момент шпиль остановился, и Кхорин решил, что не отдал должное драконорожденному чародею. Затем колонна раскололась на части и быстро разрушилась сверху вниз, словно от удара мечом.

От этого в воздух взметнулось еще больше пепла. Кхорин почувствовал, что задыхается, а его покрасневшие глаза так наполнились слезами, что он едва мог видеть.

- Гиганты научились новой уловке, - закашлял Баласар.

Было больно, но Кхорин все равно вынудил себя глубоко вдохнуть. Благодаря этому дворф смог закричать:

- Они нападают! Будьте готовы!

Один из драконорожденных начал сыпать проклятиями, но затем его оскорбления превратились в крик. Если бы не это предупреждение, то Кхорин ни за что бы не заметил второй шпиль, скользящий слева.

К счастью, от них было не очень трудно уклоняться, если если заметить, и было место для маневра. Но дворф ужаснулся, наблюдая, как такое оружие пробивает себе путь, бороздя ближайшие ряды пехоты.

Наемник ткнул копьем в колону, когда она пронеслась мимо. Он не особо надеялся, что этой атакой добьется чего-то, и, насколько он мог судить, не добился. Шпиль не упал, ничего подобного.

Дроконорожденный волшебник начал еще одно заклинание. Всмотревшись в пелену витавшего пепла, Кхорин увидел, как маг сменил александритовую палочку на палочку из феналопа цвета красной розы. То, как он уверенно ткнул ею в землю, напомнило дворфу хозяина, отгоняющего собаку прочь от мебели.

Шпиль рухнул. Это привело к неприятным последствиям – в воздух поднялось еще больше пепла, но волшебник не закончил. Он прочел последний рифмованный куплет, и все серо-черные хлопья и частички припали к земле, словно обрели свинцовую тяжесть.

Свирепая улыбка рептилии засияла на морде чародея. Затем огромная стрела, совсем как та, что сразила летучую мышь, пробила его грудь. Драконорожденный рухнул, выронив красную палочку из руки.

Кхорин обернулся и увидел своего первого пепельного гиганта.

Гиганты были вдвое выше драконорожденных, с безволосой серой плотью, чудовищными лицами и глубоко посаженными черными глазами. Они напоминали дальних родственников каменных гигантов из другой части Фаэруна. Было трудно поверить в то, что так много огромных существ – как минимум шесть – смогли так хорошо спрятаться и подкрасться так близко прежде, чем их заметили. Без сомнения, их естественный окрас помог в этом, к тому же они обмазали свои тела пеплом, чтобы еще лучше скрыть свое присутствие. Ограниченная видимость тоже сыграла им на руку.

Баласар, рыча и шипя, бросился на ближайшего гиганта. Медраш со своим светящимся мечом, окруженным парящими сияющими рунами, ринулся в бой сразу за ним. Их братья по клану распределились, чтобы окружить остальных врагов.

Кхорин сомневался, что адепт или лучник решат пойти в ближний бой, поэтому он задержался и попытался обнаружить их. Первым он заметил лучника, выглядывавшего из-за валуна, и, судя по всему, тот выжидал момент, чтобы выстрелить в Медраша.

Дворф ринулся в атаку. Гигант, махавший огромной дубиной взад-вперед, сбил троих драконорожденных в кучу, и Кхорин обогнул их.

Лучник не замечал его, пока тот почти не сорвал дистанцию. Но затем громадное существо повернулось, оттянуло стрелу до плеча и пустило ее в полет.

Кхорин закрылся своим щитом. Тот был не только хорошо выкован, но и зачарован, так что даже стрела-переросток, выпущенная из невероятно мощного лука, не смогла пробить его. Но удар от столкновения прошелся по всему телу наемника.

Он не мог позволить шоку замедлить его. Гигант уже тянулся за одной из торчащих в земле стрел. Кхорин поднял свое копье и метнул.

Оно не было предназначено для этого: слишком длинное и тяжелое. Но Кхорин был силен даже по меркам дворфов, и он практиковался, когда рядом не было

никого из его людей, иначе кто-то мог решить, что раз командир считает бросание копья отличной тактикой, то и ему следует попробовать.

Гигант попытался уклониться, но копье все равно пронзило его бедро. Кровь хлынула и на его серой коже среди этих серых пейзажей казалась краснее красного.

Лучник выдернул оружие. Из-за этого его рана стала обильнее кровоточить, зато так он не споткнется о копье, когда будет двигаться. Тем временем Кхорин бросил свой щит, вытащил ургрош из-за спины и ринулся вперед.

Пепельный гигант опять потянулся за стрелой. Затем он отметил, насколько близко был дворф, и схватил огромную дубину, прислоненную к валу.

Она представляла собой ствол дерева высотой с человека с острыми кусками кремня, выступающими сверху. Гигант махнул дубиной по низкой дуге. Кхорин отпрыгнул назад, и конец оружия пронесся всего в паре дюймов перед ним.

Подходящее время сократить дистанцию, чтобы для противника длина оружия стала помехой, а невысокому дворфу было проще наносить удары. Но, к сожалению, лучник, похоже, понимал это не хуже Кхорина, и рана в его ноге не сильно замедлила его движения. Гигант отступил, и это дало ему время и место, чтобы занести огромную дубину в позицию для атаки. Наемнику пришлось остановиться, чтобы не набежать на осколки кремня, торчащие из верхушки оружия.

Гигант наступал, атакуя короткими агрессивными ударами, постоянно держа дубину между Кхорином и собой. Дворф отступал, ожидая, что лучник устанет, откроется или потеряет равновесие, но этого не произошло.

Ну и в Бездну его тогда. Кхорин прекратил отступление, спровоцировав атаку. Дубина полетела ему в голову. Он уклонился, поднырнув под удар, отпрыгнул назад, крутанул и рубанул по концу оружия, завершая свой маневр за мгновение до того, как гигант смог снова пустить его в ход.

Лезвие топора отрубило шипованое наверху дубины. Отдача от удара прошла по рукоятке, и гигант завертел ее в руках, восстанавливая твердость хватки.

Сейчас! Кхорин метнулся к ногам противника и начал кромсать. Хлынула кровь, и гигант упал вперед.

Однако с ним еще не было покончено. Гигант решил перевернуться, видимо, пытаясь отмахнуться от врага рукояткой сломанной дубины или просто схватить его своими огромными серыми руками.

Но Кхорин обнаружил жизненно важную точку прежде, чем гигант добрался до него. Дворф перехватил ургрош, сделал шаг и вогнал острие между ребер. Удар прошел достаточно глубоко, чтобы достать до сердца. Гигант издал хриплый звук, вздрогнул, а затем обмяк недвижимый.

Задыхаясь и вытирая кровь противника с лица, Кхорин оглянулся, чтобы посмотреть, как успехи у других.

«Не так уж и плохо» - решил он. Несколько драконорожденных пали, но и двое бойцов гигантов на передовой тоже. На данный момент адепт казался самой большой проблемой. То ли он сам решил покинуть укрытие, толи Медраш и Баласар, покончив со своим первым противником, выманили его и бросились в атаку.

Правда им так и не удалось добраться до гиганта, потому что он превратил твердую землю под ними в рыхлую золу и угли, и они барахтались в них как в зыбучих песках. Между тем, адепт стоял, простерев руки к оставшемуся шпилю.

Сначала медленно, а затем ускоряясь по мере приближения, колонна нависла над двумя драконорожденными, собираясь прокатиться по ним.

К счастью, адепт находился достаточно близко. Кхорин помчался на него.

Гигант то ли услышал, то ли увидел, как он приближался. Адепт повернулся, прорычал слова силы и выбросил вперед руки, словно бросал камень.

На самом же деле он бросил несколько камней. Возникший в воздухе магический шквал рухнул на наемника, который поднял вверх руки, прикрывая лицо.

Некоторые камни упали мимо. Один с лязгом отскочил от шлема. Два других ударили по кольчуге, жаля его, но, не причиняя особого вреда. Кхорин продолжил наступление.

Шаман отступил назад и повел рукой зигзагообразным движением, вызывая новое заклинание. Он так сфокусировался на собственной защите, что потерял контроль над шпилем. Насколько дворф понимал, эти специфические формы рельефа редко падали, когда передвигались сами по себе, но это был не тот случай. Колонна двигалась по воле гиганты, и лишившись его ментального контроля, она рухнула.

К счастью, она не была достаточно близко, чтобы задеть Медраша и Баласара, когда рассыпалась, а спустя мгновение драконорожденным удалось выбраться из мягкого пепла. Теперь оба были покрыты им. Грязь создавала странный контраст с жемчужным сиянием меча Медраша и светящимися символами, которые по-прежнему парили вокруг его тела.

Двое драконорожденных и Кхорин атаковали адепта. «Мы справимся, - подумал дворф. – Это было тяжелое сражение, но мы победим».

Пятясь назад, шаман потянулся вза пазуху своей туники из конской шерсти и вытащил серый светящийся яйцеобразный объект. Воздух содрогнулся от силы. И это все, что произошло. Баласар издал короткий ироничный смешок.

Будто в ответ, что-то взревело. Кхорин оглянулся через плечо.

Оставляя позади себя груды горной породы, большие серые твари вырывались из ямы с пеплом, которую создал шаман. Они были размером с огров, ящерообразные, но что-то в их строении также напоминало Кхорину медведей. Пораженных какой-то болезнью медведей, так как их чешуйчатые шкуры были усеяны язвами и нарывами.

Один из ящеров бросился на Баласара. Кхорин сделал шаг в сторону друга, но затем краем глаза заметил, что второе существо несется на него. Он повернулся к врагу лицом.

Ящер атаковал, широко раскрыв челюсти, чем продемонстрировал пасть полную слизи и волдырей. Челюсти сомкнулись, но дворф уклонился, и клыки ухватили лишь пустоту.

Правда капли слюны существа, попав на кожу, задымили и запузырились, обжигая ее. Взревев от боли и радуясь, что ни капли этой вязкой дряни не попало ему в глаза, Кхорин рубанул неприятеля по голове.

Ургрош рассек кожу и плоть и расколол череп под ними. Но этого было недостаточно, чтобы убить ящера-медведя. Существо повернулось и прыгнуло на дворфа, который уклонился и рубанул еще раз.

Тварь по-прежнему была жива, а земля под ногами наемника провалилась. Когда Кхорин погрузился в хлопья, то понял, что адепт провернул с ним тот же трюк, который он использовал на Медраше и Баласаре. А еще он понял, что не может защищаться, будучи по пояс в сухой, горячей трясине. Ящеру ничего не стоило сейчас наклониться и отхватить его голову.

Так существо и решило поступить. Тогда Медраш бросился ему наперерез и рубанул тварь по шее. Светящийся меч вошел глубоко в тело зверя, и тот рухнул.

Затем паладин воткнул свой меч в землю. Ему пришлось позвать Баласара, чтобы вытащить Кхорина из пепла, поскольку левая рука Медраша была бесполезной. Один из ящеров вырвал его щит и расцарапал руку, держащую его. Раны дымились и издавали неприятный шипящий звук, пока кислота продолжала впитываться в его плоть.

- Исцели себя! – крикнул Кхорин.

Медраш покачнулся:

- Остальным...

- Ты никому не поможешь, если сам будешь не в состоянии стоять на ногах!

- Ты прав.

Медраш приложил свою здоровую руку к ранениям и произнес молитву. Между его пальцами засиял свет.

Тем временем Кхорин осмотрел поле битвы, а затем выругался. Появление ящерообразных существ резко изменило баланс сил. Драконорожденные смогли бы справиться или с ними, или с гигантами, но только не со всеми разом. Половина воинов Даардендриен уже пала, а остальные находились в очень тяжелом положении.

- Нам придется сбежать, чтобы выжить, - сказал дворф.

Медраш коротко кивнул и прорычал:

- Отступаем!

Медрашу и Кхорину отступать было особенно тяжело, ведь между ними и местом, куда они хотели бежать, было больше всего врагов. Но чудом невредимый Баласар подбежал, чтобы сражаться вместе с ними, и это помогло. Вместе они убили одного ящера-медведя, ранили другого и стали пробираться дальше так быстро, что существо не смогло угнаться за ними. Адепт наполнил воздух вокруг них золой, но искры лишь слегка обжигали их, пока они не выбежали зоны действия заклинания. Вероятно, рунный круг Медраша защитил их.

Затем Кхорин почувствовал, что земля у него под ногами идет под уклон. Все же он с друзьями достиг склона.

В конце концов они добрались до вершины. В этот момент Медраш остановился и посмотрел на преследующих их гигантов и ящеров. Баласар и Кхорин тоже остановились и встали по обе стороны от него.

Паладин закричал:

- Вот он я! Убейте меня, если сможете!

Кхорин был уверен, что эта фраза была наполнена божественной силой. И хотя сам наемник не был целью обращения, эти слова пронеслись эхом в его голове. Они определенно засели в умах некоторых противников, которые прекратили

преследовать драконорожденных и обратили внимание на Медраша. И его двух товарищей.

- Не объяснишь, почему это показалось тебе хорошей идеей? – спросил Баласар. Затем к нему подбежал пепельный великан, и драконорожденный ощутил первый удар каменного топора на своем щите.

Баласар, вероятно, нанес ответный удар, но Кхорин уже не увидел этого. Ему пришлось повернуться и сразиться с собственным гигантом.

Следующие несколько мгновений были чередой из ударов и столкновений оружия гигантов с клинками, которые резко вздымались и опускались в ответ. Воспевая молитву, Медраш начал сиять так же, как и его меч. Не имея каких-либо сопоставимых магических приемов в своем арсенале, Кхорин просто продолжал постоянно двигаться и использовать каждый навык и прием, которые он оттачивал годами в тренировках и сражениях на востоке.

Каким-то образом это не давало ему умереть, пока затем Баласар не закричал:

- Все успели отступить!

Медраш воткнул острие своего меча в землю.

- Торм! – закричал он. Оружие исторгло вспышку еще более яркого света.

Кхорин ничего не почувствовал, когда она прошла сквозь него, гигантов и ящеров-медведей отбросило назад.

Это позволило трем защитникам совершить отход. Когда они развернулись и побежали, свечение меча Медраша, сияние его тела и кольцо парящих рун – все потухли одновременно. Похоже, это означало, что на данный момент он исчерпал свою способность направлять силу своего покровителя.

Внизу один из стражников, которых они оставили с лошадьми, по-прежнему ждал, держа наготове в узде цепочку скакунов. Баласар, видимо заметив, что дворфу необходимо чуть больше времени, чтобы сесть в седло, подхватил Кхорина и усадил его, прежде чем оседлал собственную лошадь.

Медраш вскочил на своего скакуна. Страж поступил так же. Затем что-то треснуло, и он рухнул. Кровь из развороченной головы хлынула из-под обода искореженного шлема. Кхорин понял, что один из гигантов бросил камень с невероятной силой и точностью.

Стражнику нельзя было помочь, и всадники пришпорили лошадей, оставив его распростертым в грязи. Им пришлось. Гиганты и ящеры бежали вниз по склону, словно волна, омывающая берег.

В течение нескольких следующих мгновений Кхорин думал, достаточно ли того, что они добрались до лошадей. Вполне возможно, что гиганты с их длинными ногами могут бежать с той же скоростью, как и ящеры. Или один из камней просвистит в небе и убьет или покалечит лошадь.

Но он и его товарищи постепенно вырвались вперед, а гиганты один за другим прекратили погоню и лишь кричали им вслед. Кхорин не знал их языка, но глумливый тон было сложно не понять.

Возможно, они заслужили право чувствовать свое превосходство. Ведь когда Кхорин и его товарищи встретились с драконорожденными, которые ускакали до них, – воинами, чьи жизни они выкупили своим, казалось бы, самоубийственным

маневром - то увидели, что их было всего трое. Это означало, что клан Даардендриен потерял двадцать пять своих лучших воинов.

Баласар оглянул то, что осталось от их отряда, и плюнул.

- И мы даже не добрались до разведчика на летучей мыши!

* * * * *

Хасос уставился на Аота.

- Человек погиб! – заявил дворянин.

- Я сожалею, - ответил капитан. – Но война действительно надвигается. Трескель все больше и больше стягивает свои силы к границе. Вам лучше бы привыкнуть к мысли, что прежде чем все это закончится, погибнет еще много людей.

- Остальные фермеры боятся работать на полях.

- Тем больше причин помочь мне остановить захватчиков на их собственной территории прежде, чем они вторгнутся на вашу и навредят людям.

Хасос сжал губы.

- Мы уже проходили это, капитан. Я не буду провоцировать трескельцев атаковать нас еще агрессивнее, чем они это делают сейчас. Я не стану рисковать людьми, которые мне еще понадобятся.

Аот изучал Хасоса.

«Прошу, - думал наемник, - дайте мне знак, что этот сукин сын наслал на меня тех убийц. Дайте, и я схвачу его, лично приму командование над его солдатами и уже потом буду волноваться о том, как оправдать свои действия перед Героем Войны».

Но картина перед ним не изменилась. Он мог рассчитывать на то, что его поцелованные огнем глаза смогут видеть сквозь тьму или миражи, но давать намеки на тайны человека – куда более сложный трюк.

Конечно, вполне возможно, Аот просто смотрел не на того человека. Он хотел, чтобы Хасос оказался виновным. Это бы облегчило ему жизнь, к тому же он любил аристократов типа Хасоса не сильнее, чем те любили его. Но это не означало, что чессентцы действительно покрывают убийц-драконорожденных.

- Хорошо, - начал Аот, - пусть ваши люди и дальше патрулируют ваши земли, а я продолжу посылать своих в Трескель, и, возможно, вместе мы сможем уберечь большее количество крестьян от пролетающих мимо стрел. А теперь, если мы поговорили обо всем, что вы хотели обсудить, у меня тоже есть что обсудить.

Хасос нахмурился, будто ему не дали закончить обвинять в смерти фермера наемников, которые вторгались на вражескую территорию. Очевидно, он решил опустить эту тему.

- Что же?

- Я хочу обойти эту крепость сверху донизу.

- Зачем?

- Очевидно, милорд, если трескельцы планируют осаду Сулабакса и преуспели в том, чтобы проникнуть внутрь этих стен, ваша резиденция станет главным оборонным центром. Поэтому я должен ознакомиться с ней. Я должен был осмотреть ее еще раньше, но у меня были более важные дела.

- Полагаю, я смогу предоставить кого-то, кто все покажет. Или могу показать все сам, если считаете, что так будет лучше.

И тогда, если есть что-то такое, чего Аот не должен был увидеть, то его проводник увел бы его от таких мест.

- В этом нет нужды. Я сам обойду крепость. Мне просто было нужно ваше разрешение.

- Очень хорошо. Оно у вас есть.

Аот покинул рабочую комнату Хасоса и отправился исследовать небольшой замок от стен с бойницами до подвальных помещений. Как и говорил, Аот проанализировал сильные и слабые стороны крепости. Но также искал любые признаки тайных проходов и комнат.

Которых, видимо, не существовало.

Наемник закончил в винном погребе. Раздраженный своей неудачей Аот нашел пыльную старую бутылку и уколол пробку своим кинжалом. Отрезав немного, он протолкнул остаток пробки глубже в горлышко, прямо в красную жидкость внутри. Надеясь, что он стащил что-то дорогое, наемник сделал глоток.

Неплохо, для кислятины.

Выпив бутылку до дна, Аот оставил ее на полу, вышел из крепости и отправился к храму Амонатора. Ему пришлось дожидаться пока Цера закончит какую-то церемонию, но затем она приняла его в рабочей комнате, куда более яркой и веселой чем та, в которой Хасос вел свои дела. Дорогие стеклянные потолки и окна наполняли помещение теплым полуденным солнцем.

Цера сняла круглую золотую маску и положила ее на стол.

- Ты ужасно выглядишь.

Голос жрицы был слегка хриплым после молитв и песнопений.

- Как приятно, - фыркнул Аот. – Недосып именно так отражается на людях. Грядет война. Я должен проводить большую часть своего времени в поле. Затем, когда возвращаюсь в город, вместо того чтобы отдохнуть, я патрулирую улицы или парю над ними в поисках драконорожденных.

- По твоему тону я так понимаю, ты еще ни одного не нашел.

- Нет.

Цера сняла инкрустированную топазами золотистую наплечную накидку.

- Похоже, что «истинное зрение» сильно переоценивают.

- Оно не делает меня всеведущим, если ты об этом. Нечего насмехаться. Тебе повезло больше?

Девушка налила из кувшина воды в кубок и отпила:

- Пока нет. Но есть ритуал, который позволяет мне понять, говорит ли человек правду. Когда мне выпадет шанс, я проведу его до того, как придется поговорить с кем-то, кого мы сочтем подозрительным, - ухмыльнулась она. – Кстати, ты должен возместить храму стоимость благовоний, которые мне придется сжечь.

- Судя по твоим словам, я мало что получу за свои деньги.

- Боюсь, что так. Даже если человек будет виновен, главной трудностью будет увести разговор в такое русло, чтобы ему пришлось соврать. Я не могу просто спросить «о, а ты случайно не скрываешь драконорожденных у себя в доме»? Или «как

ты планируешь убить этого мелкого уродливого командира наемников»? О чем мы вообще говорим?

- Да и кто сказал, что ты будешь задавать вопросы нужным людям? Или тем, кто действительно скрывает рептилий? Возможно, драконорожденные укрылись в пустом здании.

- А вот в этом я сомневаюсь. Сулабакс – далеко не мегаполис, пусть он и вырос с тех пор, как предки Хасоса возвели вокруг города стены. Теперь тутлюдно, особенно после того как мы, местные, были вынуждены найти место, чтобы приютить наемников. Пустых домов не так уж и много.

- Похож на то, - Аот подавил зевок. Он решил было использовать татуировку, чтобы сбросить чувство усталости, но передумал. – Видимо, мне придется и дальше оглядываться.

- Не обязательно.

- Неужели?

- Я думаю, что даже тэйские дьяволопоклонники в курсе того, что Амонатор является богом времени.

- Ты, наверное, о Бэйне. Именно Бэйну поклоняются мои соотечественники с тех пор, как Сзасс Тэм изгнал прочих зулкиров. Но да, я в курсе.

- Тогда тебя, наверное, не удивит, что при определенных обстоятельствах Хранитель дарует своим жрецам определенную власть над временем. Не такую, чтобы посещать прошлое во плоти – существуют определенные причины, почему никому и никогда нельзя этого сделать – но достаточную, чтобы попасть туда в форме духа и узнать то, что скрыто.

Аот нахмурился.

- Ты хочешь сказать, что наши души смогут заглянуть за пределы твоего сада и увидеть, откуда появились драконорожденные? Понять направление, по крайней мере?

- Да.

- Даже не знаю. Это похоже на какую-то форму прорицания, а я уже говорил, что случилось, когда волшебники попробовали это в Лутчеке.

- Это не прорицание в техническом смысле. Это уникальный способ направления божественной силы, о котором большинство людей моего ордена даже и не слышали. Это дает нам основания надеяться, что мы сможем сделать это, не спровоцировав магическую защиту убийц.

- Хорошо, давай попробуем.

- Не спеши так, - Цера сделала еще один глоток. – Священные тексты предупреждают, что ритуал опасен и должен применяться только в случаях особой важности.

Аот расплылся в кривой улыбке:

- Ты хотела сказать, в случаях, более важных, чем спасение шкуры одного из тэйских дьяволопоклонников.

- Да. Но если твое выживание и раскрытие правды о драконорожденных необходимо для того, чтобы уберечь Чессенту от нападения армии дракона-нежити, то возможно, меня оправдают. Я молилась и медитировала и не почувствовала, чтобы Амонатор сказал мне «нет».

- Как обнадеживающе.

- Если тебе этого мало, то что ты скажешь на то, что я никогда раньше не проводила этот ритуал и даже не видела, чтобы его кто-то проводил.

Наемник пожал плечами.

- Ты понимаешь тайны Амонатора лучше, чем я когда-либо смогу. Если твои инстинкты говорят тебе действовать, то я в игре.

Жрица улыбнулась, и это еще раз напомнило ему, насколько ему нравилось ее круглое озорное лицо.

- Тогда, может, проведем его сейчас, пока к нам не вернулось благоразумие?

- Прямо сейчас?

- Солнце яркое и в зените. Я как раз закончила богослужение. Я на пике своего могущества, - она взяла старую книгу, обитую потрескавшейся желтой кожей, а затем махнула рукой в сторону деревянного сундука. - Это понесешь ты.

Сундук оказался куда тяжелее, чем выглядел, настолько тяжелее, что было неудобно нести и его, и копье. У Аота было ощущение, что девушка ждала, когда он закричит или пошатнется, но он старался изо всех сил, чтобы скрыть, что ему тяжело.

Цера провела его через храм к двери, которая выходила в сад. Она приказала послушнику стоять на страже и убедиться в том, что никто их не побеспокоит, а затем они встали посреди зеленой травы и свежих красных и желтых цветов.

Аот поставил сундук на лавочку, которую они с Церой использовали вчера ночью перед атакой. Жрица открыла его, и когда она достала четыре предмета и сняла бархатные обертки с них, наемник понял, почему было так тяжело. Длинные, размером примерно с его предплечье, - все четыре вещи были статуями Амонатора, стоящими с песочными часами и каменным календарем или каким-то другим устройством, символизирующим время. Скульптор изобразил фигуры вытянутыми, из-за чего божество казалось тощим.

- Надеюсь, ты в состоянии установить их по сторонам света, - сказала Цера.

- Я со своими людьми подолгу бы блуждал, если бы не мог.

- Тогда установи статуи на земле по кругу. Неважно, насколько большим будет круг, главное, чтобы мы могли комфортно поместиться внутрь.

Он сделал, как она сказала.

- Что теперь?

- Теперь я встану в центр круга, а ты станешь у края и не будешь говорить или двигаться, пока я не скажу, что уже можно.

Они заняли свои места.

Цера выпрямилась и вдохнула. До этого момента, несмотря на то, что они с Аотом занимались серьезным делом, что-то в ее поведении можно было счесть признаком игривости или гнева, или и того, и другого. Сейчас же, хоть она и прекратила говорить, наемник как-то ощутил, что эта черта пропала. Внезапно она почти стала казаться святой, все ее существо сфокусировалось на том, чтобы проявить силу ее божества.

Девушка открыла старую желтую книгу и начала читать вслух. Сперва Аот слышал только слова. Затем, благодаря своего рода синестезии, он ощутил, что эти слова пульсируют теплом и светом, который был виден несмотря на то, что сад и так

был полностью залит весенним солнцем. Сияющие лучи, вспыхнувшие и очертившие магический круг и линии в траве тоже не должны были быть видны. Но, словно будучи более реальными, чем все вокруг них, волшебные нити обладали удивительной четкостью, которая позволяла видеть их при любых обстоятельствах.

Статуя на востоке замерцала и исчезла. Затем пропали те, что стояли на севере и юге, и, наконец, та, что была на западе. Ритуал поглотил их как огонь поедает дерево.

Внезапно Аот почувствовал себя легким, как воздух. Его сущность пыталась взлететь. Мгновение что-то наподобие вязкой паутины удерживало его, но затем оковы спали, и он покинул свое тело. Оно стояло словно статуя под ним, не считая того, что сердце и легкие все же должны были работать.

Цера вылетела из своего тела. Ее дух был в таком же облачении и держал аналог желтой книги точно так же, как у наемника остались его доспехи и копье.

- Тебя не дезориентировало? – спросила жрица.

Он покачал головой:

- Мне уже приходилось путешествовать в астрале.

В Кольце Ужаса в Лапендраре – он надеялся, что эта авантюра окажется менее опасной и более продуктивной, чем предыдущая.

- Тогда давай выберемся за стены.

Девушка перелетела восточную стену и исчезла за ней.

Аот отправился следом. Простого желания было достаточно, чтобы его пустить в полет как стрелу из лука. Чувство легкости и невесомого полета было почти таким же волнующим, каким он его запомнил, в мгновение, пока не коснулся улицы.

Несколько мальчишек играли в мяч в центре основной дороги, а черная собака рыскала у их ног. Мужчина – гончар, судя по пятнам глины на руках и одежде – хмурился, видимо, от осознания, что ему придется обходить играющих детей.

Никто не реагировал на появление Церы или Аота, потому что никто не обладал магией или волшебными глазами, которые позволили бы им чувствовать бесплотных духов.

- Что теперь? – спросил Аот.

- Если я правильно провела ритуал, - ответила Цера, - все должно идти само по себе где-то с этого момента.

Кожаный мяч застыл в воздухе, затем вернулся назад в руки бросавшего. Поставив свои ноги туда, где они были ранее, гончар шагнул назад.

Сперва, хоть все и двигалось назад, но с нормальной скоростью. Аоту стало интересно, придется ли им ждать время, которое покажется днями, прежде, чем они достигнут момента атаки драконорожденных.

Но затем мир ускорился до такой степени, что он мог видеть лишь мерцающие размытые пятна на улице. Время от времени Аот ощущал прохладное покалывание, когда что-то проходило сквозь его неосознанное тело.

Солнце опустилось к восточному горизонту, и рассвет сменился ночью. Темнота продлилась всего мгновение, и затем солнце поднялось на западе, где поднималось даже быстрее. Солнечный свет и звездная чернота быстро сменяли друг друга.

Так продолжалось пока он не почувствовал, что обратный ход прекратился. Они стояли в темноте, что было хорошим знаком. Однако Аот все же спросил:

- Мы там, где – или точнее «когда» - должны быть?

Цера улыбнулась.

- Прислушайся.

Он так и сделал. Наемник смог узнать волнующую музыку арфиста, которого она наняла для пира.

- Когда драконорожденные появятся, - продолжила жрица, - думаю, я развернуть время еще немного на обычной скорости. Тогда мы сможем проследить за убийцами к их логову.

- Это ... потрясающе.

- Уж такая я. Готова поспорить, теперь ты жалеешь, что растоптал мои девичьи чувства, не правда ли?

Он все еще пытался понять, как ответить, когда его глаза начали пульсировать. Наемник заворчал и поднял руки к глазам.

- Что случилось? - спросила она.

- Не знаю. Мне не больно. Какое-то странное чувство.

- Дай посмотреть, - девушка подошла ближе и всмотрелась в его лицо.

- Мне не больно. И зрению это не мешает. Просто...

Небо снова начало чередовать ночь и день и наоборот. Затем Цера и Аот взлетели вверх, словно листья, подхваченные торнадо. Он инстинктивно попытался сопротивляться, но сила, схватившая их, была намного мощнее его способности двигаться или стоять благодаря силе воли.

Он даже боялся, что эта сила разорвет их с Церой на части. Жрица явно разделяла его опасения, так как потянулась одновременно с ним. Аот схватил ее руку, подтянул ее ближе и обхватил ее. Зажатая между ними священная книга прижалась к его груди.

- Что происходит? - спросил он.

- Я не знаю.

- В таком случае, пожалуй, я не так впечатлен, как думал.

У Аота было ощущение, что они двигались со скоростью молнии, а в сочетании с мерцающим безумием – небом – он не мог определить, куда они направляются или насколько сильно в прошлое их несло. Но путешествие продлилось не долго, и вскоре все снова успокоилось. Похоже, можно было вздохнуть с облегчением, пока он не понял, куда они попали.

Они стояли на выступе на полпути ко дну чего-то наподобие чашеобразного углубления в земле. Скалы поднимались по всему периметру нижней части словно зубцы короны. Они казались естественными, но не до конца. Кто-то выкопал и вырезал их достаточно просторными для громадных существ, сидевших здесь под звездами, а проходы в скале были достаточно высоки и широки, чтобы те могли пройти в лабиринт из туннелей внутри шпилей.

Полная тишина. В холодном воздухе висел животный запах.

- Этот запах, - заговорила Цера. - Здесь что-то есть?

- Драконы, - ответил Аот.

- Что? - напряглась она.

- Десятки драконов, сидящих вокруг. Они, наверное, используют какое-то заклинание сокрытия. Поэтому ты их и не видишь.

- Что они делают?

- Особо ничего. Думаю, разговаривают.
- О чем?
- Чары, скрывающие их, также сделали их тише. И еще, Синий Огонь изменил мои глаза, а не уши.
- Я ничего не понимаю!
- Я тоже. Но раз уж мы здесь, дай мне немного понаблюдать.
- Если я обращусь к Амонатору, возможно, я тоже смогу их увидеть.
- Или, возможно, они почувствуют, что кто-то использует магию. Уверен, тебя это не обрадует, но оставь слежку мне.

Он старался как мог, учитывая невозможность подслушать. Аот отметил, что преобладали синие, зеленые, красные и прочие драконы, которых в целом называли цветными; немного кристаллических и всего пара металлических. Затем все чудища перед ним подняли свои гребенчатые клиновидные морды, и наемник перевел взгляд, чтобы понять куда они смотрят.

Когда он это сделал, то почувствовал укол страха и ошеломление от того, что только сейчас заметил что именно сидело на балконе справа от него. Существо не меньших размеров, чем прочие драконы, но состоявшее из одних только костей, на которых плясали искры. В пустых глазницах сверкал призрачный синий свет, а из морды выступал рог, который слегка покачивался, когда челюсти дракона двигались. Аот мог чувствовать его злобу и жестокость так же ясно, как видел его острые кривые когти или костяной каркас крыльев.

- Клянусь Огнем, - прошептал наемник, - это Аласклербанбастос.

До этого момента, он считал, что у них с Церой были хорошие шансы уйти незамеченными. Но внезапно стало очень похоже на то, что вирм-нежить заметит присутствие бестелесных духов, и вероятнее всего раньше, чем позже.

Аот был рад, что каждый выступ, как и тот, что и они с Церой заняли, имел выход к туннелям.

- Мы отходим в пещеры, - сказал он. – Как только все драконы скроются из виду, ты помолишься и вернешь нас на наше законное место.

Девушка кивнула.

- Если смогу.

Они отступили. Учитывая их статус живых привидений, им не нужно было медленно красться на цыпочках, но они решили, что стоит. С драконами и дракоlichem на расстоянии всего в броске камня от них, Аот решил, что они просто не могут иначе.

Но даже если его попытка скрыть свое присутствие имела смысл, она была недостаточно удачной. По другую сторону чаши, на выступе возле зубчатой вершины, неожиданно сел дракон. Матовый, пестро-красный с черным гребнем на спине – Аот задался вопросом, к какому именно виду вирмов он принадлежал – он посмотрел на них своими похожими на горящие угли глазами. Затем он выдохнул облако пара и золы с такой осторожностью, что он напомнил наемнику курильщиков, выдыхающих кольца дыма.

Выдох извивался и клубился, образуя ноги, кожистые крылья, змеевидную голову, шею и хвост. В итоге приобретя нечеткую, полупрозрачную форму своего создателя. Затем дымная фигурка понеслась прямо на Аота и Церу. Пораженные и

озадаченные, остальные драконы и даже сам Великий Костяной Вирм повернулись, чтобы проследить за его полетом.

У Аота не было сомнений, что вирм с чешуей цвета ржавчины понял, что пришельцы были некоего рода духами, и высвободил магию, способную навредить им. Если Коссут будет милостив, то и живые призраки могут навредить в ответ.

- Беги! – рявкнул он. Аот выставил свое копьё и произнес слово силы.

Ветер взвыл по всей чаше. Он не вызывал столько неудобств, сколько частички пыли, существовавшие исключительно в материальном мире, но этого было достаточно, чтобы отбросить дымное существо назад, растрепать и сдуть его конечности.

Тем не менее, порыв воздуха не разорвал создание на части, как надеялся Аот. Существо, если его можно было так назвать, стянуло себя назад в более или менее прежнюю форму и продолжило преследование.

Как только оно село на уступ, наемник запустил в него сверкающий заряд мороза, но без видимого эффекта. Существо подалось вперед и подняло переднюю лапу, чтобы схватить его.

Затем теплый золотистый свет засиял из-за спины наемника. Сияние показалось ему приятным, живительным, но дымный вирм пошатнулся.

- Его создатель – нежить, - объяснила Цера, - так что солнечный свет вредит и ему тоже.

- Мне все равно! – огрызнулся Аот. – Я отвлеку его. А ты сконцентрируйся на том, что вернуть нас на законное место.

Порождение дыхания бросилось вперед. Наемник уклонился от беззвучной хватки его челюстей и с разрушительной силой погрузил острие своего копья в шею противника.

Навредила ли эта атака? Он не был уверен.

Существо из дыма полоснуло наемника когтями. Аот думал, что отпрыгнул достаточно далеко, чтобы избежать размашистого удара – хотя, учитывая размытые края тела этой сущности, оставаться в этом уверенным было трудно. Холод пронзил его тело, ослабляя и ошеломя. Крошечные красные капельки вырвались из его пор и взлетели, слившись с вихрем из искр и пара.

Аот использовал силу татуировки, чтобы уберечь себя от бессилия, прокричал слова заклинания и швырнул яркий потрескивающий заряд молнии в своего противника. Существо запнулось и вздрогнуло, но лишь на мгновение. Затем оно снова щелкнуло челюстью.

Аот уклонился. Сквозь клубящиеся пары порождения дыхания было видно, как Аласклербанбастос крался в пещеру. Наемник взглянул в сияющие синие огоньки глаз драколича и неожиданно он не смог пошевелиться. Он замер, и в это время дымный вирм бросился...

Аот взвился вверх, сквозь скальную породу над ним, и дальше в небо – от темноты к свету и наоборот. Он высматривал Церу и обнаружил ее справа от себя, на расстоянии вытянутой руки. Ему пришлось в голову, что он должен попытаться взять себя в руки, но было уже поздно. Они мчались сквозь время и пространство.

Он вернулся в свою физическую оболочку с мысленным ощущением толчка, как если бы он спрыгнул с дерева. Какое-то время твердая плоть и кости казались

тяжелыми как свинец. Он проковылял к скамейке, столкнул сундук с нее на траву и распластался.

Цера, севшая рядом, выглядела не менее изможденной, чем он сам.

- Ты в порядке? – сказала она, задыхаясь.

Наемник понял, что он измотан, хотя его тело ничего не делало. Он стянул перчатки и увидел, что его руки выглядели как всегда. По крайней мере, в отличие от своей духовной формы, его физическая не кровоточила.

- Та штука из дыхания немного задела меня, - сказал Аот, - но теперь, когда мы вернулись, я думаю, что все в порядке. Я просто рад, что тебе не потребовалось больше времени, чтобы закончить заклинание.

- Как и я.

Девушка закрыла глаза, что-то прошептала и поцеловала шелушащуюся обложку своей желтой книги.

- У тебя есть представления о том, где мы были или когда?

- Нет.

- Я тоже ничего не узнал. Ну, ничего кроме Великого Костяного Вирма. В смысле, я думаю, что это был он. Проклятье! Почему мы не остались там, где хотели быть?

Жрица вздохнула.

- Я не знаю. Возможно, помешала защита драконорожденных. Возможно, я не подготовилась должным образом. Или...

- Что?

- Возможно, мне действительно не стоило пытаться. Возможно, обстоятельства не требовали этого. Но в чем я уверена, так это в том, что я нарушила правила своего же ордена, занявшись этим без разрешения Даэлрика.

- Потому что знала, что он не даст его.

- Ну... да. И я решила, что мое решение в этом вопросе было правильнее. Возможно, то, что мы только что пережили, было осуждением Хранителя за мое высокомерие.

- Какой-то странный вид наказания. Почему бы просто не послать ангела, чтобы выпороть тебя?

Это вызвало у нее легкую улыбку.

- Я не знаю.

- Возможно ли, что Амонатор, или кто бы там ни направлял магию, хотел тебе помочь? Тем, что показал нам то, что, по его мнению, нам необходимо было увидеть, вместо того, что мы считали важным?

Цера нахмурилась.

- Думаю, такое вполне возможно. Но если так, тогда почему это было более важным?

- Я не знаю. Поиск рептилий, которые хотели меня убить, кажется мне чрезвычайно важным. Но если подумать, есть и другой вариант.

- Какой?

- По сути, ты пыталась наложить заклинание зрения. Мои глаза уже обладают магией зрения, которую даже спустя столетие после Магической Чумы никто толком не понимает. Возможно, оба заклинания наложились друг на друга так, как мы и не могли себе представить.

Девушка пожала плечами.

- Думаю, это возможно.

- В твоём голосе сомнения. Но любая из моих теорий более правдоподобна, чем твои мысли о том, что божество обозлилось на тебя.

- Надеюсь, ты прав. Я не один раз слышала о том, что я и близко не так серьёзна и благородна, как положено быть жрице солнца. Но я и правда люблю Амонатора и стараюсь ходить в его свете.

- Конечно. Я чувствую силу ваших уз каждый раз, когда ты пробуждаешь его силу.

Она улыбнулась.

- Будто тэйский дьяволопоклонник узнает святость, увидев ее.

Аот ответил ухмылкой.

- Ладно, тут ты меня подловила. Как думаешь, нам стоит испробовать эту магию еще раз?

- Не важно, что я думаю. У нас нет второго набора статуй.

- А дальше ты мне скажешь, что они стоят тысячи тысяч, и ждешь, что я оплачу и их тоже.

- Возможно, я придумаю, как ты сможешь отработать их стоимость.

Кончиком своего пальца она провела по татуировке на тыльной стороне его руки.

ГЛАВА 8

7-8-ое число месяца Миртула, год Извечного (1479 ЛД)

Ночь сгущалась. Или, по крайней мере, так казалось. Джесри предположила, что на самом деле это просто чары, наложенные ею чтобы скрыть их с Гаэдинном в безлунную ночь, ослабевали. Ей скоро придется обновить их.

К счастью, это не должно было стать проблемой. Хотя она по-прежнему сожалела об утрате своего посоха, который хранитель змеев отнял в Морктаре, новый посох был по-своему достойным инструментом, а ее связь с ним стала еще сильнее. Кольца из красного сплава даже стали желтоватыми, видимо, только потому, что девушка привыкла носить посох инкрустированный золотом.

- А знаешь, - пробормотал Гаэдинн, - я отдаю тебе должное. Ты сказала, что Джаксанедегор не станет утруждаться и посылать поисковую группу к Небесным Всадникам, и мы так и не увидели их следов.

- Не начинай, - ответила Джесри.

- С другой стороны, я отдаю должное и дракону. Он никого не послал, ведь был уверен, что искать здесь нечего. И, очевидно...

- Это последняя ночь новолуния, - волшебница стиснула зубы. – Если ничего не обнаружим, то утром отправимся назад в Сулабакс. А до тех пор прекрати жаловаться и осматривайся.

- Я осматриваюсь. Я могу делать и то, и другое одновременно.

Но лучник затих, пока они пробирались сквозь сосны, которые росли вдоль гряды. Их лошадям повезло – они, должно быть, спали в лагере. Несмотря на обостренное зрение, Гаэдинн не хотел ехать верхом в темноте, опасаясь, что пропустит знаки, которые заметил бы, идя пешком.

Где-то с запада послышался долгий, разносящийся эхом нечеловеческий крик. Джесри и Гаэдинн одновременно повернулись в том направлении.

- С другой стороны... - сказал лучник.

Сердце девушки забилось быстрее, Джесри сделала вдох.

- Я не могу утверждать, что существо, издающее этот звук, дракон. И уж тем более не могу утверждать, что это Чазар. Но мы только что выяснили, откуда берутся эти истории.

- В любом случае, подойдем поближе. Будем надеяться, что он продолжит завывать и приведет нас к себе.

Звук повторялся и напоминал волшебнице крик раненого на поле боя. Когда они приблизились к источнику шума, поднявшись по одному холму и спустившись по другому, посох Джесри стал теплее. Это явление заставило ее нервничать еще сильнее.

Дело в том, что маг, создавший это орудие, особенно интересовался магией огня. И сейчас посох реагировал на присутствие сильного пламени – или, учитывая отсутствие всяких сказочных огоньков – чего-то способного его производить. Чего-то вроде красного дракона.

Рука легла девушке на предплечье, остановила и вызвала обычный рефлекторный приступ отвращения.

- Извини, - сказал Гаэдинн, отпустив ее, - но тебе следует смотреть себе под ноги.

Джесри посмотрела вниз на бледные лоскутки стелющегося прямо перед ней мха. Гаэдинн был прав. Если бы она наступила на мох, споры облепили бы ее ноги, вызывая болезненные нарывы, а то и хуже.

- Спасибо, - сказала девушка.

- Не знаю, заметила ли ты, но пока это самая неприятная часть Небесных Всадников, в которой нам довелось побывать, - лучник взмахнул рукой, приглашая ее осмотреть скрипучие, гниющие с виду, деревья и заросли.

- Заметила, - соврала она.

- Нашего крикливого друга отравило то же, что и эту местность?

- Трудно сказать. Наверное.

- Что ж, довольно скоро мы это выясним.

Они последовали дальше. Через холмы и сквозь впадины, где не росло ничего кроме пышного вредоносного мха. Листья на деревьях были редкими и в пятнах, а кора расслоилась, демонстрируя полные слизистой гнили полости в стволах.

Боковым зрением волшебница заметила, как тени сдвинулись, а когда она повернула голову, чтобы посмотреть на них прямо, то замерли. Джесри уже видела

подобное в Тэе, на полях сражений, где колдовали некроманты. Тьма старалась придать форму чему-то нечестивому. Просто оно было недостаточно сильным.

Ее посох стал настолько горячим, что у кого-то другого уже вызвал бы волдыри. Послышался очередной крик, и девушка поняла, что источник близко. Возможно даже, за следующим подъемом. Они с Гаэдинном ползком взобрались на вершину холма и выглянули из-за него.

На бесплодном склоне внизу растянулся дракон. Он был даже крупнее Джаксанедегора, но при этом ужасно истощенным, хотя не похоже, что ему не хватало пищи. Разбросанные кости вокруг говорили о том, что он ел время от времени.

Или, если быть точнее, что его кто-то кормил, поскольку его лапы и хвост были прикованы к земле путами из какого-то черного материала.

- Он выглядит больным, - прошептал Гаэдинн, - но даже так, меня удивляет, что эти оковы могут его удерживать.

- Они зачарованы, - девушка чувствовала магию внутри них, как зуд на лице. – И все равно, меня это тоже удивляет.

- Мы достаточно увидели, чтобы убедиться, что, судя по всему, вы с лордом Никосом были правы, и это Чазар?

- Мы увидели достаточно, чтобы так утверждать, это точно. Давай выбираться отсюда.

Они начали ползти назад. Затем что-то хрустнуло и зашелестело сверху. Они замерли.

Дракон, почти такой же огромный, как и узник, плюхнулся, приземлившись рядом с ним. Короткие рога украшали голову гостя, а по всей длине его тела шли ряды шипов. Его крылья казались крошечными и неуклюжими в сравнении с крыльями любого дракона, виденного Джесри ранее, но она предположила, что как-то ему удавалось держаться в воздухе.

Пришелец двигался в чем-то, напоминавшем пыльную дымку, и как только он приземлился, из земли у его ног появилось несколько пыльных вихрей. Глаза дракона были темными впадинами с маслянистым блеском внутри.

Узник поднял свою голову и попытался обдать огнем новоприбывшего, но атака была слишком слабой, чтобы достигнуть цели. В короткой, колеблющейся вспышке было видно, что оба дракона были тускло-красными.

Гость зарычал. Джесри решила, что она расслышала какое-то подобие смеха в этом звуке. Затем дракон схватил змеевидную шею узника у основания черепа своей лапой, вдавил его голову в землю и продолжал так держать.

Вирм-победитель взглянул вниз на пораженного. Узник обмяк еще сильнее. В то же миг ветви деревьев, которые касались земли, сбросили свои больные листья, будто осень сменила весну. Стебли травы пожухли и высохли.

Джесри внезапно ощутила слабость и тошноту. Она схватила посох и прочитала защитные чары, чтобы оградить их с Гаэдинном, и болезненное чувство прошло.

- Спасибо, - выдохнул лучник. – Когда мы покинули Тэй, я надеялся, что с вампирами покончено. А теперь я опорожнить свой мочевой пузырь не могу, не встретив какого-нибудь дракона-вампира.

Джесри хотелось, чтобы он заткнулся. Ужасающее создание внизу могло услышать даже шепот. Хотя, похоже, не слышало; возможно, было слишком занято своей трапезой.

Вампир продолжал кормиться довольно долго, пока его жертва не вздрогнула и не сморщилась, а только что омертвевшие ветви не сломались под собственным весом. В конце концов, существо отвернулось. Это был отличный момент для второй атаки узника, но, очевидно, тот был слишком истощен.

Пожиратель жизни сделал несколько шагов назад, расправил свои странные крылья и оторвался от земли. Взлетая, он так болтался, словно мог рухнуть в любой момент. Но набрал высоту он почти так же быстро, как грифон.

Джесри дождалась, пока вампир исчезнет, а потом еще сотню ударов сердца. Затем она повернулась к Гаэдинну:

- Сейчас?

- Сейчас, - ответил он. - Давай я поведу, оставайся под деревьями так долго, как сможешь.

Там, где потемнее, поняла девушка, и он был прав. Безуспешное стремление теней навредить едва ли можно было сравнить с угрозой, парящей в ночном небе.

Они с Гаэдинном спустились с холма. И побежали напрямик в противоположную сторону от возвышенности.

У людей, если это были они, была серая кожа в шрамах и татуировках, темные заплетенные волосы и глаза такие же безжизненные, как у улетевшего только что дракона. Их одежда была черной, а мрак вокруг них, казалось, был плотнее, чем где-либо еще, хотя рядом с ними не было ничего, что могло бы отбросить тень. Они не шли так, словно пытались не шуметь, но у них это все равно получалось, и Джесри почувствовала, что тишина была такой же естественной для них, как для кошки.

- Спокойно, друзья, - произнес Гаэдинн. - Мы всего лишь мирные путешественники.

Серые люди, казалось, засмеялись, хотя Джесри не могла этого услышать на самом деле. Мрак вокруг них сгущался, и двое мужчин спереди вытащили цепи, висевшие у них на поясах. Звенья не звякнули. Воины исчезли и мгновенно появились практически на расстоянии удара от Джесри и Гаэдинна. Приготовившись к атаке, они выхватили свое оружие.

Стрелы вонзились в их грудные клетки и заставили отступить назад. Произнося примирительные фразы, Гаэдинн вместе с тем приготовился стрелять, и ни неожиданное перемещение бойцов с цепями в пространстве, ни их пелена из мрака не помешали ему прицелиться.

Прочие серые люди – Джесри по-прежнему не могла определить, сколько их было, но предположила, что не меньше полудюжины – завывали от ярости. Наконец она их услышала, правда, звук был слабым, словно доносился откуда-то издалека. Они замерцали и заскользили вперед, попутно рассредоточиваясь, чтобы окружить своих врагов.

Гаэдинн и Джесри отступили. Его руки нельзя было разглядеть, когда он выпускал стрелы одну за другой. Девушка поставила посох перед собой в защитной позиции, и в ее сознании всплыли рифмы, призывающие огонь.

Это было влияние посоха. Хотя оружие не было ни живым, ни разумным, оно по-своему тянулось к стихии, на которую было настроено.

Но в этот момент посох должен был быть недовольным. Пламя в темноте могло бы привлечь внимание улетевшего вирма или еще кого-то, с кем она не хотела бы встретиться. Волшебница произнесла другое заклинание, сделала колющее движение посохом – и дюжина маленьких ножей возникла в воздухе вокруг двух бойцов с цепями. Они тоже начали колоть. Один серый воин упал. Второй пережил эффект заклинания, но кровь окрасила часть его рубашки другим оттенком черного.

Джесри замешкалась, пытаясь решить, как ей поступить: добить раненого или атаковать кого-то другого. В это самое мгновение девушка почувствовала движение слева от нее, что-то отличающееся от быстрого, но постоянного ритма стрельбы Гаэдинна.

Она обернулась. Серый мужчина с кинжалом в каждой руке несся с боку на Гаэдинна. И девушка не могла атаковать противника магией – ей не хватило бы времени, чтобы остановить нападение, поскольку лучник был у нее на пути. Все, что она могла – закричать:

- Осторожно!

Гаэдинн обернулся. Серый воин полоснул сначала одним клинком, потом другим. Лучник попытался уклониться. Стоя позади него, Джесри не могла сказать, увернулся ли он от обеих атак.

Но полосы тьмы обвилились вокруг Гаэдинна подобно сдавливающим кольцам змея, прижимая его руки и лук к туловищу и связывая ноги. Потеряв равновесие, он упал на землю.

По крайней мере, это убрало его с пути Джесри. Ужаснувшись, что серый воин свяжет и прикончит его, девушка ткнула посохом в сторону обидчика и прорычала команду. Грубая сила врезалась в лицо темного мужчины и вырвалась из задней части его черепа.

Гаэдинн извивался у ее ног. Хорошо, что он все еще жив и способен бороться, но ей было некогда помогать ему освободиться. Несмотря на то, что им уже пришлось пережить, еще больше серых людей соткалось из мрака. Казалось, они вообще не боялись смерти.

Джесри размягчила землю под воином с цепями, и он провалился по пояс. Затем неожиданно все стало еще темнее. Волшебница предположила, что один из противников подкрался вплотную к ней.

Джесри обернулась, ища угрозу. На мгновение она увидела размытую фигуру. Темные глаза уставились в ее собственные, и затем силуэт исчез.

Ее схватили сзади за шею. Железная хватка перекрыла воздух и сковала движения.

Волшебница больше не могла переживать о том, заметят ли ее свет в темноте. Внезапно лишившись дара речи, она воспользовалась единственной магией, до которой могла быстро добраться. Девушка сжала посох и мысленно произнесла команду.

Пламя окутало ее, словно она была пропитана маслом. Оно не навредило ей, но определенно подожгло нападавшего, поскольку руки отпустили шею волшебницы.

Джесри обернулась, чтобы посмотреть в лицо незнакомца и удивилась: там была серая женщина. Не то, что бы это было важно. Волшебница отбросила темную фигуру зарядом силы.

Душительница пролетела всего пару шагов. Затем она врезалась в воина с цепью, который, видимо, не испугавшись пламени Джесри, быстро приближался.

Девушка ненавидела их целеустремленную жажду крови, неестественную грацию и то, как они давили со всех сторон. Волшебница хотела, чтобы драка закончилась, и заколдованное пламя откликнулось на ее желание. Оно бросилось во все стороны вокруг нее, словно спицы колеса, сжигая серую плоть. Ее противники пошатнулись и рухнули.

Джесри сделала глубокий вдох, смахнула свой магический ореол и очажки пламени, все еще танцевавшего на телах, и обернулась, чтобы посмотреть, как там Гаэдинн. Серый мужчина, ползший по земле, поднялся и направил клинок ей в живот.

Гаэдинн освободился от пут застывшей тьмы, вскочил и схватил руку вражеского воина прямо перед тем, как лезвие достигло цели. Мужчины столкнулись и покатались, пока Джесри ждала шанса поразить человека в шрамах, не навредив Гаэдинну. Затем лучник коротким движением ударил противника в горло. Серый человек прекратил сражение, он задержался и стал задыхаться. Используя ребро своей ладони, Гаэдинн ударил его еще раз, на этот раз в нос, и мужчина прекратил двигаться вообще.

Лучник обернулся и вытащил свой лук из клубящегося мрака.

- Ты в порядке? Эти метки напомнили мне о Тэе, когда призрак хватает кого-то.

Девушка осторожно коснулась того, что, как ей казалось, было синяками или следами от рук на ее шее. Теперь, когда драка закончилась, они действительно начали жечь. Хотя...

- Я не думаю, что все так уж плохо. А ты как?

- Хотел бы я, чтобы у нас еще был тот целебный бальзам, но, по правде говоря, нож просто поцарапал меня. Кольчуга приняла весь удар на себя, - лучник вытащил стрелы из своего колчана. Он использовал много во время сражения, а давление темных пут и валяние на земле сломало еще несколько. - Проклятье! Что это вообще за ублюдки были? Шейды? Шадар-кай?

- Если так, то они далеко от дома.

Империя Нетерил, порождающая людей, наполненных сущностью темноты, была в двух тысячах миль на запад.

- Верно, - усмехнулся лучник. - Я вот как раз подумал, что было бы здорово, если бы нетерезы бегали по нашей части мира. А то у нас все пока что недостаточно усложнилось.

- Нам нужно выбираться отсюда. На случай, если кто-то увидел пламя.

- Скажи, как будешь готова.

Спустившись с холма, они обнаружили ярмо с прикрепленными ведрами и тушу убитого оленя. Джесри предположила, что серый народ бросил это все, когда решил напасть.

- Наши враги были тюремщиками Чазара, - сказала она, - они несли ему еду и воду. Они разбежались, когда другой дракон решил подкрепиться, побоялись, что он и из них высосет силу. Мы встретили их, когда они возвращались.

- Возможно, - присев рядом, Гаэдинн был явно более заинтересован в изучении оленя. – Взгляни на это!

Девушка подошла и встала рядом с ним:

- Что?

Он указал пальцем.

- Посмотри на полосатый узор на крестце, - Гаэдинн указал на одну из конечностей. – И здесь – нет рудиментарных пальцев. Ты видела таких самок оленя, пока была в Трескеле?

- Не знаю. Стихийные маги были не такими, как твои эльфы. Они не уделяли время тому, чтобы научить меня лесным премудростям.

- Что ж, а я знаю, что никогда таких не видел. Она... необычная.

- Ты не можешь подумать о тайне ее существования, когда мы уберемся отсюда отсюда.

Гаэдинн улыбнулся.

- Полагаю, это разумно.

Они поспешили вперед, а тем временем боль в шее то усиливалась, то стихала. Так продолжалось пока Гаэдинн наконец не остановился и не осмотрелся, поворачиваясь по кругу.

- Что такое? – прошептала Джесри.

- Похоже, я заблудился, - ответил он.

Джесри задумалась, не решил ли он снова бессмысленно и не к месту пошутить.

- С тобой такого не бывает.

- Да. Не бывает. Но мы уже достаточно далеко отошли, чтобы оставить позади отравленную территорию. Но мы ее так и не оставили.

Холм, возвышавшийся перед ними, не выглядел таким явно больным, как окружающие скованного дракона. Но когда девушка присмотрелась к возвышенности получше, то она оказалась явно зараженной. Тени забурили, когда казалось, что никто на них не смотрит. Сплетенные дубы покрылись бледной, вязкой жидкостью, напоминавшей гной.

- И я не могу сориентироваться, - продолжил Гаэдинн. – Форма этих холмов неправильная.

- Продолжаем идти, - сказала Джесри. – Мы встретим что-то знакомое.

Они так ничего и не встретили, и девушка начала подозревать, что происходит. Но у нее был какой-то иррациональный страх, что если она произнесет это вслух, то догадка окажется правдой. Поэтому волшебница подождала времени, которое, как она считала, можно было назвать рассветом. Когда небо посветлело от черного до слегка серого, но ничего похожего на солнце не поднялось, чтобы осветить его еще сильнее.

* * * * *

Столбы дыма поднимались из-за возвышенности. От одной только мысли, что кто-то мог готовить завтрак, у Кхорина потекли слюни, а в животе заурчало.

После ужасного столкновения с гигантами, Кхорин с выжившими драконорожденными старался держать путь на восток. Медраш хотел сообщить Защитникам Копья об угрозе ящеромедведей, которых враг никогда ранее не использовал. Но, к сожалению, всадники продолжали наталкиваться на другие отряды гигантов, преграждающие путь к Пыльной Тропе. Иногда гиганты тоже их обнаруживали, и тогда им приходилось бежать. Между тем их провизия иссякла, и лишь изредка они находили питьевую воду или траву для своих скакунов. Две лошади охромели.

- Жареная ветчина, - сказал Баласар. – Если твой друг Торм действительно проявляет доброжелательный интерес к смертным, тогда пусть докажет это, обеспечив нас жареной ветчиной.

Медраш сердито взглянул на него:

- Неистойой Верности нечего доказывать тебе или кому-либо еще. А тебе, возможно, будет полезно вспомнить, что гиганты известны тем, что сами разводят огонь.

- А дым иногда поднимается из дыр в земле этого поганого королевства, - сказал Кхорин. – Тем ни менее, этот дым выглядит так, будто поднимается из чьего-то костра. Давайте проверим. - Дворф указал налево: - Если мы поскачем в ту сторону, то сможем подняться повыше и увидеть, что там такое. И если это окажутся гиганты, то мы будем достаточно далеко, чтобы исчезнуть прежде, чем они смогут нас беспокоить.

- Вперед, - кивнул Медраш.

По пути наверх камни выскользнули и загремели под копытами кобылы Кхорина, и на мгновение он испугался, что загнанная лошадь упадет. Однако, обошлось. Кобыла восстановила равновесие и доставила его на возвышенность к остальным.

Наверху зрелище было достойным. Несмотря на то, что на расстоянии фигуры в лагере в долине казались маленькими, это явно были драконорожденные. Дворф почувствовал волну восторга, которая исчезла, когда он заметил, что его спутники, похоже, не разделяют ее.

Они испытывали какие-то смешанные эмоции. Как и он, они почувствовали облегчение. Но также удивление и в разной степени отвращение.

- Что не так? – спросил наемник.

Пару мгновений никто не отвечал, как будто ответ был зазорным. Затем Медраш сказал:

- Посмотри на знамя.

Кхорин так и поступил. На черном флаге была серебристая кривая. Пытаясь разобраться, что она собой представляет, он прищурился, затем удивленно моргнул.

- Это дракон?

- Да, - ответил паладин. - И, как ты уже слышал, драконы - это тираны, которые держали наших предков в качестве рабов. Тем не менее, среди нас есть те, кто считает, что мы родственники драконов, и что мы должны радоваться этому родству и забыть о древней кровной вражде.

Кхорин решил, что он только что узнал, в кого драконорожденные плевали на улице.

- Или, иначе говоря, - сказал Баласар, - они зациклились на одном из богов этого нового мира - Багамуте, вроде так они его называют – прямо как ты.

Медраш впился взглядом.

- Если бы кто-то, кроме брата по клану, сделал такое сравнение, я бы вызвал его на дуэль.

- Тогда тебе повезло, что я как раз один из них.

- Так что, - вмешался дворф, - насчет этих... культистов?

- Они называют себя «Платиновая Когорта», - пояснил Баласар.

- Итак, эта «Платиновая Когорта», судя по всему, созвала собственные силы, чтобы сражаться с пепельными гигантами. И нам нужна помощь. Поэтому я полагаю, что мы спустимся к ним, даже если вы считаете их убеждения оскорбительными.

Медраш вздохнул:

- У нас нет выбора.

Паладин направил свою лошадь вниз по склону, который вел к лагерю. Остальные последовали за ним.

Кхорин выровнялся с Баласаром.

- Он серьезно расстроен, да?

- Да, - ответил драконорожденный. – Когда гиганты победили нас и многих убили, он взял всю вину на себя. А теперь еще и помощи нужно просить у драконолюбов. Это еще одно бесчестие. Ты мог заметить, что каждый чувствует себя так, но не настолько остро. Остальные не настолько фанатичны насчет своей чести и чуть более заинтересованы в том, чтобы выбраться из равнины Черной Золы живыми.

Драконорожденные Платиновой Когорты собрались, чтобы понаблюдать за приближением всадников. Большинство из них носили разрозненные детали доспехов или вообще были без них. Некоторые держали топоры для рубки древесины и копья, предназначенные для охоты на кабанов. У нескольких были только круглые шрамы на тех местах, где должны были быть серьги.

Они всё глазели, и Кхорин заметил, что в основном их любопытство было сосредоточено на нем. Но он не чувствовал в этом ничего враждебного.

Двое драконорожденных вышли вперед из толпы, чтобы встретить гостей.

Тот, что слева, был большим воином с багровой чешуей и шрамами возле левой щеки и уха, оставленных клинком, которым вырезали серьги. Три серебряных цепочки свисали с его шипов на нижней челюсти наподобие жидкой звенящей бороды. Судя по мастерской работе над его доспехом, Кхорин предположил, что его выковал кто-то из народа дворфов. На верхней одежде насыщенного синего цвета была изображена платиновая голова дракона.

Справа стояла драконорожденная. Ее коричневая кожа была усыпана золотистыми веснушками. Бледное сморщенное пятно над ее бровью демонстрировало, где она раньше носила серьги. Она была в темно-фиолетовой мантии с вышитыми серебряными символами и держала посох заклинателя из теневого дерева. В отличие от большинства драконорожденных обоих полов,

которые в целом создавали впечатление массивных и непоколебимых существ, женщина выглядела более гибкой, и слегка покачивалась, рассматривая всадников.

- Приветствую, - сказал Медраш, и какими бы ни были его истинные чувства, его тон был уважительным. – Мы, клан Даардендриен и сэр Кхорин Скулдарк, наш верный союзник, просим о помощи.

- И вы ее получите, - ответил воин. – Я Шестенделиат Патрин. Я командующий здесь. Это Ирджикстилекс Нала, мой лейтенант.

- Пока что просто Нала, - сказала волшебница.

- Придет день, - сказал Патрин, - когда твой клан с гордостью примет тебя назад.

- Надеюсь, вы правы, - ответила Нала, - но, так или иначе, это последнее, что интересует наших гостей. Спускайтесь с лошадей, друзья. Судя по вашему виду, вы хотите пить, есть и отдохнуть. Возможно, даже помощь целителя.

- Спасибо, - поблагодарил Кхорин, спускаясь со своего скакуна.

- Я понимаю, что в этих пустошах трудно разжиться припасами, - продолжил Медраш, - но если вы сможете сделать что-то для наших лошадей, то это еще сильнее оставит нас в долгу.

- Конечно, - ответил Патрин. – Мы в основном пеший отряд, но у нас есть пара лошадей и корм для них в тележках с продовольствием. Мы можем немного поделиться.

Как оказалось, на завтрак была не ветчина. Им подали едва теплую кашу, печенье, у которого нужно было отрывать плесень с краев, и полоски вяленого мяса. Но это было сытно, и даже Баласар казался довольным.

Нала и Патрин сели у тлеющего костра вместе с Кхорином и Даардендриенами. Сначала они молчали, позволив гостям спокойно поесть. Но когда те почти закончили, воин в синих одеждах сказал:

- Знаю, вас было больше шести, когда вы выехали к равнине Черной Золы. Прошу прощения, если эта тема болезненна для вас, но что случилось с остальными?

Медраш был убежден, слово «болезненна» явно было преуменьшением. Но также паладин не сомневался, что товарищ-защитник Тимантера, пусть и член Платиновой Когорты, нуждался в этой информации и имел на нее право. Он рассказал историю о падении летучей мыши и все то, что произошло дальше, спокойным и сдержанным тоном.

- Вы видите, - заключил он, - пепельные гиганты научились новым трюкам. Они стали еще опаснее, чем раньше. И надеюсь, вы не примите близко к сердцу, если я отплачу вам за гостеприимство своим советом.

Нала улыбнулась. Даже сидя скрестив ноги на земле и завернувшись в мантию, она по-прежнему едва заметно покачивалась из стороны в сторону.

- Не нужно, - сказала она Медрашу. – Мы можем представить, что вы собираетесь сказать. Если уж лучший отряд Даардендриенов не смог справиться с гигантами, то очевидно, что нам презренным, безумным изгоям не стоит и пытаться.

- Я не это собирался сказать, - ответил паладин. – Я не разделяю ваших убеждений, и никогда не смогу, но никогда бы не ответил оскорблениями на доброту. Но что я скажу, так это то, что большая часть вашего отряда и близко не так хорошо вооружена как сэр Патрин. Некоторые перебивают не в лучшем здравии. Рискну предположить, что эти же «некоторые» провели не особо много времени в

тренировочных площадках за последние пару лет, как и всему вашему отряду не выпадала возможность сражаться вместе как единой боевой единице. Поэтому, возможно, вы не готовы зайти глубже на вражескую территорию. Вероятно, вы бы смогли лучше послужить Тимантеру, установив гарнизонный пост вдоль границы.

Патрин поднялся:

- Мне жаль поднимать вас на ноги так скоро, но я хочу вам кое-что показать.

Все они подошли к одной из телег, которые упоминал командир. Он взял мешок, от которого несло гнилью. Вонь усилилась, когда он вывалил содержимое.

Этим содержимым оказались уши, слишком большие, чтобы принадлежать головам дворфов или людей, а к естественному серому цвету примешивались коричневые и фиолетовые пятна разложения.

- Знаю, сбор таких трофеев сродни варварству, - сказал Патрин. - Но после окончания войны нам нужно будет как-то подтвердить наши достижения.

- И тогда усомнившиеся увидят истинность и значимость нашего пути, - добавила Нала.

Медраш покачал головой:

- Как вам это удалось?

- Я же только что сказала, - ответила волшебница, покачиваясь верхней частью тела на дюйм из стороны в сторону. Кхорину стало интересно, были ли ритмичные движения симптомом какой-то болезни или просто нервным тиком. - С помощью Багамута. Приняв драконью суть внутри нас.

- Как скажете, - вмешался Баласар, - но, думаю, мой брат по клану спрашивал о тактике.

Патрин пожал плечами:

- Ну, что касается этого, то не думаю, что она отличается от чьей-либо в подобной ситуации. Но если вы хотите посмотреть на нас в действии, то я рад, потому что у меня есть предложение к вам.

- Какое? - спросил паладин.

- Вы пришли к равнине, чтобы сражаться, как и мы. Так присоединяйтесь к нам.

Медраш заколебался:

- Никто из нас не желает принимать вашу веру.

Патрин улыбнулся.

- Что ж, я и не жду, что вы ее примите. Я узнал символ на твоём щите, к тому же я знаю, что когда паладин посвятил себя богу, его клятва длится вечно.

Явно более озадаченный, чем ранее, Медраш прищурился:

- Откуда вы узнали, что я паладин?

- Мы похожи. Ты бы тоже мог это почувствовать, если бы не твои... предубеждения. Но вот к чему я клоню. Мы не будем давить на тебя или кого-либо еще, кто не разделяет наших убеждений. Если они придут к Багамуту, то пусть это будет в свое время и по их собственной воле. Вы нужны мне, потому что клан Даардендриен славится своей доблестью, как и дворфы из Восточного Разлома. А еще у вас есть лошади. Они не в лучшей форме сейчас, но это ничего, немного корма, отдыха и магии, и они поправятся - мне нужны верховые.

- Мы собирались идти на восток, чтобы сообщить о столкновении Защитникам Копья, - сказал Баласар.

- Отлично, - добавила Нала. – Мы как раз туда и направляемся. Теперь, когда мы испытали себя в нескольких битвах, то пойдем тем путем, где гигантов больше всего.

- Я бы хотел обсудить это со своими товарищами, - заявил Медраш. – Дадите нам немного времени?

На лице волшебницы мелькнуло хмурое выражение, но Патрин ответил:

- Сколько потребуется.

Паладин увел своих братьев по клану и Кхорина на несколько шагов от почитателей Багамута и телеги.

- Что думаете? – спросил он.

- Я поступлю, как скажете вы и сэр Баласар, - сказал воин Даардендриен с коричневой чешуей. – Но будет ли почетно сражаться бок о бок с драконолюбями?

- Это может быть более почетно, чем красться домой только для того, чтобы сообщить о поражении, - заметил Баласар. – Фанатики или нет, но этот отряд побеждает в своих битвах.

- И если мы отправимся с ними, - сказал Кхорин, - то разделим все будущие победы. И даже если они не обнаружат еще противников, то это безопаснее, чем путешествовать по пустошам в одиночку.

- Я всегда смотрел на Платиновую Когорту свысока, - признался Медраш, - и теперь мне стыдно. Эти воины не сделали нам ничего плохого. Возможно даже, спасли наши жизни. Может, они не сумасшедшие или порочные, а просто непонятые.

Баласар ухмыльнулся:

- Значит, мы принимаем предложение Патрина.

- Если все согласны.

Кхорин оглядел товарищей, и все были согласны.

* * * * *

День так и не пробился сквозь мерзкое подобие сумерек. Даже золотистые волосы и глаза Джесри не сияли. Это был первый раз на памяти Гаэдинна, когда она не выглядела красивой.

Или, возможно, ему так казалось из-за злости.

- Ты уверена? – спросил он, понимая, насколько глупый вопрос слетел с его уст.

Джесри махнула рукой, указывая на лесистые склоны вокруг них.

- Ты сам мне сказал, что многие деревья, кусты и даже очертания холмов не такие. Как известно, шадар-кай живут в Царстве Теней либо в Нетериле. Да и солнца в небе нет. Сам как считаешь?

- Считаю, что мы в Царстве Теней, - насколько он понимал, оно было искаженной тенью, отброшенной смертным миром, придающим форму этой соседствующей вселенной. – Хоть волшебник в нашей маленькой группе и не почувствовал, что мы сбились с пути, пока не стало слишком поздно.

Девушка впиалась взглядом в лучника.

- Если не все твои истории вранье, ты со своими друзьями-эльфами регулярно посещал другие миры. Крики Бездны, да ты же сам использовал такой трюк, чтобы

сбросить армию симбархов с хвоста, когда мы шли через лес Юир. Так что не делай вид, что это я виновата в том, что не заметила перемещение!

Ее отказ от ответственности оказал парадоксальный эффект, рассеяв раздражение наемника. Возможно, потому что он и сам ответил бы так.

- Эльфы брали меня в Страну Фей, - она была отражением смертного мира, настолько прекрасным, насколько Царство Теней было мерзким. - Ну, и при некоторых неприятных обстоятельствах, в Силдейир. Но это было едва ли похоже на то, как мы забрели сюда. Все же, вполне вероятно, что ты права. Возможно, мы оба виноваты - или никто из нас. Предлагаю согласиться на «никто». Но объясни мне кое-что. Как это произошло? Мы не проходили сквозь круг каменных столпов или что-то вроде того, я не видел ничего похожего на портал.

- Как и я. Но ученые говорят, что два мира могут накладываться друг на друга, иногда лишь частично.

- В таком случае, часть холмов становится частью холмов Царства Теней в темнейшие ночи. Ведь именно в такие моменты оба мира наиболее похожи.

- Думаю, что так и есть.

- Мне нужно было стать ученым, - усмехнулся Гаэдинн.

- Возможно, Чазар провалился в Царство Теней во времена Синего Огня, когда все миры смещались и наложения были более распространенными. И тогда дракон скверны...

- Ты о том вирме, что высасывал силу?

- Кажется, так их называют. Теперь, когда у меня есть время об этом подумать, я вроде читала о них в бестиарии, в школе, куда Аот отдал меня, чтобы закончить обучение. Чем бы оно ни было, ему как-то удалось пленить Чазара и питаться им с тех пор. Подозреваю, что этот процесс поглощения искажает реальность и удерживает брешь между мирами от закрытия.

- Очень интересно, и я бы с радостью послушал еще. Но, желательно, уже после того как ты вернешь нас домой.

Джесри покачала головой, и прядь ее спутанных волос упала на лоб.

- Я не могу.

- Что за бред. Не надейся слышать такое часто, но, проклятье, ты можешь почти все. Я уже это видел.

- Ты видел, как я делаю впечатляющие вещи со стихийной магией. Я не знаю, как перемещать нас между мирами.

- А разве ты не делала этого у Кольца Ужаса? Дважды?

- Волшебники, которые по-настоящему понимали магию, просто таскали меня с собой как багаж. И мы путешествовали только в духовной форме. Наши физические оболочки оставались на месте.

- Все равно, я знаю тебя. Ты же была внимательной и наверняка чему-то научилась.

- Не особо, - смутилась Джесри. - Кроме того, такие ритуалы включают в себя особые письма, других заклинателей, оказывающих поддержку; в идеале - и то, и другое.

- Так импровизируй. Нашим несчастным лошадям интересно, что с нами стало. Волшебница нахмурилась.

- Думаю, я могу попробовать. Это будет опасно, но, наверное, не так опасно, как пытаться выжить в Царстве Тени целый месяц. Или дольше. Мы же не знаем, что планы накладываются каждое новолуние без исключений, или что нам повезет найти путь назад, если это так.

- Как я могу помочь?

- Просто постой на страже – одному Крушителю Врагов известно, что может привлечь магия – и будь готов поспешить ко мне, когда позову.

Гаэдинн огляделся, высматривая подходящее место для поста, и решил, что небольшая возвышенность поможет ему заметить потенциальную угрозу до того, как та заметит его. Он побежал к искривленному дереву, напоминавшему белый вяз, подпрыгнул, ухватился руками и попытался подняться. Кора треснула и рассыпалась под его пальцами, и наемник едва не упал. Гаэдинн удержался у самого низкого разветвления и уложил одну из немногих оставшихся стрел на тетиву.

Джесри бродила кругами вниз. Наемник решил, что она ищет пустой ровный участок земли. Когда волшебница нашла его, то начала петь себе под нос и рисовать линии на земле металлическим основанием своего посоха. Подобно кольцам, вырезанным на древке, металлическая часть посоха стала почти полностью золотой, лишь с небольшими красными пятнами и прожилками.

Почва слегка смещалась даже после того, как посох Джесри двигался дальше. Казалось, земля пыталась заполнить борозды, которые волшебница только что оставила. Девушка произнесла слова силы немного громче, и движение почвы прекратилось.

Потребовалось относительно немного времени, чтобы закончить пентаграмму, которая была явно менее сложной, чем та, что Гаэдинн видел ранее в исполнении волшебницы. Ему было интересно, не потому ли это, что она не знала, что делать? Поскольку девушка не была уверена, какая фигура была наиболее уместной, то решила начертить базовый символ силы и защиты.

Джесри встала в центре звезды, сделала глубокий вдох и начала новое заклинание. Она заговорила на неизвестном лучнику языке, поэтому он не понимал ни слова. Но некоторые слова вызвали что-то вроде зуда в его голове.

Волшебница еще долго колдовала прежде, чем закончить. Гаэдинн почувствовал, что она выжидает. Когда ничего не произошло, она сделала вдох, сменила позицию и – заговорив уже громче – начала сначала. Джесри выделяла отдельные фразы, поднимая посох над головой, и затем вбивая его в землю.

После нескольких повторений, каждое из которых исполнялось слегка иначе, Гаэдинн заметил, что воздух стал плотнее, и казалось, что дышать приходится с усилием. Но изменился не только воздух. У наемника было ощущение, что весь мир, или та его часть, которую он видел, стал тяжелее и натянулся, словно пузырь, который хотел лопнуть.

У нее получается, решил лучник, и с нетерпением ждал, когда волшебница позовет его. Гаэдинн все еще ждал, когда серо-черная летучая мышь спикировала с неба.

Голова и туловище животного были размером с дворфа, хотя из-за кожистых крыльев оно казалось больше человека. Пока мышь неслась на Джесри, ее длинный

хвост перестал колыхаться и, напрягшись, скрутился. Животное готовилось ударить им, словно хлыстом.

Темный окрас делал летучую мышь практически незаметной в теневом мире. Несмотря на свою бдительность, лучник заметил животное только когда оно практически преодолело расстояние до своей жертвы. У наемника было время только на один выстрел.

Гаэдинн натянул и отпустил тетиву. Стрела погрузилась в туловище летучей мыши. Содрогнувшись, тварь поменяла курс и рухнула, врезавшись в землю несколькими шагами правее от пентаграммы. Там животное хлопало крыльями, но, похоже, на большее оно было уже не способно.

Гаэдинн поднял глаза к небу и заметил еще одну летучую мышь. Она тоже пикировала на Джесри, и лучник разобрался с ней так же, как с первой, и даже лучше. Выстрел оказался чистым, и животное рухнуло будто камень.

Лучник искал третью мышь. Она так и не нашлась, но внезапно послышался свирепый вой, от которого шли мурашки по спине. Гаэдинн сделал вдох и откинул страх, а затем огромные черные гончие показались на возвышенности.

Подобно шадар-кай прошлой ночью, они мерцали, пока продвигались вперед, преодолевая расстояние быстрее, чем это представлялось возможным. Кроме того, из-за этого в них было трудно целиться. Гаэдинн потратил драгоценное мгновение, изучая неестественные движения, чтобы попытаться угадать, где они появятся.

Наемник уложил одного и затем второго. Этого было недостаточно. Их по-прежнему было слишком много, и они все еще двигались слишком быстро.

Однако Джесри продолжала колдовать. То ли она была в трансе, как те волшебники из Лутчека, занятые своим ритуалом, то ли просто не осмеливалась прервать заклинание, боясь того, что сделает сила, которую она собрала, если Джесри бесконтрольно оставит ее.

«Проклятье, женщина», - подумал он. Лучник прыгнул с вяза и прокричал:

- Сюда, грязные твари! Это я вас убиваю! Атакуйте меня!

Гаэдинн выстрелил в очередную гончую. Древко глубоко вошло в шею животного.

Его уловка сработала, если можно так сказать. Гончие повернули и помчались к нему.

Наемник уложил еще двух, а затем был вынужден бросить свой лук и вытащить саблю. Оставшиеся четыре или пять – все происходило слишком быстро, чтобы вести точный подсчет – окружили его. Они с рычанием бросались и кусались, разбрызгивая серую пену с челюстей.

Гаэдинн повернулся, полоснул, уклонился – и каким-то образом его не укусили и не опрокинули в первые пару мгновений. Он даже расколол череп одной из гончих.

Это подарило наемнику волну удовлетворения, но не надежды. Кхорин, скорее всего, смог бы прорубить себе путь из этого кошмара, но ведь он был лучшим бойцом ближнего боя из тех, что Гаэдинн когда-либо видел. Сам он едва ли был просто хорош, и лучник подозревал, что это будет недостаточно.

Наемник надеялся, что выиграет для Джесри достаточно времени, чтобы вернуться домой.

Затем послышался свист. И обезумевшие от гнева гончие исчезли точно так же, как и появились. Задыхаясь, Гаэдинн повернулся в направлении звука.

Недалеко, на верхушке холма, верхом на черной лошади сидел шадар-кай. При свете дня – или того, что заменяло его здесь – лучник увидел, что шрамы на лице всадника образовывали геометрический узор, и, судя по всему, были вырезаны так преднамеренно. У него было копье и цепь, висевшая на бедре.

Низкорослые фигуры с серой кожей, черными волосами, закутанные в темные одежды, как и сам всадник, но сгорбленные и потрепанные, стояли вокруг его скакуна. Один из них держал деревянный сиринкс, который, очевидно, и отозвал гончих.

Гаэдинн понял, что шадар-кай был охотником. А существа размером с дворфа были слугами, обязанными управляться с гончими тварями.

Всадник опустил копье и пришпорил лошадь. Либо он переживал, что «дичь» еще сильнее навредит его животным, либо решил, что будет веселее убить Гаэдинна собственными руками. В любом случае, он, видимо, был уверен в своих силах.

Черная лошадь перешла на галоп. Наемник заставил себя стоять на месте, пока шадар-кай и острие его копья приближались. Уклонится слишком рано, и его противник отыграется за гончих.

Темный скакун и всадник исчезли и тут же появились за шаг до расстояния удара.

Гаэдинн бросился в сторону. Он увернулся от копья, но не от лошади. Плечо животного врезалось в него с ошеломительной силой. Пока он пытался восстановить равновесие, что-то произошло по его голове, и он понял, что шадар-кай попытался схватить его за волосы. Лучнику удалось уклониться и от этого. Лошадь с всадником промчались мимо.

Восстановив равновесие, Гаэдинн разозлился на себя за то, что не догадался, что лошадь тоже может перемещаться сквозь пространство, как прочие существа в этом мерзком месте. Но именно эта злость могла бы стать для него помехой, поэтому он сделал вдох и попытался выдохнуть ее. «Теперь я знаю, - сказал он себе. – Вот что важно».

Но тот же трюк снова почти подловил его. Когда шадар-кай повернул своего скакуна, короткое мерцание переместило его на одну линию с Гаэдинном на мгновение быстрее, чем могло бы позволить обычное движение. Лошадь пустилась вперед, исчезла и снова возникла.

Прямо там, где и ожидал Гаэдинн. Наемник шагнул по диагонали, нырнул под копьем и ушел в сторону от лошади, полоснув ее переднюю ногу чуть выше колена.

Животное нырнуло в землю, а шадар-кай выпал из седла. Он приземлился по другую сторону лошади, и наемнику пришлось обойти ее.

Краем глаза лучник заметил, как какое-то маленькое несется на него сбоку. Он изогнулся и парировал низкий выпад зазубренным клинком, который мог бы покалечить его так же, как он покалечил лошадь. Нападавший был одним из чахлах слуг всадника, который, очевидно, мог так же перемещаться в пространстве или был просто проворным. Гаэдинн полоснул его шею, и тело проныры растворилось в клубе холодной черной дымки.

Она попала ему в глаза и на одно пугающее мгновение ослепила. Затем он моргнул, и зрение вернулось.

Как раз вовремя, чтобы увидеть, как упавший всадник растворился и возник, все так же лежа на земле, рядом со своими слугами. Его лицо исказилось, и он заговорил. Гаэдинн не слышал его голос, но видел, как двигаются губы.

Зато он услышал, когда низкорослый горбун с сиринксом выдал новую ноту. И когда оставшиеся гончие завyli и снова пустились к нему.

Лучнику стало интересно, есть ли у него время убить лошадь и опустить ее на спину, но решил, что собакам будет не слишком трудно перебраться через тушу, даже если он это сделает. Затем красная искра пронеслась среди бегущих животных и взорвалась рваной вспышкой пламени. Взрыв разметал гончих на части.

Шадар-кай и его слуги повернулись к Джесри. Слишком поздно. Она резко произнесла команду и ткнула концом своего посоха в их направлении. Охотник вспыхнул огнем. Затем пламя перескочило с его тела на слугу с сиринксом, а от него – на остальных ошеломленных существ, напомнив Гаэдинну, как вода каскадами спускается по ряду выступов. В мгновение все темные фигуры загорелись. И рассыпались.

Когда все кончилось, и от врагов мало что осталось, помимо тлеющей шелухи, Гаэдинн повернулся к Джесри.

- Моя гордость не пострадала бы, - сказал лучник, - если бы ты сделала это немного пораньше.

Девушка покачала головой, возможно, чтобы сообщить, что раньше она не могла, или просто как обычно – что не оценила его чувство юмора. - Ты в порядке?

- Каким-то чудом, да.

Он осмотрелся и поднял свой лук. Наемник проверил колчан и обнаружил, что у него осталось две стрелы.

- Думаешь, этот шадар-кай охотился именно на нас? Из-за того, что произошло ночью?

- Я не знаю и не особо за это переживаю. Я просто хочу, чтобы ты вернулась к работе прежде, чем кто-то или что-то еще появятся, чтобы помешать нам.

- Это бесполезно.

- О чем это ты? Я почувствовал, что что-то происходит.

- И больше ты ничего не почувствуешь. Я просто не знаю, как пробиться.

Наемник постарался не выразить глубину своего разочарования ни лицом, ни тоном:

- Ну и ладно. Уверен, мы сможем продержаться здесь месяц, если придется.

И, возможно, после этого они смогут отправиться в увлекательное путешествие по реке Стикс.

Надув щеки, Джесри резко выдохнула, словно тушила свечку. На мгновение ветер поднялся и взвыл, и все крошечные огоньки, оставшиеся от двух ее атак, потухли.

- Я подумала о другой вещи, которая могла бы вернуть нас домой раньше.

- Тогда скажи мне, пожалуйста.

И она рассказала, а когда закончила, Гаэдинн ощутил смесь тревоги и восхищения.

- Bravo, - сказал он. – Безумнее плана я еще никогда не слышал. Слегка безумнее, чем вторжение в Тэй, имея в распоряжении только силу Предела Мага.

Джесри нахмурилась:

- То есть ты не хочешь попробовать?

Лучник усмехнулся:

- Вообще-то, хочу. Но сейчас нам нужно убраться отсюда. Затем нам нужно найти место, где можно было бы осесть, хотя бы на время. Мы поговорим о твоей идее с приходом ночи.

Ждать, что в ночи они будут незаметнее, было бессмысленно в мире, населенном существами, способными отлично видеть в темноте. Но Гаэдинн надеялся, что, как известные ему орки или гоблины и им подобные, твари не смогут видеть дальше, чем люди при свете.

Когда Царство Тени стало черным как сердце ростовщика, лишь с несколькими слабо сияющими в небесах звездами и ощущением ядовитой неправильности, наполняющей воздух, словно зловоние, Гаэдинн и Джесри стали пробираться назад к холму, где лежал плененным Чазар. Они наблюдали за ним достаточно долго, чтобы начать ощущать надежду, что дракон действительно один, и лишь слабость и оковы не позволяют ему сбежать.

Неожиданно один из мелких слуг шадар-кай появился на сбоку на холме. Потом еще один. Гаэдинн присмотрелся поближе и увидел, что темные маленькие человечки вылезают из ямы в земле, словно отряд муравьев.

Как только они с Джесри заметили устье этого тоннеля, то обнаружили, что там постоянно движутся шадар-кай и иные, выглядевшие более странно и еще более опасно. По-видимому, большую часть времени они находились на холме, скрываясь, когда вирм скверны появился, чтобы покормиться.

- Проклятье, - прошептала Джесри. – Это не сработает.

- Нет, сработает, - ответил Гаэдинн. – Ты просто разработала только половину плана. К счастью, я – умнейший молодой человек – только что придумал вторую половину.

- И это?

- Помнишь, тебе было интересно, на нас ли охотился шадар-кай?

- Конечно, - нахмурилась волшебница.

- Так вот, если раньше это было не так, то сейчас мы их заставим.

ГЛАВА 9

9-е -10-е число месяца Миртул, год Извечного (1479 ЛД)

Аот и Джет парили на северном ветру и изучали крепость. Остальные всадники грифонов летали по обе стороны от него, но они определенно не могли увидеть форпост, только не с такого расстояния при слабом предутреннем свете.

Для неискушенного глаза крепость и ее стены могли выглядеть невпечатляюще. Но внутри находился ворох тоннелей и гарнизон, достаточно большой и разнообразный, чтобы заполнить как наземные, так и подземные бараки.

- Тебе не нравится, да? – спросил Джет.

- Я не в восторге, - ответил Аот, - но это лучшее, на что мы способны в отсутствие Гаэдинна, Джесри и Кхорина.

- Зачем тогда заниматься этим?

- Трескельцы здесь хранят много запасов. Кроме того, эта крепость должна будет стать отправной точкой для войск, которые нападут на Чессенту. Так пусть придут и обнаружат, что форпост сожжен, припасы украдены, а гарнизон убит. Это заставит их призадуматься, особенно наемников.

- Тогда давай продолжим.

Аот посмотрел вниз на раскинувшиеся заросли леса и пешие и конные войска, пробирающиеся сквозь эти дебри. В теории, гряда, возвышавшаяся над окружающей местностью, скрывала их от взглядов часовых в крепости.

- Мы дадим нашим солдатам на земле немного времени, чтобы занять свои позиции.

Пока Аот ждал, мысли увели его к событиям позавчерашнего дня. Он по меньшей мере вычеркнул Церу из списка возможных предателей, но в остальном наемник так и не приблизился к раскрытию убийц-драконорожденных или к тому, зачем им убивать его.

Прогулка в прошлое лишь добавила ему вопросов. Почему собрались те драконы? Они все союзники Аласклербанбастоса? Собирались ли каждый из них атаковать Чессенту по воле драколича? Если да, то как силам Героя Войны противостоять им?

Капитан нахмурился и попытался отложить эту загадку в сторону. Ему нужно было сосредоточиться на победе в надвигающемся сражении. Остальное может подождать.

Аот посмотрел на бледный проблеск на горизонте с восточной стороны и решил, что уже достаточно задержался. Он мысленно приказал силе в наконечнике своего копья засиять желтым светом, а затем вытянул его вперед, указав на крепость. Вокруг него слаженно хлопнули крылья, когда всадники направили своих грифонов вперед к цели.

Бойцы наложили стрелы на тетивы луков. Аот задумался, с чего начать: с огня или молнии – и выбрал второе. Грифоны сложили крылья и начали опускаться.

Затем на сторожевой вышке в одном из углов стен раздался звук горна. Аот надеялся, что часовые, наблюдавшие всю ночь, будут уставшими и невнимательными к утру, но, видимо, один все еще был настороже.

Раздраженный наемник наградил бдительного бедолагу ярким рокочущим зарядом молнии в башню. Молния снесла деревянную крышу и, как надеялся Аот, подожарила всех, кто был под ней.

Тем временем стрелы падали на стены, впиваясь в оставшихся часовых, пока те пытались схватиться за собственные луки. Орки и кобольды падали со своих насестов, разбиваясь о дворы внутри стен.

Но дальше не будет так легко. Воины повыскакивали из зданий вниз. Они поспешили занять свои позиции и начали отстреливаться по атакующим в небе. Арбалетный болт пролетел мимо клюва Джета, и тот взвизгнул от раздражения.

Затем вверх взлетел расширяющийся заряд силы. Джет взмахнул крыльями, ушел в сторону и избежал светящегося снаряда, лишь слегка коснувшись края. Тем не менее, холод пронзил тело Аота. Прямое попадание полностью покрыло изморозью другого зверя и его всадника, отправив их прямо на землю.

Аот пробудил татуировку, чтобы согреться, и начал искать источник магии. Поначалу даже его поцелованным огнем глазам это не удалось. Слишком много всего происходило. Затем кончик белой палочки появился из бойницы на верхушке одной из башен.

Джет уклонился, и очередной мерцающий снаряд прошел мимо него. Аот выпалил слова силы и направил копье. Темное облако окутало верхушку бастиона. Подмостки зашипели и обрушились, когда кислотное облако въелось в них. Внутри строения закричали люди.

Когда капитан направил своего грифона к воротам, то заметил, что башня, которую он взорвал, едва горела. Горящие стрелы, которыми некоторые всадники поливали крепость, тоже не слишком справлялись с поджогом. Видимо, какая-то особая обработка не давала древесине вспыхнуть так легко.

Ну и ладно, он почти ожидал подобного. Когда они победят в сражении, Братство все равно превратит это место в бесполезные руины. Придется просто попотеть над этим чуть дольше.

Аот метнул заряд молнии в ворота. Снаряд попал в створки, не оставив на них и царапины. На них определенно было наложено заклинание.

Но, к счастью, на людей и орков, охранявших врата, - нет. Наемник атаковал их потоком града размером с кулак, а пока они еще метались, Аот и три других всадника врезались в их ряды.

Клювы щелкали, а когти хватали и рвали воинов Костяного Вирма в кровавые клочья. Аот высматривал противника, чтобы всадить в него копье, но Джет не дал ему такой возможности. Грифон все еще злился из-за вспышки холода, которая прошла до самого мозга костей, а это была отличная возможность вырвать его у кого-то еще.

Когда все защитники были мертвы, Аот и его товарищи спешили, убрали засовы, блокирующие врата, и открыли их. Наемники, скопившиеся снаружи, хлынули внутрь.

После этого битва превратилась в хаос из тел, рубящих, жалящих клинков и воздушной кавалерии, стреляющей сверху и время от времени спускавшейся, чтобы схватить какую-то особенно привлекательную цель. Аот кружил вместе с прочими всадниками. Так было легче следить за ходом событий в целом и использовать заклинания с максимальной выгодой.

Постепенно наемники расчистили дворы и бастионы, пока не остались лишь самые упрямые группы сопротивления. Копейщики Кхорина перегруппировались, зажгли фонари и достали неугасаемые факелы с их негреющими зеленоватыми огнями, готовясь отправиться в тоннели. Это может оказаться самой опасной частью атаки, но они знали свое дело. Дворф научил их сражаться под землей.

Тем не менее, Аот задумался, не стоит ли ему возглавить их лично. Затем что-то вырвалось из одного из зданий с доступом к норам внизу. Оно могло бы поместиться в дверной проем, но исключительно в том случае, если бы двигалось аккуратно. Но в спешке существо снесло деревянные створки и отправило их в полет.

Животное оказалось огромной синей ящерицей с большими складчатыми ушами и шипом на морде. Существо окружала сверкающая дымка, которая скрывала существо на его спине. Верхом сидел кобольд с громадной небесно-голубой чешуйкой, которую, казалось, вросили в его грудь. Чешуйка регулярно вспыхивала, будто внутри нее сверкала молния, а по ее краям сочился гной.

Синий ящер врезался в передние ряды копейщиков. Опустив голову и взмахивая ей, животное подхватывало наемников своим рогом и подбрасывало в воздух. В то же время маленькие заряды молнии соскакивали с его массивного туловища и поражали то одного солдата, то другого. Люди, получившие такой удар, дергались в конвульсиях, а кобольд завывал от смеха.

Аоту стало интересно, почему этот кошмар вступил в бой только сейчас. Ему повезло, что это существо не появилось раньше, до того как чаша весов склонилась в пользу наемников.

Капитан выпалил слова силы и метнул снаряды из света. Они исчезли, когда коснулись жужжащей ауры. Прочие всадники пустили стрелы. Эти снаряды рассыпались при контакте с дымкой.

Все еще смеясь, кобольд поднял продолговатый кусок синего металла. Потрескивающая молния слетала с кончика оружия и впечаталась в грифона. Животное начало падать, затем расправило крылья, спасаясь от гибели. Сильно раненое и изнемогающее, оно полетело за стены, явно ища безопасно место, чтобы приземлиться. Аот не мог сказать, остался ли в живых всадник, который теперь лежал на пернатой шее животного.

Тем временем грозовой ящер продолжал бодаться, пробивая себе путь сквозь копейщиков. Капитан решил, что ее хозяин все-таки недолго думал, когда решил выпустить эту тварь. Если кто-нибудь не найдет способ одолеть ее, она может победить в битве за Трескель.

Аот наколдовал радугу своим копьём. Каждый цветной луч мог по-своему навредить рептилии. Ни один из них не пробился сквозь ореол ящера.

- Ему нельзя навредить, не приблизившись, - сказал Джет. - Правда, в таком случае его аура ранит нас. Но я в игре.

- Подожди, - Аот наложил чары защиты от молнии и от вражеской магии в целом. Он активировал татуировки с похожими свойствами. – Вот. Это может помочь. А теперь сбрось кобольда со спины этой твари.

Джет обнажил свои когти и спикировал.

Кобольд извернулся и поднял свою палочку. Джет нырнул еще ниже и пронесся всего в нескольких дюймах от земли. Аот пригнулся, и молния протрещала у него над головой.

Грифон расправил свои крылья и снова выровнялся с шаманом. Наемник прицелился копьем на случай если Джет каким-то образом промахнется.

Затем, быстрее и проворнее, чем Аот мог себе представить, грозная ящерица развернулась и поднялась на задние лапы, как лошадь. Одна из передних лап ударила Джета.

Благодаря своей ментальной связи Аот почувствовал, как его грифон собирается уклониться и уйти от удара, а затем шок, когда удар ящера все равно попал в цель. Они потеряли равновесие и почти упали, но Джет постарался поднять свой правый бок и восстановить контроль над траекторией.

Ему удалось первое, но последнее – не слишком. Грифон упал на землю среди разбросанных тел орков и моментально вскочил на лапы.

Аот почувствовал, что, к счастью, ни когти ящера, ни падение на землю сильно не навредили Джету. Это его скорее лишь разозлило. Грифон вдохнул, чтобы издать визг и броситься назад в бой.

- Стой! – оборвал Аот. – Притворись, что ты ранен. Останься тут. Когда они забудут о тебе, напади еще раз.

Наемник выскочил из седла.

Когда он спешил, то увидел, что грозной ящерице продолжил терзать копейщиков. Без сомнения понимая, что даже если они будут избегать возможности быть насаженными на рог, вспышки молнии все равно поразят их там, где они стоят, наемники стали отступать, расформировывая свои ряды.

- Правильно! – прокричал Аот. – Расступитесь! Оставьте его мне!

Заряжая свое копьё разрушительной силой, капитан наемников встал прямо перед грозной рептилией. Аот стоял достаточно близко, чтобы атаковать – достаточно, чтобы кобольду было трудно накладывать заклинания на него сквозь громадную синюю голову ящерицы.

И это было хорошо, насколько вообще возможно, но это же сделало его легкой мишенью для рога животного. Ящер бросился вперед и мотнул головой. Шип почти задел наемника, хотя существо и сделало все в точности как он ожидал.

Аот уклонился от удара и ответил на него выпадом. Его копьё без проблем прошло сквозь сверкающую дымку и укололо ящерицу в морду. Зверь взревел, а наемник ухмыльнулся. Он, наконец, ранил эту тварь.

Загвоздка была в том, чтобы ранить ее достаточно сильно. В течение нескольких следующих ударов сердца Аот нанес еще несколько ран в морду и челюсти ящерицы, но такие поверхностные повреждения лишь заставили животное с большим желанием стараться разорвать наемника. А сам он не мог пробраться мимо качающегося, наносящего удары рога, чтобы атаковать другие части тела.

Тем временем молния несколько раз прыгала от ящера в Аота. Поначалу наемник ничего не чувствовал. Затем начало жечь, как от укуса насекомого. Его защитная магия истощалась.

Пытаясь прицелиться, кобольд наклонялся то в одну, то в другую сторону. Он махнул палочкой зигзагообразным движением и начал длинное заклинание. Аот предположил, что хотя молния и была любимым оружием шамана, он знал и другие заклинания и решил, что пришло самое время их применить.

Затем Джет врезался в кобольда как снаряд из баллисты. Его когти пронзили маленькое чешуйчатое тело насквозь, а сила удара была такой, что сбросила труп со спины грозового ящера в мгновение ока.

Разгневанный колючим копьем наемника, его увертливостью и нежеланием быть насаженным на рог, ящер, похоже, даже не заметил, что его всадник пропал. Существо просто продолжало атаковать человека перед собой.

Джет спикировал, вонзил свои когти почти в то же место, где сидел кобольд, сжал и принялся отрывать чешуйчатую синюю кожу и мышцы своим клювом. Грозовой ящер заревел и начал кататься, пытаясь раздавить грифона под собой.

Но Джет ударил крыльями и отпрыгнул. А когда рептилия перевернулась, то обнажила свое брюхо. Аот влил в острие копья новый заряд силы, атаковал и всадил свое оружие туда, где должно было быть сердце, а затем мгновенно выдернул его для второго удара.

Горячая кровь хлынула и забрызгала наемника с ног до головы. Аот вытер ослепляющую пелену с глаз.

Как раз вовремя, чтобы увидеть, как существо извернулось, и его рог понесся вверх. Аот попытался отпрыгнуть. Но удар все равно попал и подбросил наемника в воздух, опрокинув на спину.

Грудь болела, но когда Аот посмотрел на нее, то увидел, что рог лишь слегка задел его. Он не смог пробить доспех и плоть под ним.

Это было последним рывком ящера. Теперь он просто лежал и содрогался. Все больше крови вытекало слабеющими толчками, а мерцающая дымка существа постепенно угасала. Последняя дуга молнии соскочила с кончика его когтя в землю.

В то же мгновение у Аота в голове возникла мысль.

Он понятия не имел почему, ведь он был сосредоточен исключительно на штурме. Но, видимо, какая-то часть его разума неосознанно продолжала беспокоиться о прочих его проблемах и теперь родила идею.

Он не мог принять ее, если бы его люди нуждались в нем. Но когда он незаметно оглянулся вокруг, было похоже, что дальше они и сами могли справиться. Больше не было грозовых ящеров, вырывающихся из тоннелей, и в общем у Братства все выглядело под контролем. В сражении мало в чем можно быть абсолютно уверенным, но он был готов поспорить, что дальше они справятся без него.

Запах паленых перьев, шелест крыльев – Джет приземлился рядом.

- Почему ты не встаешь? – спросил грифон.

- Потому, - ответил Аот, мысленно обращаясь к товарищу, - что я ужасно ранен. Или ты не видишь всей этой крови?

- Это кровь ящерицы. Ее рог просто сбил тебя.

- Ты прав. Но рядом больше никто не стоял, чтобы это заметить.

Используя свое копье как опору и стараясь изо всех сил двигаться как человек, испытывающий невероятную боль, Аот поднялся и взобрался на спину грифона.

* * * * *

Посох в руках Джесри, казалось, трепетал, как собака на поводке. Она мысленно приказала ему успокоиться.

«Тихо, - подумала волшебница. – Если этот идиотский план сработает, у тебя будет возможность создать много огня». Но до тех пор Джесри нужно было избегать больших и ярких вспышек света посреди всего этого мрака.

Девушка выглянула из-за кустарника, который Гаэдинн выбрал укрытием, на тропу в нескольких ярдах дальше, которая тянулась к холму. Пленители Чазара часто спускались по ней, чтобы поймать в мутной реке серых раков длиной с ее предплечье и черных безглазых щук.

Хотя волшебница и лучник ждали темных людей, тишина и мрак, окутывавший лесистые холмы даже в дневное время, не позволили Джесри заметить их, пока те не появлялись неприятно близко. Один из них был шадар-кай с луком, цепью на поясе и треугольными шрамами на лбу и щеках. Шестеро остальных были сгорбленными слугами, несшими рыболовные сети и корзины.

Джесри шепнула земле, и ее небольшой участок под ногами существ превратился в грязь. Все они погрузились по колено, а то и глубже.

Гаэдинн вскочил на ноги и выпустил последние две стрелы. Первая вонзилась в тело шадар-кай. Вторая прошла насквозь горло одного из слуг.

Джесри приказала почве подняться выше над все еще живыми противниками, будто волнам в бушующем море. Грязь захлестнула одного из слуг и полностью окутала его.

Но прочие три существа исчезли, оставив дыры в земле. Джесри инстинктивно развернулась. Измазанные грязью, с искаженными лицами, двое накиннулись на девушку с ножами, занесенными на головах.

Волшебница обратилась к ветру. Тот взвыл и отбросил их назад. Это дало ей время произнести чары дремоты, каждый слог в которых был мягче предыдущего.

Маленькие серые человечки рухнули. Джесри убила одного, пробив его лоб концом посоха. Сабля лучника уже была покрыта кровью слуги, который, видимо, переместился в другое место. Он подбежал к волшебнице и перерезал горло остальным. Тела взорвались темной дымкой, и наемники отошли, чтобы не попасть в ее.

- Что ж, - сказал Гаэдинн, - это было относительно несложно.

- Будет труднее, как только их друзья найдут трупы и поймут, что мы по-прежнему на их территории. И охотимся на них, как они охотились на нас.

- О, я уверен, мы справимся.

Лучник подошел к телу шадар-кай и снял его колчан. Гаэдинн вытащил одну из множества черных стрел, прикинул длину и улыбнулся.

* * * * *

Цера сидела скрестив ноги на плоской части крыши храма. Высота приближала ее к солнцу.

Свет Амонатора на земле сиял так же ярко, так что ее подъем был всего лишь символичным жестом. Но любому послушнику было известно, что когда речь идет о медитации, символизм помогал практикующему правильно настроиться.

Жрица изучала золотистый свет, отражавшийся от крыши вокруг нее. Затем, когда она почувствовала себя сосредоточенной, то подняла глаза и устремила взгляд прямо на солнце. Ни один простой человек не смог бы сделать это, не испытав боли, и, если бы он все равно продолжил, то навсегда повредил бы глаза. Но жрицу яркий свет одновременно успокаивал и возвышал. Он позволял ей почувствовать величие ее божества.

Так продолжалось, пока визг не пронзил воздух, и большой черный силуэт с вытянутыми крыльями не закрыл ей вид на объект поклонения. Цера ощутила укол ужаса, но страх пропал, когда она узнала Джета.

- Повелительница солнца! – закричал грифон.

- Да? – ответила она. Хотя она знала, что зверь умеет говорить, было все равно удивительно слышать его.

- Встретимся в твоём саду! Сейчас же!

Цера хотела было спросить, зачем, но в тот момент Джет спустился ниже уровня крыши, и ей перехватило дыхание от вида алой фигуры, раскинувшейся на спине грифона.

Жрица спустилась по лестнице и помчалась по храму, не заботясь о своем титуле высшей жрицы. Когда девушка ворвалась в сад, Джет заговорил:

- Дрейк, или что-то похожее, серьезно ранил его! Думаю, он умирает!

Цера попыталась отбросить тревогу и спокойно все обдумать, как и полагается жрецу и целителю.

- Я прикажу моим людям перенести его в постель.

- Нет, - возразил Джет. – Этот город кишит теми, кто хочет избавиться от него Ты единственная, кому я доверяю. Открой дверь, и я внесу его.

Цера доверяла своим подчиненным, но об этом не стоило спорить, уж точно не когда Аот остро нуждался в помощи.

- Как скажешь.

Люди либо отступали, либо тарачились на огромное черное животное с алыми глазами, шедшее по храму за жрицей. Молитвы и литании прекратились.

Цера провела Джета в свою комнату к ее собственной кровати. Затем она проверила седло на наличие ремней, удерживавших Аота. Их не было. Либо он не боялся выпасть из седла, либо магия не давала ему вывалиться. Жрица взялась за наездника, чтобы переместить его на кровать. Он был тяжелым, особенно в своем доспехе, но у нее было достаточно практики в перекладывании пациентов.

- Бу! – прошептал Аот.

Цера отскочила назад.

- Такой ты себе целитель, - сказал он, ухмыляясь, и слез со спины Джета. – Ты даже не поняла, что кровь не моя?

Девушка перевела дыхание, и ее сердце перестало тяжело биться.

- Поняла бы, как только осмотрела.

- Хорошо. Если высокопоставленная жрица солнца храма не смогла определить это вблизи, то сомневаюсь, что кто-либо еще смог бы это сделать с большого расстояния.

- Что с тобой не так? Если это шутка...

Аот поднял руку.

- Не шутка. Ну, разве что часть с «бу», остальное – нет. Это я так пытаюсь ухватиться за шанс поймать наших скользких драконорожденных.

- Как?

- В Лутчеке, когда мы никак не могли поймать Зеленоруких, то устроили ловушку, чтобы выманить их. И вот мы снова ее устанавливаем, и на этот раз приманка – я. Мы пустим слух, что я был тяжело ранен по ту сторону границы. И что ты считаешь, что сможешь меня спасти, но даже несмотря на самые сильные твои молитвы я останусь беспомощным калекой еще на несколько дней. Это должно побудить драконорожденных придти за мной, пока я не могу сопротивляться.

Цера кивнула.

- Думаю, это может сработать.

- Рад, что ты так считаешь, потому что, как видишь, мне нужна твоя помощь, чтобы все это сработало. Во-первых, мы должны установить действительно заманчивую приманку. Один лишь раненный я – недостаточно идеальная возможность, пока Джет и группа наемников будут охранять меня. Нужна убедительная причина, по которой они не смогут быть рядом.

Жрица кивнула:

- Я разберусь с этим.

* * * * *

- Я хочу сражаться – сказал Медраш.

- Но? – улыбнулся Патрин.

- Но эта группа больше, чем та, что победила нас, - признание по-прежнему горчило у него во рту. – Они уже видели нас, точно так же, как мы видим их сейчас, так что мы не сможем застать их врасплох. Я думаю, что разумнее будет избегать их, если сможем.

Нала слегка качнулась и сказала:

- В наших венах течет кровь драконов. Мы можем убить этих гигантов так же, как и тех, что были до них.

- Согласен, - ответил Патрин. Он оглянулся на Медраша. – Но мы не станем думать о вас хуже, если останетесь в стороне и будете охранять телеги и лошадей.

- Мы станем думать о себе хуже, - сказал паладин. – Мы сказали, что останемся с Платиновой Когортой. Поэтому, если вы будете сражаться, то и мы тоже.

Патрин усмехнулся и схватил Медраша за плечо.

- Я знал, что могу рассчитывать на тебя. А как иначе, если твой бог и мой – верные друзья и оба правят в Целестии.

Предположение о том, что Торм добровольно связался с каким-то драконьим божеством, было воспринято Медрашем как богохульство, но он постарался изо всех сил скрыть свое отвращение.

- Я тоже с нетерпением жду, когда мы сразимся бок о бок с вами.

- Тогда давайте убьем несколько гигантов.

Когда воины выстроились в свободный боевой порядок, Баласар заговорил:

- Забавная вещь. Я бы не стал думать о себе хуже, если бы остался в стороне.

- И все же ты здесь, - ответил Медраш.

Патрин махнул мечом, и все двинулись вперед.

- Мы все здесь, - вмешался Кхорин с ургрошем в одной руке и арбалетом в другой. – Лично я здесь потому, что хочу увидеть, как этот отряд в тряпках сделает то, что не удалось нам.

- Будем надеяться, что дело не только в удаче, - сказал Баласар. – Или, если все же в удаче, то сегодня не тот день, когда она иссякнет.

Когда они достигли вершины возвышенности, то увидели, что гиганты их поджидали. Несколько пепельных шпилей возвышалось рядом с вражескими отрядами: три колоны были соединены горизонтальными ответвлениями, а две другие – вяло скользили. Медраш точно не знал, был ли у врагов шаман, способный толкать их, но предположил, что есть.

Драконорожденные бросились вперед. Кхорин на мгновение остановился, чтобы поднять свой арбалет. Прочие воины выпустили стрелы.

Медраш успел лишь заметить, как некоторые из них нашли свои цели. Затем один из гигантов – явно тот самый адепт, которого он пытался обнаружить – махнул длинной каменной палочкой вокруг своей головы и прорычал слово силы. Соединенные шпильки взорвались пеплом. Ветер взвыл и сдул куски породы в сторону приближавшихся драконорожденных.

Глаза Медраша начало жечь, и он закашлял. Земля содрогнулась под его ногами – несомненно, гиганты ринулись в атаку и, возможно, что оставшиеся пепельные шпильки скользили в сторону тимантерцев.

Паладин поднял свой меч над головой и произнес молитву. Слева от него, в клубящейся дымке, видимый только благодаря белому сиянию клинка Патрин сделал то же самое. Нала прочитала заклинание.

Ветер утих, а ослепляющая, удушающая пепельная завеса просто растворилась в воздухе. Кто-то отбил атаку шамана. Или, возможно, все трое справились с этим, объединив силы.

Но, к сожалению, пепельная буря продлилась достаточно долго, чтобы свести на нет их преимущество, представленное луками. Гиганты быстро приближались. Так же как и два пепельных шпильки, смыкающиеся с разных сторон.

- Мечи! – проревел Патрин. – В атаку!

Медраш видел, что это было правильным решением. Как только тимантерцы сойдутся в ближнем бою с врагом, шпильки больше не смогут им угрожать без того, чтобы врезаться и в гигантов.

Атакующие двинулись вперед. Огромное копье полетело в Медраша. Паладин упал на землю. Оружие пролетело у него над головой, и он вскочил на ноги.

Союзники паладина так же стремились вступить в ближний бой, как и он, а кратковременная заминка в его передвижении позволила большинству драконорожденных достигнуть гигантов раньше него. В результате у него был отличный вид на то, как они высвободили свое дыхание.

Затем Медраш едва не вздрогнул от удивления. Дыхание драконорожденных может быть грозным оружием, но, по его опыту, едва ли настолько разрушительным. Взрывы огня, мороза или что бы там ни было, откинули серых гигантов назад.

Около половины драконорожденных теснили своих противников и выдохнули вторую атаку. Это тоже было поразительно. Эта способность никогда не восстанавливалась так быстро. В этот момент Медраш почти поверил, что Платиновой Когорте удалось пробудить «внутреннего дракона».

Но лишь почти, поскольку признание такого родства было возмутительным. И в сочетании со всеми его предыдущими промахами и поражениями, эта иллюзия подпитывала его решимость показать каждому заблуждавшемуся последователю ложного учения, вроде Патрина, и насмешнику, вроде Баласара, на что способен слугитель истинного бога.

- Торм! – проревел паладин. – Торм!

Гигант, державший с каменный меч в среднем положении, мчался на него. Грани оружия сияли и излучали жар, словно кровать из раскаленных углей.

Пепельный гигант рубанул. Медраш принял удар щитом, и полетели искры. Это был тяжелый удар, но недостаточно, чтобы вывести его из равновесия.

Паладин двинулся вперед и порезал колено гиганта. Как только огромный варвар потерял равновесие, Медраш переместился к нему за спину и ударил по той же ноге еще раз. Гигант повалился, и драконорожденный вонзил свой меч в его бугристую спину.

Паладин заметил движение боковым зрением и повернулся к другому гиганту, мчавшемуся отомстить за своего товарища. Существо не успело приблизиться на расстояние удара, потому Медраш воспользовался этим моментом, чтобы прочитать молитву.

Его меч вспыхнул белым сиянием. Гигант вскрикнул и споткнулся, когда судорога скрутила его тело. Надеясь атаковать до того, как он восстановится, Медраш помчался вперед.

Гигант ткнул концом своей огромной дубины в лицо паладина. Медраш уклонился от атаки и ударил. Его меч обрушился на бок противника.

Этот удар сильно ранил его, насколько Медраш мог судить, но, похоже, противник пока не ощущал этого. Гигант извернулся, в процессе освобождая себя от меча, и с размаху опустил свою дубину на голову драконорожденного.

При других обстоятельствах паладин ушел бы из-под удара. Сейчас же инстинкты подсказали ему поднять щит и положиться на своего бога.

Вокруг щита в туманном свечении вспыхнула форма воздетой руки в металлической перчатке. Огромная дубина ударилась о сдвоенную защиту и разбилась на три части. Медраш едва ощутил толчок.

Призрачная перчатка растворилась, но ее сила – нет. Она обожгла руку Медраша, прошла по всему его телу, и он взревел от возбуждения. Паладин почувствовал себя сильным как грифон Братства и легким как воздух.

Драконорожденный подпрыгнул достаточно высоко, чтобы легко нанести удар по шее испуганного гиганта. Меч прошел сквозь серую плоть. Огромное существо рухнуло на спину, кровь хлынула из раны подобно гейзеру.

- Торм! – прокричал Медраш.

Он обернулся, ища нового противника, и заметил адепта. У того по-прежнему была палочка, но сейчас он держал кристалл яйцевидной формы в другой руке. В отличие от серого талисмана, который был у предыдущего шамана, этот был красным.

Паладин бросился к адепту. Но прежде, чем он смог сократить дистанцию, пепел собрался в кучу, а затем взорвался. Из парящей породы выскочило какое-то существо.

Оно было настолько массивным, что казалось, будто эта гигантская ящерица лежит на своих четырех мощных лапах. У нее была крапчатая грязно-красная чешуя, поросычьи глаза блестели белым, а затылок существа венчала пара рогов. Ряды клыков торчали из клювообразной челюсти, а где-то в глубине его пасти вспыхивал огонь. Тело ящера испускало жар словно печь.

Он сразу же нацелился на Медраша, то ли потому что адепт этого хотел, то ли он просто был ближайшим противником. Ящер широко открыл пасть и, издав громовой отрывистый рокот, изверг струю огня.

Паладин бросился на землю, и пламя прошло над ним. Красный ящер пошел в атаку, и драконорожденный откатился в сторону, чтобы не быть разорванным огненными челюстями или раздавленным.

Огненный ящер обернулся, пытаясь нагнать Медраша, и врезался в него, пока тот пытался подняться. Зверь был настолько массивным, что даже такой легкий контакт отправил драконорожденного в полет, выбивая из равновесия.

Тем временем огромная ящерица закончила разворот и снова направила свою морду на паладина. Существо еще раз изрыгнуло огонь, и шок прокатился по его телу. На мгновение он потерял способность видеть, двигаться и дышать.

- Торм, - прохрипел Медраш, и прохладный всплеск жизненной силы исцелил его. Это не избавило паладина от всех ожогов и волдырей и не сильно помогло с болью, но зато вывело его из состояния, которое мешало драконорожденному стать источником праведной ярости.

И, к счастью, молитва поставила его на ноги достаточно быстро, чтобы он смог уклониться, когда изрыгатель огня попытался схватить паладина своими клыками. Медраш метнулся в сторону, и клиновидные зубы ухватили лишь пустоту. Драконорожденный нанес удар. Его клинок разрезал чешуйчатую кожу и наткнулся на кость. Ящер продолжал нападать.

Снова и снова. По ходу битвы паладин неоднократно направлял силу Торма, используя ее, чтобы усилить свою собственную, и сокрушал тварь атаками, наносящими урон как плоти, так и духу, до тех пор, пока не смог больше вызывать к божеству. Тем не менее, существо не останавливалось. Вскоре сердце стало

колотиться, дыхание застревало в горле, а его собственная сила увядала, как только что это сделали его мистические таланты.

Затем Баласар и Кхорин бросились на существо сбоку. Драконорожденный изрыгнул мороз на ящера. Дворф рубанул его ургрошем. Существо развернулось к новым атакующим, впервые за все время позабыв о паладине. Медраш хотел отступить и перевести дыхание. Но вместо этого прорычал имя Торма и поднял свой меч.

- Хочешь, чтобы мы... не мешались? – пропыхтел Баласар. – Ты, вроде... отлично справлялся с гигантами... в одиночку!

- Можешь... отхватить себе кусочек этой твари, - ответил Медраш.

- Очень... щедро.

Пока они втроем продолжали сражаться, кружа в попытке избежать челюстей ящера, паладин мельком взглянул, как проходит битва у остальных. Гиганты и драконорожденные резали, рубили и кололи друг друга. Кучи и ямы пепла вздымались, когда адепт пытался призвать еще подкрепления. Но в поле зрения больше не появилось ни одно существо, вероятно потому, что Нала продолжала напевать заклинания, рисуя посохом из теневого дерева змееобразные кривые в воздухе. Патрин стоял в защитной позиции перед ней, готовый проткнуть мечом любого, кто будет угрожать волшебнице. Свет пробивался сквозь красную кровь на лезвии как солнечные лучи сквозь витражные окна.

Очевидно, чары Налы держали силу шамана в узде. Полезно, но Медраш не мог избавиться от мысли, что лучше бы она сделала это немного раньше. Ведь даже сражаясь с тремя воинами, огнедышащий ящер по-прежнему не сдавался.

Внезапно он изогнулся дугой, изрыгая огонь в движении. Струя окатила всех троих, но Баласару досталось больше остальных, он зашатался и упал. Ящер бросился на него. Медраш и Кхорин метнулись наперехват зверю и, яростно атакуя, сдержали его.

Быстро оглянувшись, Медраш увидел кашляющего и едва двигающегося Баласара. Тот пытался подняться, но у него не получалось.

- Нужно с этим заканчивать, - прорычал Кхорин, сдерживая боль от ожогов. – Можешь ненадолго отвлечь его на себя?

- Да, - Медраш бросился на ящера.

Паладин бил и уклонялся, избегая щелкающей огненной пасти всего на несколько дюймов, не позволяя себе отступить больше чем на шаг-два, чтобы не открыть Баласара. Затем внезапно Кхорин оказался на спине зверя. Медраш понял, что дворф, видимо, взбежал по хвосту существа.

Пока наемник еще бежал, пытаясь избегать шипов на спине огнедышащего ящера, зверь бросился на Медраша. Кхорин пошатнулся и почти потерял равновесие, но затем как-то выровнялся. Дворф вскарабкался выше, схватился за один из рогов существа и использовал его, чтобы удержаться на месте, пока колол и царапал глаза ящера острым обратным концом рукояти своего ургроша.

На мгновение казалось, ящер его не замечает. Затем наконечник прошелся по одному из его глаз, и, взревев, зверь изверг пламя прямо на Медраша, скорее всего, даже не намереваясь это сделать. Паладин принял струю своим щитом.

Огнедышащий ящер замотал головой из стороны в сторону, пытаясь стряхнуть Кхорина. Большинство драконорожденных уже ослабили бы хватку и отправились в полет, либо оторвали бы себе руки. Но дворф, хотя и бился из стороны в сторону, держался достаточно уверенно, чтобы продолжить охоту за глазом.

Как бы зверь ни дергался, ему не удалось стряхнуть наемника. В то время пока Кхорин отвлекал ящера, Медраш бросился вперед и вогнал свой меч глубоко в выемку, где шея существа соединялась с телом.

Красный ящер замер, а затем содрогнулся. Опрокидываясь с сонной медлительностью, он завалился на бок. Кхорин прыгнул и со звоном кольчуги приземлился.

- Помоги Баласару, - выдохнул дворф. – Я прикрою.

Медраш опустил на колени рядом со своим братом по клану.

«Прошу, Торм, - подумал паладин, - дай мне еще немного своей милости».

Он положил свою ладонь на плечо Баласара и затем ощутил поток силы в точке соприкосновения. Новые чешуйки покрыли свежие, сочащиеся ожоги.

- Так-то лучше, - услышался голос Кхорина из-за спины Медраша. Если он мог стоять там и говорить, значит, огнедышащий ящер и правда умер, и никакая другая угроза к ним не приближалась.

Баласар ухмыльнулся наемнику.

- Отличный трюк, - прохрипел он. – Где ты научился так держать равновесие? Раньше был канатоходцем на карнавалах?

- Я – дворф, - ответил Кхорин. – У нас низкий центр тяжести.

* * * * *

Даже при угрозе нашествия Хасос не мог полностью пренебречь рутинными делами баронства. Был торговый день, а это значило, что ему придется судить со своего помоста на площади Доносов.

Помост не был постоянным: утром рабочие его собирали, а вечером снова разбирали, и в последние годы он начал скрипеть и дрожать в неподходящие моменты.

Хасос пытался перестать задаваться вопросом, когда тот сломается и сломается ли вообще, и сколько синяков будет сопровождать его пострадавшее достоинство. Он пытался сосредоточиться на двух спорящих крестьянах, которые ругались из-за того, где начиналась ферма одного и заканчивалась другого.

Барону пришлось приложить усилие, ведь он презирал споры за территорию. В разгар Магической Чумы и изменений, которые она принесла, его прадед приказал размежевать владения. Это должно было разрешать все возможные конфликты еще до их начала. Однако каким-то образом говорливые и жадные по-прежнему находили аргументы, чтобы поставить под вопрос размещение разметочных столбов, изгородей и заборов.

- Камни всегда отмечали линию, - говорил фермер, нервно теребя мягкую, широкополую шляпу в руках.

- Ты выкопал их и передвинул! – возразил жалобщик, старик, который, казалось, нацепил на себя каждую религиозную безделушку, до которой смог добраться, то ли

чтобы убедить богов встать на его сторону, то ли чтобы убедить Хасоса, что он честный и набожный. – Думаешь, люди не видят свежевскопанную землю?

- А есть кто-то еще, кто видел ее? – спросил Хасос. Или ему придется отправить кого-то посмотреть?

Набожный фермер заколебался.

- Ну... не то чтобы. У жены мозоли на ногах. Она не может...

Хасос заметил движение и блеск ярко-желтой одежды в конце толпы ожидающих истцов и зрителей. Барон поднял руку, призывая к тишине жалобщика, и вытянул шею, чтобы лучше видеть происходящее. В сопровождении двух своих подчиненных Цера подошла к его помосту.

Его чувства к жрице были сложными. Они были любовниками на протяжении сезона, и она достаточно нравилась ему, чтобы начать задумываться, может ли жрица ее ранга быть подходящей женой барону. И затем она сказала ему, что ей кажется, что их отношения исчерпали себя.

Вероятно, это уберегло барона от глупого решения, но это все равно терзало его и продолжало терзать даже три года спустя. И стало еще хуже, когда он узнал, что Цера находится в компании другого мужчины, более того – она связалась с этим мерзавцем, бездушным магом, пришедшим в Сулабакс, чтобы подрывать его авторитет.

Тем не менее, часть его всегда жаждала ее компании, даже когда он ревновал и злился сильнее всего – даже когда ожидал, что от этого будет только хуже. Да и чего бы она ни хотела, это было куда интереснее, чем эти мелочные бумажные разборательства.

Хасос поднялся и отвесил ей поклон, соответствующий их положению.

- Повелительница солнца. Какой неожиданный сюрприз.

- Милорд, - Цера немного запыхалась, а ее золотистые одежды весели слегка криво. – Я понимаю, что остальные ждут своей очереди, и я приношу извинения, что вклинилась перед ними. Но его долг перед Амонатором требует немедленных действий!

- Что вы имеете в виду? – спросил Хасос.

- Вы ведь знаете, что капитан Фезим тяжело ранен.

- Конечно. Это досадно. Хотя я предупреждал его, что набеги на Трескель крайне безрассудны.

- Полагаю, вы также знаете, что я лично занимаюсь им в храме.

«Может, сразу ударишь меня промеж ног, почему нет?» - подумал Хасос. - Да, я слышал.

- Что ж, я не против этого. Поскольку Герой Войны лично отправила наемников к нам, будет правильным, если старший священник или жрица возьмут на себя такую ответственность. Но молитвы и ритуалы Хранителя не должны прерываться!

Девушка казалась такой взбешенной, что Хасос засомневался, не ошибся ли он насчет ее заинтересованности тэйцем. Или, может, их отношения тоже изжили себя. Неудивительно, если так. Весь в татуировках и со светящимися глазами - он явно ненормальный.

- Вообще-то, - начал барон, - насколько мне известно, это Никос Кориниан отправил наемников. Но я понимаю. Ну, отчасти. Как присутствие одного раненого влияет на дела храма?

- Если бы дело было только в капитане Фезиме, - ответила Цера, - то никак. Но его солдаты настаивают на том, чтобы стоять на страже над ним, а они – кучка нечистых на руку богохульных разбойников. Хуже того, там еще и его грифон! Огромное, черное, поедающее людей животное бродит среди алтарей! Люди боятся приходить молиться! Мои жрецы не могут выполнять свои священные обязанности!

Какое-то мгновение Хасос наслаждался ее тяжелым положением и подумал, что если он откажет ей в помощи, то это будет как раз тем, что она заслужила. Но, какими бы ни были его личные чувства, общественный порядок был его обязанностью. И хотя он и понимал, что это, скорее всего, глупо, но барон не мог перестать думать, не тот ли это шанс, который поможет вернуть ее расположение.

- Полагаю, вы хотите, чтобы я прогнал разбойников, - констатировал Хасос.

- Если можете, - ответила Цера.

- Конечно, могу. Пока маг был здоров, мы с ним управляли вместе. Но теперь, когда он недееспособен, каждый солдат в Сулабаксе, неважно, верный чессентец или наемник, отвечают предо мной.

Как же сладко ему было, когда эти слова слетели с его уст!

Так сладко, что он даже оставил своих скромных просителей ждать, пока не поможет Цере прогнать грубых чужаков и черного грифона, который и правда был огромной, чудовищной тварью, прочь из ее владений. Девушка отблагодарила его объятьями и легким поцелуем, когда они закончили.

* * * * *

Ожоги Баласара болели, но уже не так сильно после того, как Медраш исцелил его. Он посмотрел на своего брата по клану и Кхорина. Оба были покрыты волдырями, а черная борода дворфа опалилась и дымила. Их грудные клетки вздымались, когда наполнялись воздухом.

- Помогите мне встать, - сказал Баласар.

Кхорин протянул руку.

- Уверен, что готов?

Драконорожденный ухватился за руку дворфа и поднялся. Он чувствовал себя немного неустойчиво, но ничего такого, с чем бы он не справился.

- Этот клочок земли любого сделает готовым. Жесткий и пахнет гнилыми яйцами.

- Баласар не из тех, кто будет стоять в стороне, когда исход битвы еще не решен, - сказал Медраш. И это было правдой, но вслух звучало по-идиотски.

- Это делает Даардендриен честь, - ответил Кхорин. – Но я в этом сомневаюсь. В исходе битвы, я имею в виду.

Баласар оглянулся и решил, что дворф прав. Большинство гигантов уже были убиты, а Платиновая Кагорта уверенно теснила остальных. Действительно казалось, что ему и его товарищам ничего особо не оставалось делать.

Лицо Медраша оставалось непроницаемым, но Баласару казалось, что он знает, что скрывает его брат. Паладин определенно был рад, что драконорожденные побеждали, и если бы он обладал здравым смыслом, то понимал бы, что проявил себя достойным своих постулатов. Тем не менее, в каком-то смысле он сбился с толку и даже расстроился, что их новые союзники показали себя куда лучше, чем боевой отряд Даардендриен.

- Смотрите, - Кхорин указал своим ургрошем.

Нала и пепельный гигант-адепт теперь стояли на расстоянии броска камня друг от друга, пристально глядя друг на друга. От их палочек струился свет, пока они махали ими как мечники, рубя и парируя. Пространство между ними кипело и сияло от сил, сражавшихся там.

Тем временем Патрин бился, не подпуская воина-гиганта к волшебнице. Огромная дубина снова и снова ударялась о его щит.

Баласар решил, что у врага Патрина была отличная идея: убить вражеского мага, пока тот перебрасывается магией с его соплеменником. Драконорожденный побежал к адепту, а Медраш и Кхорин последовали за ним.

Они были всего на полпути к своей цели, когда Нала прокричала голосом, подобным грому, и радуги завертелись вокруг ее тела. Шаман застыл на месте, его тело словно обесцветилось, окрасившись в другой оттенок серого. Затем его вытянутые руки рухнули под собственным весом, потому что Нала обратила его в статую из затвердевшего пепла, наподобие тех самых шпилей. Красное кристально яйцо упало на землю.

Спустя мгновение Патрин проревел:

- Багамут!

Его меч ударил по горизонтали, распоров живот противника. Внутренности выпали наружу, а гигант выронил свое оружие и схватился за рану, чтобы удержать их. Пока он трудился над этим, Патрин вогнал свой меч ему под ребра, прямо в сердце.

Кхорин оказался прав. Им и правда больше ничего не оставалось. Баласар испытал странную смесь чувств: разочарования и облегчения.

Как только воин-гигант рухнул, Нала побежала к постепенно разрушающимся останкам адепта. Патрин последовал за ней, но слегка отставал.

Она нагнулась и выпрямилась уже с алым яйцом в руках. Волшебница уставилась в полупрозрачные пучины, когда Патрин прокричал:

- Стой!

Но Нала не отвела взгляд. Талисман неожиданно вспыхнул разноцветным светом, достаточно ярким, чтобы заставить Баласара сощуриться и отвести глаза. Когда сияние исчезло, яйца уже не было.

- Проклятье! – воскликнул Патрин. Баласар понял, что впервые слышит раздосадованный тон союзника. До тех пор он демонстрировал то же раздражающее спокойствие, в каком обычно пребывал Медраш. – Я же говорил тебе, что если мы заполучим одно из них неповрежденным, то волшебники покорителя могли бы изучить его, а возможно и научиться чему-то полезному.

- А я говорила тебе, - ответила Нала, - эти камни – зло.

Слова волшебницы по-прежнему звучали спокойно. Баласару даже показалось, что он услышал в ее тоне насмешливые нотки:

- Багамут хочет, чтобы они были уничтожены.

- Я – его поборник, и я этого не чувствую.

- Я тоже его поборник, своего рода, и он о многом со мной говорит, - волшебница посмотрела в глаза Патрина. – Надеюсь, ты не станешь сейчас во мне сомневаться. Только не тогда, когда мы так далеко зашли.

Патрин вздохнул, его взгляд смягчился, а подозрения Баласара, что эти двое были не только фанатиками, но и любовниками, лишь укрепились.

- Конечно, я доверяю тебе.

- Тогда давай поговорим о другом. Если ты можешь использовать еще силы, то раненым пригодилось бы твое исцеляющее касание. И нам нужно снова организовать всех.

- Хорошо, - драконорожденный повернулся к Баласару, Медрашу и Кхорину. – Не поможете?

- Не знаю, смогу ли еще накладывать чары, - сказал Медраш. – Вряд ли в ближайшее время. Но я могу наложить повязку.

- Это уже что-то, - командующий отвел их к двум драконорожденным: один лежал на спине, а второй зажимал рану на его груди.

Когда они оставили Налу в нескольких шагах позади, дворф пробормотал:

- Справедливости ради, я согласен с вами. Мы должны были оставить тот талисман, чтобы изучить его.

Патрин покачал головой.

- Нет. Нет. Нала мудра. Вы же видите, на что мы способны с ее силой, поддерживающей наши мечи и луки, - он посмотрел на раненого солдата. – С этим я разберусь. А вы помогите кому-нибудь еще.

Медраш повел остальных вперед, к другому пострадавшему культисту. Тем временем остальные драконорожденные опустились на колени.

Само по себе это не было странно. Битва была утомительной. Солдаты часто падали там, где стояли, когда сражение заканчивалось.

Но члены Платиновой Когорты при этом стали покачиваться из стороны в сторону. Это было то же движение, которое постоянно наблюдалось у Налы, только более выраженное.

- Вы это видите? – спросил Баласар.

- Да, - ответил Медраш, - а еще я вижу кое-что поважнее.

Видимо, паладин понял, насколько тяжело был ранен его пациент, и перешел на бег, оставив товарищей позади.

- Справедливо, - заметил Баласар, - но я бы хотел взглянуть поближе.

Он подошел к ближайшему качающемуся фанатику, к драконорожденной с красной чешуей и серебряными соколами клана Клестинстиаллор на правом ухе и правой ладони. Кхорин тоже подошел.

Неожиданно представительница клана Клестинстиаллор повернулась и подбежала к ближайшему гигантскому трупу. Ее покачивания становились все более ярко выраженными, и она принялась царапать серую покрытую пеплом плоть неприятеля, попеременно то левой, то правой руками.

Баласар и Кхорин запнулись от удивления и отвращения.

Фанатичка вырвала горсть плоти, а затем взглянула на нее будто зачарованная. Драконорожденная открыла свой рот.

Баласар бросился вперед, схватил ее за плечо и встряхнул:

- Нет!

Фанатичка постаралась вырваться из его хватки и одновременно поднести к своему лицу свежую плоть. Но затем Кхорин тоже схватил ее запястье одной рукой и вырвал большую часть мяса другой.

Затем женский голос пробормотал ряд слов, каждый из которых был мягче предыдущего. На мгновение веки Баласара сомкнулись. Представительница клана Клестинстиаллор обмякла в его руках и захрапела.

- Спасибо, - сказала Нала, подходя ближе. Ее рука оставила после себя разводы силы, когда она опустила ее на себе бок. – Мы бы не хотели, чтобы она сделала что-то, за что ей потом будет стыдно.

Баласар уложил спящую фанатичку на землю.

- Что с ней? Что со всеми? – он повел рукой, показывая на прочих покачивающихся воинов. Некоторые из них тоже начали терзать тела гигантов, хотя было не похоже, что они собираются их есть.

- Ничего, - ответила Нала. – Просто... ну, вы ведь видели, насколько мощным было их дыхание, и как яростно они сражались.

- Да.

- Это потому что Платиновый Дракон усилил их так же, как Торм усиливает Медраша. А для простых солдат не всегда просто проводить сквозь себя мощь бога. Впоследствии они иногда испытывают короткие периоды... измененного сознания.

- Я понимаю, зачем вы собираете уши. Но это низко – осквернять тело врага, пусть даже и пепельного гиганта, в каком-то припадке. И изнемогать от желания съесть его!

- Уверяю вас, - сказала Нала, - желание есть – нетипично, и мы останавливаем тех немногих, кто испытывает его. Но даже если бы мы не останавливали, нельзя судить их за то, что они делают, будучи под контролем божественной магии. Нельзя судить богов.

Баласар улыбнулся.

- При всем уважении, волшебница, даже особый бог Медраша ничего не значит для меня, и я не считаю, что не могу судить кого-то.

- Пока что, - ответила Нала. – Пока что.

ГЛАВА 10

12-ое число месяца Миртул, год Извечного (1478 ЛД)

Гаэдинн выпрямился и выпустил две стрелы. Джесри посмотрела в направлении, куда они полетели, и запоздало заметила черные силуэты двух часовых, каждый из которых рухнул с древком в груди.

Наемники подождали, пока не стало ясно, что больше никто не заметил падение шадар-кай. Затем они прокрались вперед, пока перед ними не открылся вид на склон, где Чазар лежал прикованным к земле.

- Ты готова? – прошептал Гаэдинн.

- Конечно, - огрызнулась она.

На самом деле, Джесри не была уверена. С тех пор, как они попали в Царство Теней, волшебница постепенно убедилась, что даже у стихий здесь грязная, чужая структура. В ее собственном мире стихии с готовностью выполняли ее волю. В Царстве Теней же они упрямись и искали способ обратить магию против нее.

Это не имело значения до тех пор, пока она пользовалась обычными заклинаниями. Но может стать важным, если решит использовать свою силу на полную.

По сути это была проблема настройки, и Джесри провела большую часть дня медитируя, стремясь к лучшей притирке между ее сознанием и теневым миром, в котором она ныне находилась. Настройка помогла, но единственный способ выяснить, насколько – использовать действительно мощное заклинание и посмотреть, что случится.

Но сначала она должна была наложить два заклинания попроще.

- Вытяни руку, - сказала она.

Гаэдинн протянул руку. Джесри опустила кончик пальца на его ладонь и нарисовала на ней руну. Какую-то секунду она горела желтым, и псевдо-разум внутри ее посоха испытал приступ наслаждения.

- Щекотно, - сказал лучник.

- Заткнись. Приготовься.

Волшебница обратилась к огню, скрытому в воздухе, запертому в ее посохе и во всем, что могло гореть. Он окутал ее теплом и вьющимся желтым светом. По всему склону шадар-кай и их чахлые прислужники резко обернулись к светящейся фигуре, неожиданно вспыхнувшей в темноте.

Гаэдинн застрелил трех ближайших, уложив их до того, как у них появился шанс оправиться от удивления. Это давало Джесри время, чтобы наложить первое серьезное заклинание без помех.

К счастью, у нее была возможность заранее частично произнести это заклинание. Если волшебница постарается, то может ощутить силы, которые она пробудила и выровняла, наподобие мельницы, которая только и ждет финального рывка, чтобы запустить водяное колесо и жернова. Девушка произнесла слова силы.

Как она и боялась, в самый опасный момент, земля попыталась отвергнуть ее. Злость и неповиновение стихии отозвались болью в ногах и лодыжках волшебницы.

Но Джесри теперь знала, как разговаривать с ней. Волшебница пообещала удовлетворить ее любовь к боли и разрушениям, гноящимися повсюду в Царстве Теней.

Это не заставило землю и камень презирать ее меньше. Тем не менее, этого оказалось достаточно, чтобы убедить их, что девушка может помочь им накинуться на других мягких, суетливых клещей, которых они ненавидели так же сильно. Такое положение вещей соблазнило стихии использовать волшебницу, пока она будет использовать их.

Джесри несколько раз ударила концом своего посоха о землю. Зыбкие кольца расходились во все стороны от точки удара подобно ряби на поверхности пруда.

Девушка продолжала стучать, и рябь поднялась выше и стала расходиться дальше. Волшебница чувствовала смещение грунта, но без проблем удерживала равновесие. Чувство постоянной ноющей боли в ее ногах сменилось ощущением чистой связи, как если бы она пустила корни глубоко, будто горы. Гаэдинн, однако, пошатнулся, стараясь удержаться на ногах, но затем все равно упал. Но он был такой не один. Ни один шадар-кай тоже не смог устоять. Те, кто пытался выбраться из нор, были вынуждены ползти.

Плененный дракон устался на Джесри, но она понятия не имела, о чем тот думает. Да и не это было важно в данный момент. Ей нужно было оставаться сосредоточенной на том, чтоб продолжать стучать по земле сильнее, сильнее и сильнее.

Растрескавшись и сломавшись, деревья повалились на своих соседей. Секции холма и тонкие складки, соединявшие их, обвалились. Земля заливалась грохочущим смехом, давя шадар-кай, захваченных в тоннелях ее убийственной хваткой.

Джесри поняла, что пора остановиться, но ей потребовалось еще три удара посоха, чтобы это удалось. Воля волшебницы была связана с волей земли, и та в своем безумии хотела продолжать содрогаться, пока все не рухнет, сломается или будет похоронено – даже включая ее саму.

Гаэдинн вскочил на ноги:

- Бежим дальше!

Он был прав. Именно это им и нужно было сделать, и не важно, насколько уставшей девушка себя чувствовала. Они развернулись и побежали в лес.

Там Джесри приказала показаться своему пылающему плащу. Гаэдинн махнул рукой там, где волшебница нарисовала руну. Язык пламени соскочил с его кожи и превратился в высокую стройную фигуру с женскими чертами. С расстояния элементаль могла походить на обычную смертную девушку, окутанную огнем.

Лучник метнулся вперед. Живое пламя помчалось за ним.

Джесри шагнула за дуб и прошептала чары тишины и сокрытия. Невидимость была по большей части магией разума, но девушка и близко не была в ней так хороша, как в стихийной. Но поскольку она дала противникам отличную яркую приманку, возможно, они даже не удосужатся смотреть в другом направлении.

Гаэдинн и дух огня теперь двигались в полнейшей тишине, и спустя несколько ударов сердца первый шадар-кай начал догонять их. Если бы преследователи были

людьми, то некоторые из темных фигур могли бы остаться, чтобы откопать выживших или просто поддаться горю по предположительно мертвым товарищам. Но Джесри и Газдинн уже усвоили, что злоба и жажда крови были движущими силами шадар-кай даже если их не провоцировать, а они сделали все, чтобы разозлить их. Наемники надеялись, что их последнее действие заставит каждого из них броситься в погоню. И оставить Чазара без присмотра.

Похоже, получилось. Десятки серокожих гуманоидов в черном и прочих существ пронесли мимо укрытия волшебницы.

Но она не могла быть уверена наверняка, что уловка сработала, пока не вернется на склон холма и не увидит, что там ее ждет. Девушка пропустила последнюю группу темных маленьких прислужников, сделала вдох, сменила хват на посохе и направилась в направлении холма.

* * * * *

Аот сидел в шкафу среди одежды Церы. Наемник выглянул в скважину, которая ему уже наскучила и заставляла чувствовать себя любовником из пошлого рассказа, который прячется от ревнивого мужа или недоверчивого отца.

Он старался отнестись с юмором к этой ситуации, но ощущал слишком большое нетерпение, чтобы по-настоящему веселиться.

«Давай же, - подумал он, - чего ты ждешь?»

Аоту нетерпелось, потому что он решил, что, произойдет что-либо или нет, он не может продолжать играть в прятки дольше этой ночи. Идея казалась довольно умной, когда только пришла в голову, но сейчас он понял, что не может позволить бездействующему Хасосу единолично руководить защитой баронства слишком долго, как и не может оставить Братство без единого старшего офицера во главе. Сколько угодно его людей могут решить, что их обязательства перед этим неудачливым отрядом умерли вместе с их лидером, и пора искать счастья в другом месте.

Он мысленно обратился к Джету, который скрывался на остроконечной крыше здания, стоявшего рядом с храмом. Наемник тут же ощутил, что грифон не заметил ничего подозрительного.

Аот нахмурился от разочарования. Но в этот момент дверь распахнулась и фигура в робе с капюшоном проскользнула в спальню Церы. Наемник не удивился, что убийца был один. Одного должно быть достаточно, чтобы убить немого, да и одному убийце будет проще проникнуть в комнату, чем большой группе, даже с помощью невидимости.

Драконорожденный с черными чешуйками осторожно огляделся. Затем он направился к кровати и откинул одеяла, раскрыв неподвижное тело под ними. Аот затаил дыхание. В этот момент весь план мог легко провалиться.

Мертвый наемник погиб при захвате того же форта, где Аот получил свои ужасные раны. Он был невысоким и крепко сложенным, с выбритой головой и татуировками, которые нанес себе, чтобы максимально походить на своего капитана.

Цера использовала косметику и магические уловки, чтобы скрыть присутствие смерти. К счастью Аота, в маленьком Сулабаксе не было храмов Келемвору, и в отсутствие проводников судьбы прочим жрецам пришлось научиться готовить усопших к похоронам.

Тем не менее, несмотря на все усилия заговорщиков, было вполне возможно, что драконорожденный поймет, что перед ним лежит не Аот. Или что это труп, и тут какая-то ловушка.

Но он не понял. Как только драконорожденный раскутал мертвеца до пояса, он выхватил короткий кинжал, вогнал его в сердце жертвы, затем развернулся и направился к двери. Убийца стремился закончить свою миссию и убраться подальше прежде, чем кто-то обнаружит его работу.

«Слишком поздно, - подумал Аот. – Попался, сукин ты сын».

Наемник дал убийце время выйти из храма. Затем он пробежал по зданию, пугая одетых в желтое жрецов, пораженных тем, что они увидели его на ногах и во всеоружии. Аот вылетел в сад Церы. Почувствовав через мысленную связь, что наемник в нем нуждается, Джет приземлился перед ним.

Аот уселся в седло.

- Драконорожденный же не заметил тебя, правда?

- Не должен был, - ответил фамильяр, - но не могу сказать точно, я его еще не видел.

- Вперед, - сказал Аот. – Держись повыше и не издавай ни звука.

- Я знаю, как охотиться, - хмыкнул Джет. Грифон подался вперед, взмахнул крыльями и поднял наемника в воздух.

Как только они оказались достаточно высоко над крышами, Джет начал поиск, паря по спирали. Сначала Аот не мог заметить ни единого признака их добычи и начал бояться, что драконорожденному как-то удалось скрыться. Затем он заметил фигуру в плаще, спешащую по узкому кривому переулку.

«Нашел, - сказал Джет, обращаясь телепатически. Когда поцелованные огнем глаза его хозяина заметили убийцу; грифон тоже увидел цель. – Интересно, куда он нас приведет».

* * * * *

Гаэдинн считал себя профессионалом по части уклонения от преследования. Обычно его целью было оставлять врага позади как можно быстрее. Сейчас задача была сложнее, ведь ему было нужно держаться слегка впереди врага, чтобы тот не бросил погоню и не вернулся назад к своему плененному дракону. Сложнее еще и потому, что он бежал рядом с живым маяком, привлекающим его неприятелей.

К счастью, не было необходимости держать элементаль рядом постоянно. Он мог заставить ее исчезнуть, когда его противники подберутся на такое расстояние, на котором находились сейчас. Лучник протянул руку.

Черты огненного духа были расплывчатыми и непостоянными, но ему показалось, что он увидел ее надутые губы. Затем она истончилась до длинной пряди огня, которая прыгнула в его ладонь и исчезла. Прикосновение какое-то время жгло – возможно, еще одно доказательство того, что она не хотела уходить.

Лучник проскользнул между двумя кустами, сменив направление под прямым углом. Он взобрался на крутой склон и огляделся.

Темные фигуры столпились недалеко от того места, где он начал свой подъем. Как и ранее, он не мог расслышать голоса шадар-кай, но подозревал, что они пытались разобраться, в какую сторону он направился. Внезапное исчезновение элементаров сбило их с толку.

«Что ж, - подумал Гаэдинн, - возможно, я смогу помочь им в этом».

Лучник натянул тетиву до уха и пустил стрелу в полет. Один из шадар-кай пошатнулся и упал.

Даже не остановившись, чтобы проверить его, остальные стали подниматься по склону. Гаэдинн повернулся и метнулся в заросли кривых шероховатых дубов.

Что-то зашептало из-за одного из деревьев. Тонкая, темная рука манила его. Эта картина наполнила его такой сильной тоской, что когда он все-таки шагнул, то почувствовал, будто высвобождается от застрявшего рыболовного крючка. Его мнимая соблазнительница хихикнула у него за спиной.

Гаэдинн не думал, что призрак был союзником шадар-кай. Он был просто одной из многих маленьких опасностей, наполнявших Царство Тьмы. На мгновение, всматриваясь в окружение, лучник задумался, не оставил ли он погоню слишком далеко. Затем пара серо-черных фигур вышла из мрака.

Голые, бесполое и безволосые, практически одинаковые, на первый взгляд они казались не столько существами из плоти и крови, сколько живыми скульптурами – причем незаконченными. Их глазницы были пусты, и вертикальная канавка шла вместо носа и рта. В остальном их головы были безликими шарами.

Гаэдинн видел подобных существ в компании шадар-кай. Но он понятия не имел, чем именно они были или как они сражаются, и он надеялся избежать столкновения. Наемник выхватил стрелу и пустил ее в грудь ближайшего существа.

Темное создание рассыпалось в ничто. Возможно, такова была его природа – рассыпаться, когда умирает – или, возможно, черные стрелы были зачарованы, что сделало их особенно смертоносными для этих созданий. Приятно удивленный, что убийство оказалось таким легким, Гаэдинн повернулся к оставшемуся противнику.

Тот исчез. И когда он внезапно материализовался, то оказался прямо перед лучником. Его пустые глазницы уставились в глаза наемника.

Боль пронзила череп Гадинна. Его внутренности скрутило. Ноги подкосились, и он рухнул на колени. Безликое существо схватило лук, выдернуло его из руки и отбросило в сторону.

Гаэдинну было тяжело думать с пульсирующей от боли головой, но он понял, что именно взгляд противника причинял ему боль. Лучник попытался отвести взгляд. Создание поймало его подбородок холодными кожистыми пальцами и удержало голову на месте. Наемник изо всех сил пытался схватить противника за запястье и вырваться, но смог лишь обхватить и немощно ощупать.

Лучник вытянул руку, и огненный дух выпрыгнул в бытие. Темное существо автоматически повернуло голову, чтобы понять, что перед ним возникло.

Гаэдинну по-прежнему было плохо, и слабость его не покинула, но все же ему стало легче. Он выхватил стрелу из колчана и вогнал ее в живот противника как кинжал.

Существо не упало и не рассыпалось, но хватка вокруг подбородка Гаэдинна ослабла. Наемник отмахнулся от его руки и вскочил на ноги. Его шатало, но он смог удержать равновесие.

Голова темного существа снова повернулась в его сторону. Стараясь не смотреть ему в глаза, лучник вытянул очередную стрелу и воткнул, целясь в точку, где у людей находится сердце.

Сделанный из вещества, напоминавшего отполированный обсидиан, черный наконечник вонзился в грудь врага. Существо подалось назад, но у Гаэдинна было подозрение, что оно еще не собиралось упасть. Наемник выхватил свою саблю и три раза ударил. Это уже заставило его рухнуть и начать растворяться.

У него было лишь мгновение на ухмылку. Холодная рука схватила его за запястье руки, в которой было оружие, и вывернула его.

По стреле, все еще торчащей из груди, Гаэдинн понял, что это первое безликое существо, которое все-таки не рассыпалось. Несмотря на то, что лоскуты его тела растворились от передней части до спины, было не ясно, как оставшиеся части продолжали держаться в правильном положении, когда между ними не было ничего, кроме пустоты. Безглазый взгляд встретился с его собственным, и, пораженный, Гаэдинн начал сопротивляться слишком поздно.

Лучник почувствовал, как чужая воля охватывает его. Он собирался посмотреть, и огненный дух, теперь просто стоявший в паре шагов, не смог бы спасти его во второй раз.

Гаэдинн переместил саблю в другую руку и полоснул голову существа. В то же мгновение сила создания вспыхнула в его глазах, и мир наполнился агонией.

Когда боль ослабла, наемник лежал лицом к земле. Он огляделся. Безликого существа снова не было видно.

«На этот раз наверняка», - понадеялся он.

Неожиданно тошноту, от которой страдал наемник, стало невозможно сдерживать, и его вырвало. Это оставило неприятный вкус и жжение во рту и носу, но после ему стало лучше.

Но недостаточно хорошо. Гаэдинн предположил, что понадобится какое-то время, чтобы его тело полностью освободилось от ядовитого влияния безликих существ.

К сожалению, ждать он не мог. Здоров он или нет, нужно двигаться, или его нагонят другие преследователи. Наемник вложил саблю в ножны, поднял лук и побежал вперед. Живое пламя шло в ногу рядом с ним.

* * * * *

Хотя было трудно сказать наверняка с такой высоты, но Аоту и Джету казалось, что они смотрят на жилой дом. Убийца проскользнул через самую восточную из дверей.

Наемник решил спуститься. Чувствуя его намерения, грифон сложил крылья, спикировал и мягко приземлился на пустую темную улицу, достаточно далеко от здания, чтобы никто не смог увидеть их из окна.

Хоть Аот сомневался, что кто-то будет высматривать их. Ставни были закрыты, а сквозь щели не было видно света.

- Что теперь? – спросил Джет.

Аот прыгнул со спины грифона:

- Я войду за ним.

Наемник хотел было взять щит, но все же оставил его пристегнутым к седлу. Лучше пусть обе руки будут свободны, чтобы сражать копьем.

- Умно ли это? – спросил фамильяр. – Ты мог бы понаблюдать за этим местом отсюда, пока я приведу подкрепление.

- Когда кто-то силой ворвется внутрь, враг узнает об этом. Это позволит им еще раз сжечь все бумаги и прочее. Если я проскользну один, то это увеличит шансы, что я наконец получу какие-то ответы.

- Это также увеличивает шансы, что кто-то оторвет тебе голову.

- В ту ночь в саду мы убили несколько драконорожденных. В Сулабаксе их не может прятаться бесконечное число так, чтобы никто не заметил. Даже если один из них обнаружит меня, думаю, я смогу сдержать оставшихся, пока ты не приведешь подкрепление, о котором говорил.

- Хорошо. Вернусь так быстро, как только смогу.

Фамильяр вскочил, ударил крыльями и взмыл к звездам.

Аот пробудил магию одной из своих татуировок, и на мгновение ее узор на его груди стал холодным как лед. Заклинание не давало настоящей невидимости, но делало так, что заклинателя было трудно заметить.

Затем он приблизился к двери, в которую вошел драконорожденный. Наемник ничего не слышал по другую сторону. Аот проверил ручку. Как он и предполагал, она была заперта.

Аот сунул острие копья в щель под защелкой и высвободил немного силы из оружия. Дверь резко щелкнула и открылась.

Он заглянул в пустой коридор с открытыми дверными проемами и лестницей, ведущей вверх. Наемник не видел и не слышал ни единого движения, что говорило о том, что никто не заметил его проникновения.

Аот прокрался вперед. Ни одна из комнат на первом этаже не была мебелирована, не было ни намека, что здание заселено. Это заставило его задуматься, не убили ли они с Джетом всех драконорожденных, кроме одного.

В маленькой комнате в конце поцелованные огнем глаза наемника увидели квадратный контур низкой потайной панели, которая, очевидно, соединяла это помещение с еще одним. Аот потянулся к ней, и в этот же момент она заскользила. Кто-то открывал ее с другой стороны.

Наемник повернулся и прокрался через дверной проем в соседнюю комнату. Затем он выглянул из-за угла.

Наклонившись, мужчина с густыми бакенбардами с проседью, бровями под стать им и родинкой в углу узкого рта вышел из отверстия и затем закрыл панель за собой. На нем был бархатный камзол с прорезями и подвернутыми манжетами, как у

преуспевающего торговца, и Аот понял, что он знаком с этим человеком. Хотя и не мог вспомнить его имя.

Кем бы ни был этот сукин сын, он не заметил ничего подозрительного. Аот решил было прыгнуть на него, но затем передумал и последовал за ним.

Мужчина направился вниз по лестнице, в погреб. Наемник дал ему время спуститься вниз, затем подкрался на достаточное расстояние, чтобы увидеть, что находилось внизу.

Кто-то проделал немалую работу, превратив подвал в настоящий храм Тиамат, пятиглавой королевы драконов. Ритуальные свечи горели перед бронзовой статуей богини. Одно пламя было красным, второе - белым, третье – синим, четвертое – зеленым, а последнее выглядело как дрожащая каплеобразная тень. Шеи скульптуры, казалось, извивались в мягком, колеблющемся свете.

Портрет, изображавший Расплату богов в ее женском, человеческом облике красивой женщины с длинными черными волосами, висел на стене рядом со искусно нарисованной разноцветной пентаграммой. Запах горького ладана наполнял воздух.

Драконорожденный-убийца стоял голый пред пятиугольным алтарем. Темные чешуйки сверкали в свете свечей, а его мантия лежала на полу.

Убийца впился взглядом в мужчину с бакенбардами.

- Я не особо люблю смертных, - сказал драконорожденный. – И уж тем более не люблю, когда они заставляют меня ждать.

Аот нахмурился. «Смертные»?

- У меня обычная жизнь, - ответил мужчина. – Я должен посвящать ей некоторое время. Иначе люди начнут что-то подозревать.

- Просто верни меня в себя.

- Я работаю над этим, - он снял накидку с крючка на стене и набросил поверх своей одежды. Мерцающие чешуйки на одеянии меняли цвет, пока он двигался. Мужчина надел пять колец – на каждом был камень в цвет огней свечей – и поднял инструмент или оружие, похожее на шахтерскую кирку.

Очевидно, он и был служителем этого храма.

Мужчина повернулся лицом к драконорожденному:

- Стой смирно.

Он произнес шипящие слова силы и рубанул тяжелой, на вид неподъемной, киркой по согнувшейся фигуре с такой ловкостью, которой позавидовал бы самый умелый жонглер. Пять клиновидных голов статуи Тиамат, казалось, слегка наклонились вперед, но это скорее всего было плодом воображения Аота.

Убийца изменил форму.

Его черты остались как у рептилии, но исказились от благородных черт драконорожденного до уродливых. Кожистые крылья и длинный хвост с шипами вырвались из его спины. Он – или оно – упало на корточки.

Аот не был знатоком демонов. Но он встретил немалое их количество на полях боев и мог узнать абишаи. Было логично, что при помощи магии один из дьяволообразных духов мог принимать форму драконорожденного. Обе расы были родственниками драконов, а следовательно и друг друга, во что бы ни верили тимантерцы.

Более того, многие вещи теперь обрели смысл. Например, почему у драконорожденных убийц, налетчиков и пиратов не было клановых колец, или почему такие осведомленные тимантерцы как Перра не могли объяснить эти явления. И вот почему они обладали сверхъестественными способностями, которыми обычные драконорожденные не были наделены, и как они могли проникать незамеченными в самое сердце города в перерывах между своими зверствами. Они этого и не делали, а просто возвращались домой, в царство Тиамат в астральном мире, именуемом Твердыней Бэйна, пока заклинатель-человек не считал за нужное снова их призвать.

Аот испытывал нарастающий восторг. Эта загадка действительно стоила того, чтобы разгадать ее. Когда он доложит о том, что обнаружил, это спасет альянс между Чессентой и Тимантером.

- Хорошо, - сказал черный абишаи, когда его перевоплощение закончилось. - Теперь отправь меня...

И повернул голову к лестнице.

Аот понял, что тот его заметил краем глаза. Заклинания было достаточно, чтобы одурачить существо в форме драконорожденного, но только не сейчас, когда его чувства, очевидно, несколько отличались.

Абишаи метнулся к лестнице. Капли пота из дымящей кислоты стекали по нему, а хвост поднялся над плечом словно жало скорпиона, готовое нанести удар.

Аот выстрелил зарядами зеленого света из копья. Дьявол извернулся, и атака прошла мимо. Он продолжил подъем. Наемник наполнил острие своего оружия разрушительной силой и направил ее в грудь существа.

Абишаи уклонился и от этой атаки. Его хвост хлестнул Аота по плечу. Костяной шип звякнул о кольчугу и отскочил, но испарений, оставленных в воздухе, было достаточно, чтобы слезы навернулись на глаза.

Тем временем жрец начал молитву.

Аот провел обманный удар в ноги существа. Хлопнув кожистыми крыльями, оно прыгнуло вверх настолько высоко, насколько позволяло тесное пространство, пытаясь избежать атаки. Наемник крутил копье – еще один маневр, не самый простой в данных условиях – и впечатал древко в клыкастую рычащую пасть и нос противника.

Удар сбил абишаи с лестницы. Аот запустил новые заряды света и на этот раз существо, лишившись равновесия, не смогло уклониться. Снаряды погрузились в его тело. Дьявол дернулся, а затем упал недвижимо.

Наемник сразу же повернулся к жрецу. Какое бы заклинание этот ублюдок ни собирался сотворить, его нужно было остановить.

Но было слишком поздно. Мужчина с киркой закончил свое заклинание, и пентаграмма, как и секция стены, на которой он нарисовал ее, исчезли. На их месте открылась дыра в пустынную скалистую местность с красным небом и черными грозowymi тучами. И оттуда полезли абишаи.

* * * * *

Джесри изучала склон холма с новыми ямами и канавами, которые образовали рухнувшие туннели. Дракон лежал неподвижно, по-собачьи положив голову между передних лап, словно смотреть на творившееся вокруг было для него в тягость.

Насколько она могла судить, замерло и все остальное. Хотя это и не означало, что никто не изготовился в ожидании – если и было что-то, к чему у обитателей Царства Теней был природный дар, так это к скрытности и засадам – но если кто-то такой и был, ей оставалось только ждать, пока он появится, и убить его.

Она вышла на открытое пространство. Волшебница перевела дыхание, чтобы поприветствовать Чазара. Затем клочок земли зашевелился, словно что-то начало пробираться из-под земли.

«Хорошо, - подумала Джесри, - давай уже покончим с этим».

Девушка подняла свой посох и почувствовала его удовлетворение от того, что она наконец-то решила использовать его так, как он предпочитал.

Огромные руки, такого же цвета как и грязь вокруг, схватились за край новой дыры и стали подниматься. Голова с грубыми чертами лица и изогнутыми как у быка рогами. Массивные плечи, закованные в полосы резного камня.

Джесри начала пятиться назад. Она попыталась остановиться.

«Я не боюсь, - сказала она себе. – Меня выбило из колеи возвращение в Чессенту, а затем в Трескель, но мне стало лучше. Гаэдинн сказал, что мне лучше».

Но, очевидно, лучше ей не стало – она не могла прекратить пятиться. Она не могла прекратить дрожать или задыхаться. Хотя волшебница и знала, что этого не могло быть на самом деле, но она чувствовала, как жесткий, колючий, грязный рабский ошейник сдавливал ее шею.

Стихийный маг – кен-куни, один из гигантов с родством со стихией земли – усмехнулся, поднялся на ноги и направился к ней.

* * * * *

Абишаи разных цветов бросились вверх по лестнице. Аот знал, что, как и драконы, которых они напоминали, каждый из них был неуязвим к стихии, с которой делил родство. Красных тварей нельзя было сжечь, белых – заморозить, и так далее. Поэтому наемник запустил радугу разрушительной силы вниз по лестнице в надежде, что множество различных атак убьют их всех.

Шквал снарядов отбросил их и разбил лестницу под ними. Некоторые дьяволы в итоге упали недвижимо, обуглившись, усохнув или превратившись в камень. Некоторые, погрузившись в помешательство, растерянно оглядывались.

Остальные создания поднялись на ноги и зарычали на того, кто ранил их. А через пространственную дыру продолжало проникать еще больше мерзких тварей.

Возможно, если Аот убьет человека, открывшего этот портал, то он закроется. Наемник указал копьем, выпалил слова силы и запустил зазубренную стрелу из тени. Как и абишаи, жрец мог быть невосприимчив к одной или даже всем типам дыхания его богини. Но Аот надеялся, что чистейшая эссенция смерти пробьется сквозь любую защиту.

Магия пронзила тело жреца. Он выронил свою кирку и рухнул, а части его плоти превратились в слизь еще до того, как он упал на пол.

Но портал не закрылся. Руки обхватили лодыжки Аота. Пока он сконцентрировался на жреце, один из абишаи перескочил через обломки лестницы и схватил наемника. Вес дьявола почти стащил его через край. Его зеленое жало раз за разом кололо бронированный сапог Аота, а дымка, окружавшая существо, опалила его носоглотку и заставила кашлять. Часть лестницы под ними, держащаяся на хлипкой опоре или вообще без нее, покачнулась, словно вот-вот рухнет.

Наемник изо всех сил старался не кашлять. Он четко произнес слово, которое превратилось в сверхъестественный вой. Зеленый абишаи ослабил хватку и упал. Трое его друзей также рухнули замертво.

Но мгновение спустя Аот услышал стук и треск за спиной. Он обернулся и увидел красное танцующее сияние пламени.

Вместо того, чтобы атаковать в лоб на лестнице, некоторые красные и синие дьяволы крушили, сжигали и пробивали себе путь через потолок подвала. Если бы наемник остался там, где стоял, то его бы окружили, атаковав спереди и сзади одновременно.

Аот запустили еще одну радугу в противников внизу, отступая назад. Ему это не нравилось. Даже сильнейший боевой маг не обладал неиссякаемым запасом магии, а он уже использовал несколько своих сильнейших заклинаний. Но наемник был вынужден сдерживать существ в подвале еще хотя бы какое-то время, пока не уберется с лестницы.

Он почувствовал опаляющий жар и повернулся к нему. Окутанное пламенем красное существо тянулось к нему своими крючковатыми когтями и жалом. Аот взорвал тварь разрушающей вспышкой молнии.

Мгновение спустя молния поразила уже его самого, словно его собственное заклинание отразилось. Каждая мышца сократилась в судороге, и наемник застыл на какое-то время, а затем упал на колени.

Молния, вероятно, убила бы его, если бы не защитные чары, заключенные в его броне и татуировках. Но даже так его голова казалась пустой и гудела как колокол. Свет плясал в глазах синего абишаи, искры вспыхивали и шипели на его чешуе, и какая-то часть наемника поняла, что существо копит силы, чтобы еще раз ударить молнией. Но Аот не мог заставить себя отреагировать.

Даже когда сознание вернулось к нему, дрожащие мышцы все еще отказывались подчиняться. Но каким-то образом Аот указал копьем и послал клинок света, выпрыгнувший из острия. Парящий меч начал рубить, и абишаи упал на спину. Его молния разрушила часть потолка.

Задышавшись, с колотящимся сердцем Аот поднялся и отступил в пустые комнаты. Летающий меч покончил со своей первой жертвой. Наемник подозвал его к себе и приказал атаковать все, что приблизится к нему.

Но клинок не мог сдержать всех абишаи. Их было слишком много. Неровные тлеющие дыры появились в полу каждой комнаты, заставляя шагать осторожнее, а за каждым углом скрывались дьяволы. Когда Аот замечал существ, будучи вне их досягаемости, он атаковал их огнем и морозом. В остальных случаях наемник вгонял свое копьё в их внутренности.

Внезапно он ощутил запах надвигающейся бури, и перед его лицом промелькнул сноп искр. Аот дернулся в сторону, и ослепительный заряд молнии

прогремел сверху. Одна из синих тварей пробралась на второй этаж, пробила дыру в полу и выжидала, пока он пройдет мимо. Наемник послал летающий меч, чтобы снести голову этого исчадия с плеч.

Аот понял, что понятия не имеет, куда идти. Он столько раз поворачивал и уклонялся, что несколько смежных комнат непостижимым образом казались лабиринтом. Подавив волну паники, наемник оглянулся вокруг и обнаружил окно.

Взрывом звука он превратил ставни в щепки и метнулся к отверстию. Окутанный туманом и колючим морозом белый абишаи бросился на него. Аот вогнал копьё ему в глаз, высвободил оружие и выпрыгнул через дыру на улицу – туда, где его высадил Джет.

Не было видно никакой помощи, и наемник понял, что ее не стоило и ждать. Он пробыл внутри слишком мало времени, даже если ему самому казалось, что прошла целая ночь.

Аот вздохнул и прицелился копьем в абишаи, вылезавших и выпрыгивающих вслед за ним. «Что ж, подходите», - подумал он.

* * * * *

Гаэдинн выпустил последнюю стрелу, бросил лук, вытащил свою саблю из земли и выпрыгнул из кустов. Он сократил дистанцию до того как шадар-кай, в которого он выстрелил, упал.

Второго противника он рубанул по почкам. К этому моменту оставшиеся два шадар-кай уже раскрутили цепи. Наемник отпрыгнул, и концы оружия пронеслись мимо него. Гаэдинн сразу же приблизился и резанул туловище очередного молчаливого врага со шрамом на лице.

Лучник огляделся в поисках последнего противника, но не обнаружил его. Боль прокатилась по его лодыжке, а затем что-то выдернуло его ногу из-под него. Когда Гаэдинн упал животом на землю, то понял, что последний шадар-кай переместился ему за спину и обвил его ногу цепью.

Наемник перевернулся на спину и ударил. Шадар-кай наклонялся к нему с кинжалом с волнистым лезвием, но сабля разрежала его шею. Кровь хлынула из раны, противник упал на Гаэдинна, содрогнулся и замер.

Задыхаясь от боли в лодыжке, Гаэдинн сбросил с себя труп, освободился от цепи и пополз к шадар-кай, которого подстрелил. Наемник обнаружил, что у тела был колчан, полный черных стрел.

Было даже смешно, насколько он был рад обнаружить их. Гаэдинну по-прежнему было плохо от ядовитого взгляда безликих существ. От усталости становилось только хуже, а из-за удара цепью, он, скорее всего, теперь будет хромать.

Погоня привела его к участку относительно ровной земли, где мерцание теней подсказало ему, что преследователи были на лесистых склонах и горных хребтах по все стороны от него. Несмотря на все его усилия, им как-то удалось окружить наемника, и сейчас они собирались наброситься на него.

И не было ни единого признака спасения в обозримом будущем. Короче говоря, это означало, что даже если Госпожа Удача благоволила ему сегодня, стрелы могли

только отстрочить его смерть ненадолго и заставить шадар-кай заплатить большую цену за честь прикончить лучника.

Тем не менее, это лучше чем ничего. Рискованная затея могла окупить себя – хотя бы для Джесри – и, в любом случае, лучше погибнуть с натянутым луком, чем размахивая клинком. После этого Остроглазый не откажется поприветствовать его дух в своем лагере.

Просто чтобы поддержать пыл врага, наемник призвал живое пламя.

- Если можешь сражаться, - сказал он элементали, - то сейчас самое подходящее время, чтобы мне это продемонстрировать.

Гаэдинн не был уверен, но ему показалось, что ее светящиеся расплывчатые черты насмешливо улыбнулись.

* * * * *

« Я не обязана пресмыкаться и убегать, - сказала себе Джесри, пятясь назад. – Я могу убить эту тварь. Моя магия сильнее, чем магия любого кен-куни».

Ее посох тоже заклинал ее постоять за себя. Он обещал, что стоит лишь высвободить его мощь, и она сокрушит любого врага.

Тем не менее, волшебница продолжала отступать. Посмеиваясь, гигант неторопливо шел за ней, очевидно, настолько не впечатленный наемницей, что не видел смысла быстро сокращать дистанцию.

Девушка поняла, что существо даже не удосужилось вытащить огромный меч, привязанный за спиной. Возможно, он даже не хотел убить ее. Может быть, он планировал оставить ее в живых, надеть на нее ошейник и *сломить* всеми ужасными, невообразимыми способами.

«Так сражайся же! Не позволяй ему!» - но вместо этого, волшебница начала задыхаться и хныкать.

Существо взмахнуло своей огромной, испачканной в грязи рукой. Дрожь пробежала по земле и сбила Джесри с ног. Затем неожиданно кен-куни подбежал и, прежде чем девушка смогла подняться, навис над ней. Гигант наклонился.

«Прости, Гаэдинн, - подумала девушка. – Я старалась». Она представила как лучник бежит и сражается во тьме.

И каким-то образом это – возможно, в сочетании с настойчивыми призывами посоха и всеми теми вещами, которые она себе говорила – привело ее к переломному моменту.

Она *старалась*? И все закончится вот так? Это все, что она могла предложить одному единственному настоящему другу, что у нее был? Ярость и ненависть нахлынули на девушку как лава, выжигая ее панику, бичуя стихийного мага и ее саму в равной степени.

Но поток пламени, соскочивший с посоха, нацелился лишь на гиганта, попал точно в лицо и отбросил на землю.

Когда тот поднялся на ноги, волшебница заметила, что ее атака не опалила его тело так, как обуглила бы тело простого человека. Но пламя явно ранило его. Участки его кожи выглядели затвердевшими, обесцвеченными и потрескавшимися, словно плохая керамика.

Кен-куни взревел и топнул ногой.

Джесри не обратила внимания на стремление посоха к огню и восстановила связь с землей. Когда волна дрожи достигла ее, она просто подняла волшебницу, а затем опустила назад. Земля даже не попыталась встряхнуть наемницу, не говоря уже о том, чтобы сломать ей шею или вырвать конечности.

Гигант зарычал, и части его искривленного лица осыпались. Джесри посмеялась над ним.

Кен-куни вытащил свой меч из ножен и бросился в атаку. Девушка заговорила с ветром, и тот поднял ее вверх наперегонки с длинной ног и дальностью атак гиганта.

Она едва успела: существо подпрыгнуло так высоко, насколько могло, взмахнуло мечом сверху вниз, и тот прошел всего в дюйме от ног волшебницы.

После этого бояться уже было нечего. Паря над врагом, Джесри запустила в него несколько огненных снарядов, один за другим. Пока гиганта бросало в стороны, он кричал, а его тело крошилось больше и больше.

О Девять Темных Принцев, как же это приятно! Так приятно, что когда сражение закончилось, часть ее все еще хотела продолжать поливать огнем куски плоти существа.

Но у нее была работа, которую нужно было закончить. Поэтому девушка изо всех сил старалась контролировать свое неровное дыхание и привести мысли в порядок. Затем она попросила ветер отнести ее к пленнику.

Несмотря на свои оковы и ужасное истощение, он по-прежнему оставался огромным красным драконом, и девушка опустилась прямо перед ним с болезненной дрожью. Но тот только изучил волшебницу измученными золотыми глазами.

- Вы Чазар? – спросила Джесри.

- Ты и так видишь, что это я, - ответил он. Его голос был скорее похож на хрип, чем на грохот или шипение змеи, будто даже просто говорить ему было ужасно тяжело.

- Люди говорят, вы были великим волшебником.

Несмотря на свою слабость, его глаза вспыхнули ярче, и Джесри поняла, что сделала шаг назад.

- Я есть бог! – заявил дракон.

- Прошу прощения за оговорку, - сказала девушка, стараясь говорить уверенно. – Но я веду вот к чему. Если я освобожу и исцелю вас, вы сможете вернуть меня и моего товарища назад, в мир смертных?

- С радостью, - ответил Чазар, - если ты сдержишь свою часть сделки.

- Думаю, что справлюсь. Вы уже видели мое родство с огнем, и он как раз является вашей жизненной энергией. Я собираюсь влить ее в вашу кровь и жилы.

Чазар помедлил, словно девушка удивила его.

- Вообще-то это может сработать, если предположить, что ты сможешь направить такое количество энергии, не теряя контроля. Если собираешься попробовать, то лучше бы тебе уже начать.

- Пока не вернулись шадар-кай?

- Пока Ссилригот – дракон скверны – не вернулся лично. Нам несказанно повезло, что он не может жить здесь, чтобы не вытянуть жизнь у своих рабов. Но я уверен, что он почувствовал суматоху и уже в пути.

* * * * *

Постоянно поворачиваясь, попеременно целясь в абишаи на земле и тех, что летали над головой, Аот выкрикнул слова силы и начал последние свои атакующие заклинания. Наемник уже убил немало врагов и хотел прикончить еще больше. Но он подозревал, что когда он закончит создавать вспышки огня и волны костедробящей вибрации, противников все равно останется достаточно чтобы наброситься на него и разорвать на части. Ему ни за что не удастся закрыть те проклятые ворота в подвале.

В любом случае, похоже, он умрет, сражаясь за Чессенту. За страну, которую он ненавидит так же сильно, как она ненавидит людей, вроде него.

Раздался за спиной раздался звук копыт. Аот обернулся через плечо.

Цера мчалась в его направлении в позолоченных нагруднике и шлеме. Наемник понял, что, должно быть, она тоже ждала, пока убийца сделает свой ход, и когда Аот пронесся через весь храм, жрица постаралась проследить за ним. Девушка не смогла бы уследить за Джетом, но, возможно, какой-то магический трюк помог ей в этом. Или, может быть, ее привели вспышки света и раскаты грома. Если задуматься, это был не такой уж незаметный бой.

Золотистого цвета кобыла жрицы затормозила слишком рано. Животное попыталось развернуться и убежать, и Цера старалась с ней справиться.

- Убирайся отсюда! - прохрипел Аот. Затем он услышал хлопок кожистых крыльев и обернулся.

Зеленый абишаи прыгнул на него. Задержав дыхание и прищурившись от жгучей дымки, окружавшей существо, наемник уклонился от хлесткого удара хвостом и вогнал свое копьё в корпус врага, вытащил оружие назад и выпрыгнул из облака.

Когда Аот снова оглянулся назад, Цера поднималась с земли. Она не выглядела раненной, но у нее даже не было оружия. Ее булава все еще висела на седле кобылы, которая скакала прочь со всех ног.

- Беги! – закричал Аот. – Ты не сможешь сражаться с этими тварями!

- А тебе и не нужен боец! – ответила Цера. – Тебе нужен экзорцист!

Она начала петь.

Видимо узнав силу ее слов, дьявол бросились к ней. До конца истощив свою магию, Аот создал стену огня и вращающихся лезвий между жрицей и ее противниками. Все, лишь бы сдержать их.

По крайней мере, в те редкие моменты, когда один или несколько абишаи не пытались сжечь, взорвать или заколоть его. Все оставшееся время наемник вгонял свое копьё в кажущуюся бесконечной череду рычащих и царапающихся тварей. Оружие казалось на удивление тяжелым и неподъемным, причем не только из-за усталости. Внутри него не осталось и капли магии.

Затем за его спиной вспыхнул свет и залил улицы, осветив их ярко, словно днем. Некоторые из дьяволов вспыхнули как сухие листья в костре. Остальные твари запнулись, а когда снова двинулись вперед, с трудом могли идти, будто сражаясь с течением реки. Казалось, они нащупывают путь перед собой, будто ослепнув.

Это помогло. Аот убил еще троих. Но затем он заметил синего абишаи, проскользнувшего мимо него. Теперь существо парило над Церой. Искры заплясали на чешуйчатой коже, пока оно готовилось метнуть заряд молнии.

Аот произнес слова силы и запустил луч холода из протянутой руки. Это была самая мощная атака дальнего боя, какая у него оставалась, но этого было недостаточно. Дьявол дернулся и покачнулся в воздухе, но все же выжил.

Его тело засветилось изнутри...

И затем Джет налетел на него и глубоко вонзил свои когти в его спину. Заклинание разрядилось с потрескивающей вспышкой, заставив Аота вздрогнуть, но когда грифон сбросил с когтей безжизненное тело и полетел дальше, было ясно, что Джет пережил разряд.

Новые грифоны вынырнули из ночного неба на свет Церы. Наемники верхом на них выпускали стрелы одну за одной, и абишаи начали падать. Аот сражался так отчаянно и, казалось, так долго, что было что-то волшебное в том, как быстро закончилось сражение.

Было бы не так быстро, если бы новые абишаи продолжали вырываться из дома, но наемник заметил, что в какой-то момент они закончились. Что-то – то ли смерть хранителя змеев, то ли экзорцизм Церы, то ли просто иссякшая магия заклинания – заставило наконец портал в царство Тиамат закрыться.

Джет приземлился на улицу, разнеся запах опаленных крыльев.

- Конечно, - сказал он, - в Сулабаксе не может скрываться слишком много врагов. Даже в худшем случае ты сможешь справиться со всеми оставшимися.

- Когда я это говорил, это казалось разумным, - фыркнул Аот. – Ты и сам наверняка так думал, судя по тому времени, что ты сюда добирался.

- Это потому, что люди – идиоты. Я не знаю, сколько раз мне пришлось повторять, чтобы до них дошло, что с тобой все в порядке и тебе нужна...

Заклинание Церы резко оборвалось.

Аот и Джет повернулись в ее сторону. Поблизости не было ни одного абишаи, как и крови на ней самой. Но она рухнула, и в тот же миг темнота снова поглотила улицы.

Аот побежал к ней. Его фамильяр спустя мгновение последовал за ним, опередив хозяина гигантским прыжком.

* * * * *

Прикосновение огня было настолько потрясающим, насколько прикосновение смертного любовника – мерзким. Это чувство наполнило Джесри восторгом и стремлением раскрыться еще сильнее.

Девушка не знала, что произойдет, если она так поступит. Возможно, она просто испепелит себя. Или, может быть, ее человеческая оболочка растает как окалина,

оставив существо вроде ифрита, создание, состоящее из огня куда больше, чем любой красный дракон. Любой исход был бы блаженнейшим завершением.

Но Джесри была волшебницей с тренированным интеллектом и волей и отказалась полностью отдаться простому ощущению, каким бы приятным оно ни было. Девушка не забывала о прочих аспектах своей природы – земле, воздухе, воде, и духе, или личности, памяти и цели – даже когда она вытягивала разреженную энергию огня из Стихийного Хаоса, концентрировала ее в посохе и затем вливала в тело Чазара.

Как ни странно, но результат напомнил ей действие воды – взрыв жизни, который наступает, когда дождь прекращает засуху. Горящее, как раскаленный уголек, но не излучающий жара – тот весь превращался в мышцы – тело дракона разрасталось, и новые чешуйки закрывали старые раны. Откинув голову назад к основанию своей длинной шеи, он тяжело вдохнул воздух и застонал. Возможно, его перевоплощение приносило ему боль, но если и так, то эту боль он явно приветствовал.

Для Джесри все выглядело так, будто дракон уже почти восстановился. Затем волна тошноты и головокружения окатила ее, и контроль наемницы над магией дрогнул. Огонь извне ухватился за нее, пытаясь завладеть ее телом, а ее коварный посох только радовался.

Волшебница не могла снова подчинить волю стихии своей собственной. Она могла лишь оборвать поток. Ревущий, извивающийся поток пламени прекратился, и Чазар взревел, когда он внезапно перестал играть на его теле.

Двигаясь скорее как морской скат в воде, чем как летучая мышь в воздухе, Ссилригот изогнулся и устремился вниз, окутанный облаком пыли. Листья, отмершие при появлении дракона, зашуршали, падая с прилегавших к холму деревьев.

- Во имя Леди Потерь, - произнес дракон скверны, - все мои слуги мертвы?

Он казался скорее удивленным, чем расстроенным.

- Нам придется найти способ расплатиться за это, волшебница. Сразу после того, как я закончу с этим прекрасным блюдом, что ты приготовила.

- Я был слаб, когда ты приковал меня к земле, - зарычал Чазар. – Все эти годы ты держал меня ослабленным. Но я больше не слаб.

Красный дракон поднялся, и скобы, удерживавшие его лапы, вырвались из земли.

Черные глаза Ссилригота расширились от потрясения, но он среагировал быстро. Легкое движение извивающихся мембран на его боках увело его подальше от Чазара. Дракон скверны открыл свою пасть и изверг струю песка.

Слабая и истощенная Джесри умудрилась поднять свой посох и приказать ветру помочь ей. Он взвыл, закружил вокруг нее и уберег волшебницу от дыхания дракона.

Но атака достигла Чазара. Какие-то частички пронеслись по его чешуе словно песчаная буря. Остальные прилипли и загорелись.

Ссилригот зарычал, и вокруг головы Чазара возникли пыльных вихрей, без сомнения, чтобы ослепить и отвлечь его. Красный вирм замахал головой назад и вперед, но клубящиеся облака двигались следом за ней. Тем временем Ссилригот втянул воздух.

Несмотря на болезненную слабость, Джесри прошептала слова силы. Ветер взвыл и разорвал вихри на части.

Прозревший Чазар хлопнул своими гигантскими крыльями и взмыл в воздух. Кончик его хвоста хлестнул в направлении наемницы, и та упала плашмя, чтобы ее не задело.

Чазар врезался в Ссилригота и вцепился в него своими челюстями и когтями всех четырех лап. Красный вирм обвил его своим хвостом, словно питон. Дракон скверны ответил тем же.

Связанные таким образом, они больше не могли парить. Они рухнули на землю и покатались к Джесри. Волшебница отбежала как раз вовремя, чтобы ее не раздавили.

Девушка металась, пока не убедилась, что в безопасности, и просто оперлась на свой посох, наблюдая, дрожа и задыхаясь. Она была измождена и слишком плохо себя чувствовала и сомневалась, что смогла бы помочь Чазару, даже не будучи такой усталой. Пока вирмы обвивались друг вокруг друга, было бы трудно наложить заклинание стихийной магии на одного, не задев второго.

Их борьба сотрясала землю, и те подземные пещеры, что не разрушились от ее землетрясения, обрушились под весом драконов. Куски вырванной плоти летали в воздухе. Пламя плясало вокруг клыков вирмов, пока они хватали и кусали. Огонь Чазара был синим и ярко золотым, а Ссилригота – темно-красным, словно тот ядовитый песок, которым он выдохнул ранее, раскалился от его ярости.

Какое-то время казалось, что Чазар методично разрывает своего противника на части. Затем глаза Ссилригота стали еще чернее, а его плащ из пыли потемнел. Чазар заревел, его раны раскрылись, гния по краям, в то время как раны дракона скверны начали затягиваться.

«Прикончи его! - подумала Джесри. – Пока он не поглотил все, что я передала тебе!»

Будто услышав ее, Чазар напряг все лапы, чтобы ослабить хватку Ссилригота. Не выдержав давления, кость в его левом крыле треснула, и ее острый конец пробил кожаную мембрану. Но затем он высвободился из колец противника.

Красный дракон сразу же открыл свою пасть шире, чем Джесри представляла себе возможным. Воспользовавшись преимуществом в подвижности, Чазар метнулся к Ссилриготу словно стрела, выпущенная из лука. Волшебница только сейчас заметила, насколько красный вирм был крупнее своего оппонента. Достаточно крупным, чтобы его челюсти сомкнулись за глазами на морде Ссилригота.

Челюсти Чазара напряглись, когда он изо всех сил сжал их и начал мотать головой из стороны в сторону. Изворотливый как змея Ссилригот обвился вокруг врага и выпустил когти. В некоторых местах он расцарапал Чазара до кости. Тем временем его хвост бил сверху и снизу по шее красного дракона.

Джесри задержала дыхание. Она не думала, что битва продлится долго. Никто, даже дракон, не сможет больше выносить такое. Один из них сейчас должен погибнуть.

И им оказался Ссилригот. Внутри пасти Чазара послышался громкий хруст, и затем шея дракона скверны задергалась. Больше она ни к чему не крепилась. Кровь хлынула из зазубренной чаши – того, что осталось от черепа Ссилригота.

Обезглавленное тело ударило Чазара еще раз или два. Затем всплески крови утихли, шея противника упала на землю, обмякнув, как и его конечности.

Красный дракон выплюнул несколько кусков головы Ссилригота. Джесри обратила внимание на короткие рога, украшавшие ее, и поняла, что пасть дракона сейчас просто месиво из язв, и вздрогнула. Используя все свои оставшиеся силы и скорость, Чазар продолжал терзать тело своего врага.

Джесри нахмурилась. Он определенно знал, что Ссилригот был уже мертв. Но дракон, казалось, не собирался останавливаться, пока не разорвет тело дракона скверны на мелкие части.

Так дело не пойдет. Гаэдинн нуждался в них прямо сейчас.

Волшебница сделала шаг вперед.

- Господин! – позвала она.

Когда Чазар развернулся в ее сторону, его глаза сверкали, и пламя плясало между его клыков. Вспышка ужаса потрясла ее, когда девушка поняла, что дракон не узнает ее. Вирм присел, готовясь к прыжку...

И затем он, очевидно, вспомнил наемницу. Джесри не была экспертом в чтении выражений на морде драконов, но она все равно заметила, что ярость в его глазах исчезла.

Чазар выпрямился, встав в менее угрожающую позу. Он начал говорить, поморщился, сплюнул сгусток крови и огня и продолжил:

- Дочь моя.

- Мой товарищ, Гаэдинн, - сказала девушка. – Шадар-кай гонятся за ним.

- Да. Я видел начало погони.

- Если мы не поможем ему в ближайшее время, то будет уже поздно.

Чазар повернулся и опустил крыло, коснувшись им земли.

Девушка поняла, что она должна была взобраться по нему как по трапу. Подумав о сломанных костях, она спросила:

- Вы по-прежнему можете взлететь?

Дракон рассмеялся.

- Я бы полетел к звездам ради возможности испепелить этих паразитов.

Джесри поднялась по крылу и ощутила запахи тления, крови, разложения и чего-то вроде высохших экскрементов рептилий. Восхождение не отторгало ее. Даже будучи наделенным разумом, Чазар так сильно отличался от гигантов или людей, что Джесри могла касаться его так же легко, как грифона.

Она уселась между двумя выступами гребня у основания его шеи. Дракон тотчас же бросился вперед, ударил крыльями и взмыл в небо.

Как только они поднялись, девушка принялась изучать холмы внизу. Она увидела только землю и деревья. Волшебница спросила у ветра о погоне, но это оказался один из тех случаев, когда стихия не обратила на действия существа из плоти и крови никакого внимания.

Затем Чазар спустился ниже, и волшебница заметила живое пламя, которое она призывала, одиноко сияющее среди холмов. Шадар-кай мелькали на склонах, подбираясь ближе к приманке в низине. Один из них упал. Наемница не могла увидеть стрелу, пронзившую его, но Джесри была уверена, что она там была, и улыбнулась.

Чазар не зарычал, чтобы не объявить о своем появлении. Он налетел на темные фигуры как сова на мышь. Первые противники не узнали о его присутствии, пока поток огненного дыхания не стер их с лица земли.

Чазар сделал круг и сжег вторую группу. К тому моменту как зашел на третий круг, оставшиеся шадар-кай были готовы к битве, но это было неважно. Их копья и стрелы не смогли бы остановить существо, которое пережило клыки и когти Ссилригота. Большая часть снарядов отскакивала от чешуи Чазара, и, почти вне себя от радости мести, он, казалось, даже не обратил внимания на те, что в него попали.

К удивлению Джесри, она испытывала жалость.

«Бегите, - подумала она. – Некоторым из вас, возможно, удастся сбежать».

Но ни один из них даже не попытался. И когда последний шадар-кай умер, а Чазар приземлился, Гаэдинн, хромая, вышел из кривых елей – своего укрытия. С серым лицом и волосами мокрыми от пота, он усмехнулся и сказал:

- А все прошло даже лучше, чем я рассчитывал.

ЭПИЛОГ

13-е число месяца Миртул, Год Извечного (1479 ЛД)

Кхорин с первого взгляда понял, что армия, которая скорее сбилась в кучу, чем разбила лагерь на берегу озера Золы, пережила тяжелое поражение. Дело было не только в множестве лежавших на земле раненных, часть из которых стонала и звала на помощь. Причина была в отсутствии прямых линий и организованности и недостатке палаток и телег. Страдание практически витало в воздухе.

Кхорин вздохнул от собственной печали.

«Домой в этом сезоне я не вернусь, - понял дворф. – Скорее даже не в этом году».

Он коснулся своего серебряного обручального кольца под кожаной с металлом перчаткой.

- Это Защитники Копья там внизу, - сказал Медраш.

- Да, - ответил Кхорин. – Я догадался.

- Ну, - вмешался Баласар, - по крайней мере, никто не обратит внимание на то, что и наш отряд Даардендриенов проиграл свою маленькую битву.

Медраш повернул голову на свет.

- Это вообще не смешно.

- Согласна, - сказала Нала, слегка покачиваясь из стороны в сторону в седле. – Это священный момент. Переломный момент.

- Что ты имеешь в виду? – спросил Кхорин.

- Это же очевидно, - ответила волшебница. – Это доказывает, что только Платиновой Когорте под силу выстоять против пепельных гигантов, и что наш народ больше не будет презирать нас. Напротив. Пошли. Нужно поговорить с их командующим.

Она пришпорила лошадь.

Патрин улыбнулся Медрашу.

- Это великий день и для тебя, брат, - сказал он. - Когда Тимантер станет почитать Багамута, уверен, Торм тоже получит дань уважения.

Затем он поскакал за Налой.

Кхорин остался на месте, как и Медраш с Баласаром. Очевидно, что все они испытывали одно и то же желание – сидеть на своих скакунах и тихо совещаться, в то время как пешие солдаты проходили мимо.

- Я всегда надеялся, что у Торма появится больше почитателей, - сказал Медраш, - но не такой же ценой. И я говорю это не только потому, что Багамут это драконий бог, что само по себе отвратительно. Во всем этом что-то не так. Есть что-то нездоровое в том, что происходит с этими культистами в бою.

- Согласен, - сказал Кхорин. - И я пришел к тому же выводу – я считаю, что каким-то образом это часть чего-то большего, но не спрашивай, чего именно.

Он издал грустный смешок.

- Я с самого начала знал, что не создан для интриг, и моя растерянность только подтверждает это. Но мне приходит в голову, что если я соглашусь на предложение покорителя, то, возможно, смогу помочь вашим войскам победить без молитв Налы. Не знаю, слышали ли вы, но дворфы хороши в борьбе с гигантами.

- Ты это сделаешь? – спросил Медраш.

- Ненадолго. Если наши догадки верны, то это может оказаться самой полезной вещью, которую я могу сделать для Братства.

- Похоже на план, - сказал Баласар. - Вы двое идите и побеждайте в битвах, пока я проникну в культ.

- Что? – удивился Медраш.

Баласар усмехнулся.

- Они не поверят, что дворф хочет раскрыть свою драконью природу или что ты хочешь поклоняться их богу, когда без умолку твердишь о том, которого обрел. Кто, если не я, еще остается, чтобы как всегда сделать всю трудную работу?

* * * * *

Цера парила среди света, тепла и высшего порядка во всей его красе. Все вращалось в таком соотношении, этот баланс был и безумно сложным, но и настолько величественным и неизменным, что здесь был возможен только мир.

Она поняла, что все, что она видела и чувствовала вокруг – Амонатор. Он явил себя, даже если решил не показывать себя в подобной человеку форме.

Девушка радовалась, пока не появились – ярче самого света, но каким-то образом все равно различимые - светящиеся духи. Они взяли ее и нежно подвели к темному пятну, которого раньше не было видно.

Жрица знала, что они исполняли приказ Амонатора, и сопротивляться было бы немислимо. Тем не менее она опечалилась, когда они подвели ее к грубости, мраку и непостоянству.

На мгновение Цера ощутила себя тяжелой, будто из свинца, и поняла, что ее дух снова слился с ее телом. Девушка еще раз открыла глаза и, хотя ее зрение было расплывчатым, заметила Аота, сидящего у ее постели.

- Ты плачешь, - сказал он, смахнув огрубевшим пальцем слезы с ее глаз.

- Мне было грустно, - объяснила Цера, - но теперь все хорошо.

- Это значит, что ты в порядке? Другие жрецы сказали, что ты перенапряглась, взяв слишком много силы Амонатора. Они молились за тебя.

- И ты сидел со мной.

Наемник фыркнул.

- Мне даже пришлось просить об этом. Уже ходят слухи, что злой тэйский маг призвал абишаи посреди города, и даже некоторые из твоих людей, похоже, верят, что в этих словах есть правда.

Девушка улыбнулась.

- Что ж, они неплохо разбираются в людях.

Аот протянул Цере чашку с водой.

- Большое спасибо! А я, по всей видимости, плохо разбираюсь в людях, ведь понятия не имел, что ты проследишь за мной. Почему, во имя Повелителя Огня, ты мне об этом не сказала?

Она села, но сразу же ощутила головокружение и решила, что пока лучше не вставать. Девушка отпила из чаши. Прохладная вода чудесно освежила ее пересохшие горло и рот.

- А ты бы согласился на такое?

- Сомневаюсь.

- Вот тебе и ответ. Все сработало, так что не жалуйся. Скажи мне, что ты узнал.

Аот рассказал ей обо всем, и когда он закончил, жрица почувствовала себя немного мудрее.

- Была ли это парочка хранителей змеев, творящих козни, - спросила Цера, - или вся Церковь Тиамат? В любом случае, зачем? Чессентцы считают дракона героем, так что мы должны им нравиться.

- С другой стороны, - начал Аот, - у Трескеля драконы, живые и нет, за князей.

- Наверное, в этом и причина. Но разве ты не нашел никаких бумаг или... хоть что-то?

Наемник улыбнулся.

- Какие-нибудь убедительные бумаги, которые бы пролили свет на все происходящее? Боюсь, нет. Радуйся, что мы поняли что-то, и что, скорее всего, больше не будет существ, подражающих драконорожденным, которые попытаются убить меня, пока я остаюсь в Сулабаксе.

- Должно же быть что-то еще, что бы мы могли сделать, чтобы решить эту головоломку.

- Не представляю, что. Мы полностью размотали этот клубок здесь, в баронстве. И помни, мне никто не платит за то, чтобы я этим занимался. Моя задача – сражаться с Трескелем. Я пошлю весть о том, что мы узнали, в Лутчек. Лорд Никос и Герой Войны сами решат, что делать с этими сведениями.

Девушка потрясла головой.

- И любопытство не сведет тебя с ума?

- Как-нибудь переживу.

Возможно, Аот мог бы заняться и этим. Но он не был жрецом бога, который явил видение о совете драконов. Это было ее святым долгом – понять, что оно значит и как связано с хранителями вирмов, абишаи и проблемами, охватившие ее королевство.

И это было справедливо, ведь в отличие от Аота, Цере было слишком любопытно, чтобы прекратить размышлять и молиться об этом. Так что было приятно осознавать, что Амонатор одобряет.

* * * * *

Чазар напевал последний куплет заклинания. Его раны уже затянулись почти наполовину, а глубокий голос становился все громче с каждым слогом. Хоть его ноги не отрывались от земли, у Гаэдинна было парадоксальное ощущение полета. Затем солнечный свет смыл темные сумерки, которые заменяли в Царстве Теней день.

Небесные Всадники были опасным местом, но в сравнении с миром мрака горы казались раем. Джесри оглядела цветущие деревья с зелеными листьями и пятна голубого неба, видимые сквозь ветви, с улыбкой на лице.

Гаэдинн знал, что у нее была причина для улыбки. Они преуспели в своей миссии, превзойдя все самые смелые ожидания. Теперь, вернувшись домой, Чазар вполне мог оказаться ключом к победе. Кроме того, Джесри каким-то образом удалось избавиться от старых страхов, которые пожирали ее с тех пор, как они вернулись в Чессенту. Волшебница не говорила об этом, но Гаэдинн видел разницу.

Поэтому он должен был разделить ее радость. Он пытался. Но когда лучник смотрел на огромного красного дракона, нависавшего над ней, смотрящего на мир, что он потерял и вернул в своего рода исступленном восторге, наемника посещала мысль, из-за которой было трудно радоваться. Гаэдинн повторял себе, что нет причин думать об этом, но вопрос все же просился наружу.

«Что же именно мы сделали»?

